

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования "Уральский государственный педагогический
университет"**

На правах рукописи

ОМАСHEBA ЖАНАР МАГАУЯЕВНА

**Названия лекарственных травянистых растений в русском и казахском
языках: мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный
аспекты**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Темиргазина З.К.

Екатеринбург, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. МОТИВАЦИОННО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	15
1.1 Сопоставительная мотивология: теория и методы	15
1.2 Наименования лекарственных трав как отражение национальной языковой картины мира	35
1.3 Классификации основных цветообозначений	47
2 МОТИВАЦИОННО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ	56
2. 1 Названия лекарственных травянистых растений как часть лексики русского и казахского языков: этимологический аспект	56
2.2 Синонимия и полисемия в ЛСГ названий лекарственных растений русского и казахского языков	68
2.3 Мотивировочные признаки лекарственных растений как отправная база для новых номинаций в русском и казахском языках	87
2.4 Способы образования названий лекарственных растений	97
2.4.1 Морфологические способ образования названий лекарственных трав	100
2.4.2 Синтаксический способ словообразования названий лекарственных растений	115
2.5. Способ семантической деривации	120
3 ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ	147
3.1 Отражение мифов и верований в русских и казахских названиях лекарственных травянистых растений	147
3.2 Обрядность в названиях лекарственных травянистых	153

растений

3.3 Особенности концептуализации названий лекарственных	159
травянистых растений	
3.4 Цветовая символика в названиях лекарственных травянистых	169
растений	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	182
ПРИЛОЖЕНИЕ	199

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние лингвистики характеризуется интенсивным развитием направлений в области сопоставительных, сопоставительно-типологических и контрастивных исследований языка. Этому способствует ряд факторов: расширение межъязыковых связей и контактов, сопровождающееся явлениями взаимовлияния языковых систем (интерференцией, трансференцией и др.), возрастающий интерес к изучению системно-структурных отношений различных языков в лингвокультурном и когнитивном ракурсах.

Изучение языкового взаимодействия родственных и неродственных языков, применение сопоставительного метода к их исследованию позволяет выявить наиболее существенные и глубинные сходства и различия между ними, лучше понять закономерности и особенности изучаемых языковых явлений, глубже проникнуть в структуру языков, полнее изучить и осмыслить своеобразие каждого из сопоставляемых языков. Сопоставительный анализ дает возможность раскрыть своеобразие исследуемого языка и культуры на фоне других языковых картин мира, способствуя дальнейшему развитию лингвистической типологии, основы которой были заложены в лингвистической философии В. фон Гумбольдта [43], Е.Д. Поливанова [114], Л.В. Щербы [165], [164], А.И. Смирницкого [133] и многих других ученых.

Разнообразие языков и сложность языка как системно-структурного образования определили развитие следующих направлений: типологической лингвистики, лингвистики универсалий [130], контрастивной лингвистики [98], [169], структурной типологии тюркских языков [11] и сравнительной типологии неродственных языков [5], [134].

Проблемы сопоставительного и типологического изучения языков и их подсистем представлены в трудах российских и казахстанских ученых: В.Н. Манакина [95], В.И. Кононенко [80], В.М. Русановского [119], А.Е. Супруна

[139], З.К. Ахметжановой и Р.Е. Валихановой [9], Н.Х. Демесиновой [46], Х.М. Сайкиева [123], В.А. Исенгалиевой [62], М.Р. Сабитовой [122] и др.

Действие научных принципов экспансионизма, антропоцентризма, экспланаторности, функционализма, когнитивизма стало определяющим в развитии новых научных направлений, в русле которых развивается современная сопоставительная лингвистика: контрастивной семантики, контрастивной лингвокультурологии, контрастивной прагматики. Контрастивному анализу подверглись многие типы языковых единиц лингвокультурного и прагматического характера: мифологизированные культурно-языковые единицы, включая обычаи, поверья, легенды, отраженные в пословицах и поговорках, фразеологизмах, в следующих фундаментальных работах: Копыленко М.М., Попова З.Д. «Очерки по общей фразеологии» [83], Воробьев В.В. «О понятии лингвокультурологии и ее компонентах» [33], Вежбицкая А. «Понимание культур через посредство ключевых слов» [24], Колшанский Г.В. «Соотношение субъективных и объективных факторов в языке» [76], Телия В.Н. «Русская фразеология. Семантические, парадигматические и лингвокультурологические аспекты» [140], Кубрякова Е.С. «Части речи с когнитивной точки зрения» [86], Никитина С.Е. «О концептуальном анализе в народной культуре» [106], Jackendoff Ray. «Semantics and Cognition» [173]; культурно-языковые стереотипы и национальные картины мира с их специфическими концептами в работах З.К. Темиргазиной [142], Ш.К. Жаркынбековой [56], Н.Ж. Шаймерденовой [157], Э.Д. Сулейменовой [137], Г. Исиной [64] и др.

Особое место среди данных направлений принадлежит сопоставительной лексикологии (ономасиологии, семасиологии и мотивологии). Значительное внимание в такого рода исследованиях уделяется «теории языковой номинации, ориентированной на выявление принципов, способов и средств номинативной лексики; когнитивным исследованиям, направленным на описание концептуальных структур и понятийных категорий, отраженных в тех или иных языковых единицах, а

также на выявление основных каналов получения информации о внеязыковом мире и способов представления знания о нем. Исследовательское внимание лингвистов концентрируется и на привлечении широкого спектра языков с целью выявления специфических особенностей мотивационных процессов» [52].

Несмотря на достигнутые успехи в области изучения лексической мотивации на материале разных языков, проблема мотивированности языкового знака продолжает вызывать интерес лингвистов. Она рассматривалась в языкознании как на внутриязыковом, так и межъязыковом уровнях, являлась объектом изучения ономазиологии, семасиологии, фразеологии, синхронного словообразования, лексикографии. Результатом научных исследований и разработок в области сопоставления лексической мотивации словообразовательных процессов разных языков стало выделение сопоставительной мотивологии в отдельную научную дисциплину со своими целями, задачами и понятийно-терминологическим аппаратом.

Сопоставительная мотивология как самостоятельное направление впервые была заявлена О.И. Блиновой [17] и получила дальнейшее развитие в трудах представителей Томской лингвистической школы. Ими разработана и внедрена методика мотивационно-сопоставительного анализа, исследованы мотивационные возможности тематических групп лексики разных языков, указаны перспективы результатов проводимых сопоставлений.

Заметный вклад в развитие мотивологии как научного направления внесла казахстанская лингвистическая школа под руководством М.М. Копыленко [82]. Проблема мотивированности языкового знака стала основным предметом в сопоставительно-ономазиологических исследованиях таких ученых, как Ж.С. Бейсенова [12], Р. Валиханова [9], М.М. Гинатуллин [37], Г.А. Жакупова [53], Ф.К. Исенова [63], У.А. Мусабекова [102], Г.И. Уюкбаева [150] и др. Несмотря на значительное количество работ в казахстанской лингвистике, связанных с изучением мотивированности языкового знака, определенные аспекты сопоставления с позиции теории

мотивации относятся к малоразработанным.

Предлагаемое исследование направлено на сопоставительный анализ наименований лекарственных травянистых растений в неродственных языках - русском и казахском - в словообразовательно-лексическом и лингвокультурном аспектах. «К правильному научному анализу конкретного языка можно прийти только в результате всестороннего анализа языка на данном временном отрезке; при этом необходимо использовать методы аналитического сравнения, т.е. проводить сравнение языков без учета их генетического родства, направленное на то, чтобы отчетливо выявились существенные черты» [97, с. 196].

Необходимо отметить, что существующие исследования мотивации названий растений были направлены на описание мотивов именования, классификации наименований, выявлению их продуктивности и частотности. Наше исследование представляет собой попытку применения мотивационно-словообразовательного подхода к явлению мотивации названий лекарственных растений в обоих языках. Исследование названий лекарственных растений с целью описания их идиоэтнической специфичности и универсальности по основным параметрам словообразовательной мотивации (по типам и видам мотивированности, формантным частям, мотивационным моделям, мотивировочным признакам) в русском и казахском языках в казахстанской лингвистике комплексно и в сопоставительном плане не осуществлялось.

Мотивологическое исследование названий лекарственных растений в сопоставительном аспекте обуславливает поиск новых решений в области сопоставительной мотивологии и опирается на накопленный опыт сравнительно-сопоставительного изучения казахско-русского, русско-казахского и сопоставления казахского, русского языков с иностранными языками в разных аспектах: функционально-типологическом (З.К. Ахметжанова [9], Н.Г. Шаймерденова [158]); семасиологическом (З.К. Ахметжанова Р.С. и Валиханова [9], А.К. Жумабекова [57]); ономасиологическом (Г.И. Уюкбаева [150], К.Ж. Айдарбек [3], Г.А.

Омарбекова [109]); прагматическом (А. Куцегалинова [90]) и др.

Актуальность исследования определяется и теоретической и практической значимостью системного сопоставительного анализа мотивационно-словообразовательных и лингвокультурных особенностей названий лекарственных травянистых растений неродственных языков, которые могут оказаться за пределами внимания исследователя при изучении лишь одного языка – русского или казахского. С экстралингвистической точки зрения актуальность обуславливается длительными и постоянными культурноязыковыми контактами между двумя народами, определяющими важность и значимость сопоставительного исследования отдельных лексических пластов обоих языков, в частности, фитонимической лексики. Сопоставительное изучение наименований лекарственных растений может служить одним из источников изучения и познания реалий материальной и духовной культуры русского и казахского народов. С внутрилингвистической точки зрения актуальность настоящей диссертации связана с тем фактом, что фитонимия представляет собой специфическую часть лексической системы исследуемых языков, эта лексика имеет многовековую историю и ее формирование осуществлялось в разные исторические эпохи неодинаково. Данное исследование углубляет и дополняет научные знания о лексической системе и словообразовательном потенциале двух разноструктурных в морфологическом плане языков – русского и казахского – в сопоставительном аспекте.

Цель исследования – изучение мотивационно-словообразовательных и лингвокультурных особенностей русских и казахских наименований лекарственных травянистых растений.

Намеченная цель определила решение следующих задач:

1. Определить семантическую структуру названий лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках.

2. Описать названия лекарственных травянистых растений исследуемых языков по основным направлениям мотивационно-сопоставительного анализа: по типам и видам мотивированности,

формантным частям и мотивировочным признакам.

3. Выявить сходство и различия в мотивационном аспекте производных номинаций лекарственных трав в русском и казахском языках.

4. Осуществить анализ семантики названий лекарственных растений сопоставляемых языков в лингвокультурном плане.

Объектом исследования являются номинации лекарственных травянистых растений, рассматриваемые как составная часть научной терминологии и народной лексики исследуемых языков. В работе не решается задача стилистической дифференциации названий лекарственных трав и их стилистический анализ. Объектом исследования выступают, во-первых, терминизированные народные наименования, вошедшие в состав фитонимической терминологии, и, во-вторых, народные названия, не вошедшие в научный пласт лексики русского и казахского языков. Следует отметить, что народные названия получали самые распространенные в окружающей природе и повседневном обиходе и потому известные всем носителям лингвокультуры растения. Другим критерием отбора названий является их мотивированность, т.к. номинации сравниваются не только с лексической точки зрения, но и с точки зрения их мотивированности.

Научные названия латинско-греческого происхождения большей частью являются полными кальками и, соответственно, не могут передавать национально-культурную специфику номинаций исследуемых языков, их словообразовательные возможности и специфику языковой концептуализации. Таким образом, наименования латинско-греческого происхождения не входят в сферу нашего научного интереса.

Предмет исследования – мотивационно-словообразовательные и лингвокультурные особенности наименований лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках в сопоставительном ракурсе.

Методы и приемы исследования. В качестве основного метода выбран мотивационно-сопоставительный анализ, в ходе которого осуществляются анализ и сравнение мотивировочных признаков русских и казахских наименований лекарственных трав. Данный метод предполагает определение не только сходств и различий между ними, но и выявление

специфики каждого из рассматриваемых языков. Также был использован метод компонентного анализа – для выявления семантической значимости слов в названиях растений; словообразовательный и мотивационный анализ – для выявления сходства и различия наименований; дискретный анализ – при разборе по морфемному составу; трансформационный анализ, метод статистического анализа и ряд других методов и приемов.

Названия лекарственных травянистых растений являются одной из распространенных семантических групп лексики русского и казахского языков. В специальной литературе исследуемые нами объекты обозначаются рядом терминов: «названия растений», «названия лекарственных растений», «названия лекарственных трав». В нашей работе мы принимаем обозначение «названия лекарственных травянистых растений».

Основным **материалом исследования** послужили названия лекарственных травянистых растений, полученные методом сплошной выборки из лексикографических источников на русском и казахском языках, из аутентичных одноязычных справочников лекарственных растений, раскрывающих фитоморфологические признаки денотата, а также аутентичных одно- и многоязычных лингвистических и этимологических словарей, реестра лекарственных растений, учебной и научно-популярной литературы последних десятилетий.

Названия трав по отношению к источникам разделены на четыре группы: названия, извлеченные:

1) из толковых словарей: «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова (Москва, 1935-1940); «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі» жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов (Алматы, 2008); «Өсімдіктерге, жануарларға байланысты терминдер мен сөз тіркестерінің түсіндірме сөздігі» (А. Қуралов, Алматы, 2006); «Казахско-русский словарь арабско-иранских заимствований» Л.З. Рустимова (Алматы, 1989); «Парсыша-қазақша түсіндірме сөздігі» (Н. Ондасынов, Алматы, 1974);

2) из двуязычных и трехязычных словарей: «Казахско-русский словарь» под ред. С.Г. Сыздыковой (Алматы, 2008); «Персидско-русский словарь» под ред. М.Н. Османова (Москва, 1983); «Қазақстан өсімдіктерінің

казақша-орысша-латынша атаулар сөздігі» (Алматы, 2002) и др.;

3) из терминологических словарей: «Русско-казахско-латинский словарь растений, используемых в медицине и биологии» К.Д. Рахимова (Алматы, 2003); «Өсімдік атауларының орысша-қазақша және қазақша-орысша сөздігі» Б. Калиева (Алматы, 2005); «Қазақстан өсімдіктерінің қазақша-орысша-латынша атаулар сөздігі» А. Арыстанғалиева (Алматы, 2002);

4) также сведений из этимологических словарей: «Этимологический словарь тюркских языков» Э.В. Севортяна (Москва, 1974); «Краткий этимологический словарь русского языка» под ред. С.Г. Бархударова (Москва, 1975).

Названия лекарственных растений извлекались также из газет («Денсаулық», 1999; «Емші», 2004; «Травник», 2008); научной и научно-популярной медицинской литературы («Лекарственные растения Казахстана и их использование», 1996; «Халық медицинада пайдаланылатын дәрілік өсімдіктер», 2000) и т.д.

Картотека диссертационной работы содержит 1308 фитонимов, включающих 732 русских, 576 казахских названий (часть терминизированных номинаций имеет параллельные научные названия, другая часть имеет несколько народных названий).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексическое значение названий лекарственных растений в русском и казахском языках представляет собой совокупность семантических признаков, которые служат для их дифференциации. Лексическое значение включает интегральные, дифференциальные, актуальные и потенциальные признаки растений, соотносимые с соответствующими семами.

2. Названия лекарственных травянистых растений в обоих языках обладают структурной и семантической мотивированностью. Набор мотивировочных признаков, используемых при номинации, является достаточно специфичным и системно организованным.

3. Сопоставляемые языки имеют общие словообразовательные категории, однако степень продуктивности способов словообразования,

характер словообразовательных значений, круг производящих основ не совпадают. Продуктивность морфологического (сложение) и синтаксического вида мотивированности в казахском языке и преобладание морфологического вида мотивированности в русском языке становятся важными характеристиками названий лекарственных травянистых растений.

4. Названия лекарственных травянистых растений отражают этнические особенности и универсальные лингвокультурологические свойства семантики номинаций. Национально-культурная мотивированность семантики растений определена комплексом как собственно языковых, так и внеязыковых факторов, отражающих условия жизни этноса. В процессе номинации факты внеязыковой действительности воплощаются в системе исследуемых языков; структура и значение языковых единиц - названий растений - отражают общественный опыт носителей языка независимо от типа языка. Объект номинации может получить множество наименований, т.к. в каждом из сопоставляемых языков в процессе номинации может актуализироваться несколько мотивировочных признаков.

Научная новизна диссертации. Несмотря на то, что наименования лекарственных трав достаточно детально и всесторонне изучались в русском языке, см., например, работы Н.И. Коноваловой [78], [79], Н.И. Налётовой [104] и др., и имеются отдельные работы, анализирующие казахские названия лекарственных трав, исследования сопоставительного русско-казахского плана на материале наименований лекарственных растений в языкознании отсутствуют.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые сделана попытка мотивационного и лингвокультурного анализа названий лекарственных трав русского и казахского языков в сопоставительном плане, позволившем выявить общие и национально-культурные особенности названной лексико-семантической группы.

Теоретическая значимость работы заключается тем, что она является определенным вкладом в развитие теории номинации, сопоставительной мотивологии и социально-языковой контактологии. Исследование имеет

значение для дальнейшей разработки и систематизации теоретической и практической основы сравнительно-типологического изучения лексической семантики, способствует более глубокому пониманию и осмыслению ряда вопросов и проблем, касающихся мотивологии, этнолингвистики, лингвокультурологии. Анализ наименований лекарственных трав в указанном аспекте позволяет установить их специфику, определить условия и закономерности их образования, особенности проявления мотивированности. Материалы, методика и результаты работы могут служить основой для дальнейших исследований мотиваций грамматических и лексических классов на материале других языков.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты и методика анализа могут использоваться в дальнейшей разработке методики анализа сопоставительной мотивологии, в практике преподавания спецкурсов по этнолингвистике и лингвокультурологии, при составлении медицинских справочников, терминологических словарей и учебно-методических пособий по ботанике и лекарственным травам.

Методологической основой диссертационного исследования послужили основные положения лингвофилософской антропологии В. фон Гумбольдта [43], семантико-когнитивные исследования значения слова В.А. Масловой [96], С.Г. Воркачева [32], фундаментальные труды по русскому языкознанию (В.В. Виноградова [27], [28], Н.М. Шанского [160], Д.Н. Шмелева [162]), по казахскому языкознанию (Т. Сайрамбаева [124], А.Т. Кайдарова [66]), сопоставительной мотивологии (О.И. Блиновой [16], А.Д. Жакуповой [52]), сопоставительной типологии (З.К. Ахметжановой [9], Л.Н. Жаналиной [54]), а также работы Б. Калиева [68], [69], Ф.К. Исеновой [63], Г.Ш. Назаровой [103], Э.С. Кулиева [87], Ш. Сеитовой [129], К.Г. Арьяновой [8], И.Э. Подолян [113], С.Ю. Дубровиной [49], В.В. Колосовой [74], Д.Б. Мирзахановой [100] и др.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации освещались на следующих конференциях различного уровня:

республиканский научно-практической конференции, посвященной 85-

летию Г.А. Мейрамова и 40-летию основания кафедры методики и практики русского языка и литературы «Актуальные проблемы функционирования и преподавания языка и литературы» (Караганда, 2003);

международных научно-практических конференциях: «Қазақ тіл білімі мен Түркітану мәселелері» (Алматы, 2007), в области языкового образования (Караганда, 2007), «Отражение ментальных представлений в языке» (Актобе, 2008), «Проблемы языка в современной научной парадигме: XI Седельниковские чтения» (Павлодар, 2016).

Основные и промежуточные результаты диссертации публиковались на страницах журналов, входящих в перечень ВАК РФ:

1. Словообразовательно-мотивационный анализ названий в казахском и русском языках // «Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: Языки и специальность». – М.: РУДН, 2016. № 3. – С. 40-50.

2. Эквивалентные и безэквивалентные названия лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: Языки и специальность. – М.: РУДН, 2016. № 4. – С. 57-64.

3. Названия лекарственных трав в казахском языке: этимологический аспект // Вестник РУДН. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». – М.: РУДН, 2016. № 4. – С. 82-89.

Основные и промежуточные результаты диссертации также публиковались в журналах, рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК:

1. Когнитивный аспект изучения семантических полей в названиях лекарственных растений // Вестник КазНУ Сер. филол. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. - № 6 (105) – С. 129-132.

2. Қазақ тіліндегі дәрілік өсімдіктер атауларының жасалу жолдары // Тілтаным. Институт языкознания им. А. Байтұрсынова НАН. – Алматы, 2004. - № 4. – С. 120-122.

3. Сопоставительная мотивология: теория и методы // Вестник КарГУ. Сер. филол. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2011. № 2 (62). – С.137-142.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

1. МОТИВАЦИОННО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1.1 Сопоставительная мотивология: теория и методы

Становление современных сопоставительных исследований в области лексической мотивации происходило как с зарождением теории мотивации слов, так и с интенсивным развитием сопоставительных исследований в мировой и казахстанской лингвистике на всех уровнях языка.

Сопоставительная мотивология предстает как наука, изучающая лексическую систему двух или более языков с точки зрения мотивированности методом сопоставления их друг с другом. По Ст. Ульману, «сопоставление одного языка с другими языками ... является наиболее перспективным методом выявления характерных черт и тенденций семантической структуры языка» [147, с. 21]. В связи с этим в сопоставительных исследованиях нельзя ограничиться только выявлением расхождений, важно и описание общего, при этом «очень важным является выяснение характера и удельного веса специфического и общего» [41, с. 5].

О сложности мотивологии как науки свидетельствует факт расхождения в понимании лексической мотивированности между ономасиологами, представляющими мотивированность как связь между словами в момент их наименования (Н.Д. Арутюнова [7], И.С. Торопцев [146], А.А. Уфимцева [149] и др.), семасиологами, для которых мотивированность – причинная связь между звуком и смыслом, между звучанием и значением слова (Ю.Д. Апресян [4], В.Г. Гак [34], Ю.Н. Караулов [70] и др.) и мотивологами, рассматривающими мотивированность как взаимообусловленность связи значения и звучания слова на основе соотносительности его с языковой и неязыковой действительностью (О.И. Блинова [15], Н.Д. Голев [39], Н.Г. Нестерова [105] и др.). Новые перспективы в изучении явления мотивации слов открываются при

сопоставительном исследовании языков, поскольку сопоставление, в отличие от одноязычного описания, позволяет выявить общие, универсальные черты и обнаружить индивидуальные для каждого языка характеристики.

Появление сопоставительного аспекта мотивологии было подготовлено научными трудами по сопоставительной лексикологии И.В. Арнольд [6], В.Г. Гака [34], М.Д. Степановой [136], А.Е. Супруна [139] и др., а также рядом сопоставительных работ семасиологического и ономасиологического характера. Так, законченная концепция сопоставительной семасиологии на материале русского и литовского языков изложена А.М. Гудавичюсом [41], считающим, что сопоставительное изучение семантики лексических единиц вскрывает особенности отражения действительности в языке и способствует решению таких проблем, как соотношение мышления и языка, культуры и языка.

Развитию мотивационно-сопоставительной концепции способствовало появление научных работ по сопоставительной ономасиологии, например, таких исследователей, как М.М. Гинатуллин [37, с. 9-11], рассматривающего принципы, способы и средства номинации в русском и английском языках на материале названий птиц, О.Е. Блиновой, называющей сопоставительную мотивологию дочерним научным направлением, которое «наследует всю систему исходных научных понятий описательной мотивологии: «мотивационное значение, «мотивирующая часть», «формантная часть», «мотиват», «мотиватор», «мотивема» и многие другие» [16, с.65].

Методологической и онтологической базой сопоставительной мотивологии является описательная мотивология, основанная в начале 70-х гг. прошлого века. В начале 90-х гг. были определены основные научные понятия, методы и принципы мотивационно-сопоставительного анализа, аспекты и единицы сопоставления разных форм и разных языков.

Первое систематизированное представление мотивологии как науки о явлении мотивации слов дано в докторской диссертации О.И. Блиновой «Проблемы диалектной лексикологии» [15], где оно рассмотрено наряду с другими лексическими явлениями – формальным варьированием слова и

синонимией. Основы теории мотивологии заложены также в ее монографии «Явление мотивации слов: лексикологический аспект» [17], в которой мотивология предстает как результат разработки важнейших аспектов языка: онтолого-методологического, функционального, динамического, сопоставительного, лексикографического, источниковедческого.

Названные аспекты получили дальнейшее развитие в трудах представителей Томской лингвистической школы, в докторских и кандидатских диссертациях. В их числе работы по сопоставительной мотивологии А.С. Филатовой [151], И.Е. Козловой [73], Н.А. Чижик [155], Л.В. Дубиной [48] и др.

В межъязыковое сопоставление были вовлечены различные языки: английский, французский, немецкий и др. В итоге проведенных исследований были определены общность и специфика явления мотивации слов в русском и сопоставляемых с ним языках в онтологическом, динамическом, лингвокультурологическом аспектах.

Изучение различных аспектов мотивологического анализа было связано с поставленными целями и материалом исследования. Так, «сопоставительный аспект, представленный двумя разновидностями, направлен как на выявление особенностей в каждом из рассматриваемых языков, так и на выявление общих и специфических черт в одном языке; функциональный определяет роль функциональных разновидностей языка на материале устной и письменной речи; этнолингвистический аспект изучает способы отражения в них реальной жизни этноса, его материальной и духовной культуры, тематической группы или на рассмотрение «идиоэтнической» специфики явления мотивации слов; социоллингвистический аспект проливает свет на особенности отражения явления мотивированности слов в зависимости от социального статуса; психоллингвистический выступает как средство экспликации языкового сознания, языковой компетенции; лексикографический аспект направлен на создание мотивационных словарей» [63, с. 48].

Возникновение мотивологии как нового научного направления в

Казахстане связано с научной деятельностью М.М. Копыленко. В работе «Мотивация как фактор развития языка» им обосновывается положение о разграничении сферы этимологии и мотивологии, так как «этимология вскрывает побудительный фактор, признак, который лег в основу наименования, т.е. мотив, закономерности мотивации, наличие или отсутствие мотивированности, группировка мотивов» [82, с.21]. Теория мотивации находится в русле современных научных парадигм, поскольку все основные исходные понятия мотивологии связаны с метаязыковым сознанием говорящего. Это дает возможность изучать явление мотивации в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах, направленных на выявление средств выражения национальной языковой картины мира, «описание той части и шире – мышления, в котором переплелись представления человека обеих языковых общностей...» [63, с. 39].

Теоретические вопросы номинации, мотивации и мотивированности, уточнение процедур мотивационно-сопоставительного анализа получили освещение в ряде работ казахстанских ученых (Г.И. Уюкбаевой [150], О. Токхожаевой [144], А.Д. Адиловой [1], Л.К. Жаналиной [66], Ж.С. Бейсеновой [12], Г.А. Омарбековой [109], Ф. Исеновой [63] и др.).

В диссертационном исследовании Г.И. Уюкбаевой «Народные наименования растений (на материале английского, русского и казахского языков) (1982) «ботаническая лексика рассматривается с точки зрения словообразовательной структуры (способы универбации), семантической мотивированности, закономерностей смысловых и формальных связей, применение ономазиологического подхода позволило выявить своеобразие мотивации в каждом из рассматриваемых языков» [150, с. 23].

О. Токхожаева в кандидатской диссертации «Лексика фауны в казахском языке» (1991) затрагивает вопросы мотивированности зоонимической лексики. Путем мотивационного анализа исследователь выделила ряд мотивов, «дифференцируемых на релятивные, объединяющие признаки определенных отношений между различными вещами, и акцидентные, непосредственно отражающие изначальные качества, свойства

объекта номинации» [144, с. 6].

Методологические основы мотивологического анализа в сопоставительном аспекте представлены в работе А.Д. Адиловой «Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц)» [1].

Словообразовательная мотивация (далее СМ) как наиболее распространенный тип мотивированности языкового знака рассматривается в синхронии и диахронии Л.К. Жаналиной [54]. При этом отмечается, что СМ может как совпадать с производностью (онтологическая СМ), так и не совпадать с производностью (антропометрическая СМ), демонстрируя связь синхронии с диахронией.

Выявлению сходств и различий экспликации мотивации зоонимов в национально-культурном контексте коммуникации и универсуме человеческой когниции посвящена работа Ж.С. Бейсеновой «Мотивация эпизоотологических терминов в русском и казахском языках» [12].

Б. Адильбаева в работе «Қазақ тіліндегі өсімдік атауларының уәжділігі» не разграничивая понятий «уәж» (мотив) и «уәжділік» (мотивированность) в названиях растений казахского языка, определила фонетические, морфологические, лексико-семантические виды их мотивированности [2].

Роль фитонимов, обладающих мотивировочными признаками, в отражении языковой картины мира казахов и немцев, показана в работе Г.А. Омарбековой [109].

Ф.К. Исеновой в диссертационном исследовании «Зоонимы русского и казахского языков: мотивационная параметризация» [63] обоснована методика комплексного анализа мотивационных отношений в виде мотивационной параметризации фрагмента национальной русской и казахской языковой картины мира.

А.Д. Жакуповой в диссертационном исследовании «Сопоставительная мотивология: сущность и направления (на материале славянских языков)» (2009) изложены теоретические основы сопоставления мотивированных (полумотивированных, немотивированных) языковых единиц, осуществлена

лексикографическая параметризация мотивированной лексики пяти языков, предпринята попытка описания онтологии и методологии сопоставительной мотивологии [52].

Названные исследования вносят определенный вклад в разработку многих вопросов сопоставительной мотивологии казахского, русского и других языков, в выявление специфики национальных языковых картин мира.

Методологическую основу сопоставительной мотивологии составляют принципы мотивационно-сопоставительного анализа лексики, основными из которых являются общенаучные принципы (экспланаторность, функционализм, этноцентризм) и мотивологические (системность, синхронность, антропоцентризм). К перечисленным принципам можно добавить и другие принципы, соблюдение которых рекомендует известный мотиволог У.Ю. Юсупов, это принципы:

- 1) сравнимости, предполагающий сбалансированность степеней изученности сопоставляемых языков, применение одних и тех же методов при исследовании языковых явлений в отдельности. При сравнении языков может оказаться, что в одном из сопоставляемых языков не существует аналогичного элемента, в таких случаях сравниваются разноуровневые эквиваленты единицы, определяемые с помощью перевода;
- 2) терминологической адекватности, при котором термины для сравнения определяются так, чтобы они адекватно обозначали сравниваемые явления в обоих языках, чтобы создать общие для языков дефиниции;
- 3) достаточной глубины сравнения, предполагающий выявление всех существенных сходств и различий сравниваемых языковых явлений;
- 4) учета степени родства и типологической близости сопоставляемых языков, налагающий ограничение на выбор методов и приемов сравнения;
- 5) учета положительного и отрицательного переноса лингвистических знаний, предполагающий умелое пользование лингвистическими знаниями о структуре одного языка при исследовании структуры другого;
- 6) учета функциональных стилей, при котором привлекаемые к анализу тексты в двух языках должны относиться к одному и тому же жанру;
- 7) территориальной неограниченности, означающий, что соседство и

отдаленность территорий не имеет значения [168, с. 28-30].

Сопоставлению с точки зрения мотивированности могут подвергаться отдельные лексические единицы, внутренняя форма слова, тип мотивированности лексических единиц, тип внутренней формы (прозрачная - непрозрачная, метафорическая - неметафорическая, вариантная - невариантная, полная - неполная).

Сопоставительное изучение языков ставит вопрос об эталоне сравнения - *tertium comparationis* (исходная база сравнения). В зависимости от характера сравниваемых языковых явлений эталоном может выступить один из сопоставляемых языков; третий язык, под углом зрения которого анализируются лексико-семантические системы сопоставляемых языков; объективная действительность, когда выявляются общие и специфические черты языков, отражающие определенные фрагменты объективной действительности; понятийная (когнитивная) система, выработанная в процессе познания объективной действительности. «Родной язык выступает в качестве языка-эталона тогда, когда признаки явления родного языка покрывают признаки соответствующего явления изучаемого языка, в обратном случае в качестве эталона выступает изучаемый язык. Третий язык берется тогда, когда признаки сопоставляемых явлений частично перекрывают друг друга» [168, с.16].

При двухстороннем анализе отсутствует разделение на исходный язык и сопоставляемый язык и языковые факты признаются равноправными. При контрастивном анализе происходит разделение на исходный, базовый язык (Я1) и сопоставляемый, язык-цель, или референтный язык (Я2). Э.Д. Сулейменова отмечает, что такой анализ «осуществляется в направлении от исходного (родного, первого) языка к языку-цели (иностранному, второму, изучаемому). Основанием для сравнения служит исходный язык, его категории и свойства. Определение исходного языка и языка-цели зависит от контингента обучаемых и целей обучения. «Язык-цель при одностороннем подходе описывает средствами исходного языка, который одновременно выступает в двух функциях - как элемент сравнения с описываемым языком

и как средство, форма, план выражения результатов (содержания) этого сравнения» [137, с. 57].

У.Ю. Юсупов считает, что язык-эталон может меняться при сравнении одних и тех же элементов в зависимости от признака, выбираемого для сравнения: «Непостоянность языка-эталона при сопоставительном изучении языков объясняется тем, что, во-первых, никакой естественный язык не обладает всеми признаками других языков, во-вторых, языковые явления многоаспектны и для сравнения каждого аспекта нужен специальный эталон» [168, с.16].

Задачи сопоставительной мотивологии формулируются в зависимости от целей направлений, это могут быть проведение 1) психолингвистического эксперимента с целью сбора показаний носителями языка; 2) структурно-семантического анализа мотивированных лексических единиц для выявления общности и специфики явления мотивации слов в сопоставляемых языках; 3) лингвокультурологического описания языковых единиц с целью выявления особенностей мировосприятия и мировидения носителей разных культур; 4) лексикографической параметризации мотивированной лексики сопоставляемых языков с учетом их словарной систематизации.

Определение теоретических основ мотивологического анализа лексических единиц требует пояснения в отношении разграничения семасиологического и ономасиологического подходов. Семасиологический подход определяется характером выражаемых языковыми элементами значений (функций), т.е. направлен от «формы к значению». Ономасиологический подход к анализу языковых единиц способствует выявлению таких слов в двух языках, которые используются при обозначении одного и того же объекта, определению специфики каждого из сопоставляемых языков. К.Ж. Айдарбек объясняет это различием круга вопросов: «В семасиологии мотивированность рассматривается в качестве готовой языковой единицы, способной строить особые отношения со словами, в зависимости от типа. Для ономасиологии главным фактором выступает мотивировка. Функции мотивированности и мотивировки –

противоположные. Мотивировка – процесс создания мотивированной языковой формы на основе содержания. В мотивировке учитывается мотивировочный признак, необходимый для появления нового наименования» [3, с.34].

В теории контрастивных исследований обсуждается вопрос, какое из этих двух направлений – семасиологическое или ономасиологическое – является наиболее «ценным», «истинно сопоставительным». Но поскольку язык строится на соотношении формы и содержания, то сопоставительные исследования одинаково важно проводить и в том, и в другом направлении. Л.К. Жаналина считает, что «контрастивный анализ представляет собой двухэтапную семасиолого-ономасиологическую процедуру сравнения двух языков, где ономасиологический анализ переходит в область чисто научного описания и прослеживает не движение от объективного мира к языку, а определение того, какие формы предоставляет второй язык для значений, выявленных путем изучения знаков первого языка» [54, с.105].

Следует отметить, что большинство исследователей считают, что разграничение указанных подходов невозможно, так как они находятся в отношениях дополнительности. В своем исследовании мы опираемся на семасиолого-ономасиологический подход, предполагающий системный анализ лексики, направленный на выявление специфики концептуализации и вербализации названий лекарственных травянистых растений в двух разноструктурных и генетически неродственных языках – русском и казахском.

Терминологический аппарат теории сопоставительной мотивологии представлен следующей понятийной системой.

Мотивация есть относящийся к прошлому акт отражения признака предмета в его названии средствами языка. Содержание понятия мотивация включает в себя: 1) мотивацию наименования и изучение закономерностей объективного мира (онтологическое свойство мотивации); 2) мотивацию наименования и внутренней формы слова (семантический аспект); 3) мотивацию и ее системные отношения в лексике; 4) мотивацию и процесс

коммуникации (функциональный аспект).

Мотивема – термин для обозначения класса гомогенных мотивов. Мотив названия – конкретное воплощение мотивемы. Например, в названиях лекарственных растений в обоих языках общими мотивемами выступают: «место произрастания», «особенности произрастания», «сходство растения или его частей с различными предметами, животными, птицами и др. растениями. Однако мотив в конкретном названии не всегда может совпадать в сопоставляемых языках: «сасыкшөп» (букв. вонючая трава) и «пустырник» (растущий на пустыре).

В определении мотивированности в современном языкознании существуют различные толкования. Д.Н. Шмелев считает, что «деривационная связанность может быть интерпретирована как мотивированность» [162, с.130]. О.И. Блинова под термином «мотивированность» понимает «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотнесенности» [17, с. 15].

Вслед за М.М. Гинатуллиным, считаем, что «мотивация есть обязательная ступень предноминативного процесса. Мотивация раскрывается в диахронии, а мотивированность как состояние рассматривается в синхронии» [37, с. 10]. Таким образом, термин «мотивированность» означает с одной стороны – отношения между означаемым и означающим в языковом знаке (внутренняя мотивированность), с другой – отношения между знаками (деривационная мотивированность), объясняющие использование знака в качестве наименования чего-либо.

В зависимости от средства мотивировки выделяются следующие типы мотивированности: фонетический, морфологический и семантический. О.И. Блинова в словах с морфологическим типом мотивированности различает «лексическую мотивированность – результат мотивации данного слова однокорневой лексической единицы и структурную мотивированность – результат мотивации данного слова одноструктурной лексической единицей» [17, с. 32-33].

Лексическая мотивированность проявляет себя в отношении с

лексическими мотиваторами и реализует в слове признак обозначаемого. В образовании слов с семантическим типом мотивированности участвуют два вида языковой номинации: метафора и метонимия. Например, в русском языке номинация *лопух* – лекарственное травянистое растение и *лопух* в значении «простофиля»; в казахском языке название *өгейшешек* (мать-и-мачеха) – многолетнее травянистое растение и *өгейшешек* – человек, незаконно получающий заработную плату;

В теоретический аппарат нашего исследования также включено понятие «внутренняя форма слова». «Внутренняя форма слова (ВФС) – морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения» [17, с.26]. Она характеризуется единством мотивационной формы (звуковая оболочка) и мотивационным значением (содержание).

Исследование специфики мотивации названий лекарственных растений связано с принципом номинации, способом номинации и средствами номинации. Д. Сетаров считает, что «наименование чаще всего происходит путем абстрагирования наиболее характерных отличительных признаков и свойств объекта. Признак, по которому назван предмет, является мотивирующим, и он выполняет гносеологическую функцию, так как в мотивирующих признаках закреплены результаты познавательной деятельности человека» [132, с. 4]. На основе обобщения мотивирующих признаков по цвету, запаху, вкусу и т.д. при именовании растений сформировался принцип номинации по признаку. Признаки растений многочисленны и разнообразны. Обычно при номинации растений за основу берется наиболее существенный признак (цветовой признак, место произрастания, сходство с частями тела и органами животных и т.д.).

Объединение признаков содействует образованию в каждой тематической группе названий набора принципов номинации, которые отражают «повторяющиеся, устойчивые, типичные этимологические признаки для членов данной группы» [99, с. 72]. Многообразие принципов номинации обусловлено богатством содержания обозначаемых реалий,

разнообразием и непостоянством их отношений с носителями языка [163, с. 106]. Чтобы понять суть механизма номинации, следует уточнить конкретные признаки растения, проявившие себя в народных названиях лекарственных растений, затем сгруппировать растения по их признакам, отмеченным в языке и культуре.

Б. Калиев предлагает разграничение терминов «принцип номинации» и «признак номинации», объясняя это тем, что в основе языковой номинации сформулирован главный принцип: через конкретный признак к общему [69].

Принципы номинации в различных языках могут совпадать, указывая на семантическую близость названий. Например, в казахском языке лексема *подсолнечник* звучит как *күнбағар*, в узб. - *кунгабоқар*, в туркм. - *гунебақар*, в кирг. - *күн багыш*, в татар. - *көнбагыш*, означающие «пасущий солнце, ожидающий солнце». В русском языке в основе номинации термина *девясил* заложен универсальный признак – «лекарственное средство», повторяющийся в других языках: в сербохорват. - *devesil*, в болг. - *девясил* [69].

Способ номинации – «это прием осуществления реализации принципа номинации, представленного мотивировочным признаком. Таким образом, способ номинации и принцип номинации соотносятся как форма и содержание» [17, с. 77]. Способ номинации, в зависимости от выражения мотивировочного признака, может быть прямым (мотивировочный признак выражен непосредственно) и опосредованным (мотивировочный признак обозначен ассоциативно). При опосредованной номинации используется метафора и метонимия.

Средствами номинации являются фонетические, морфологические, лексико-фразеологические и синтаксические средства языка. Использование принципов номинации, способов номинации и средств номинации в рамках словообразовательной и вторичной номинации приводит к возникновению мотивированных единиц.

Принципы номинации растений – «это исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых

наименований» [17, с. 77].

Актуальность сопоставительного исследования состоит в том, что сравниваемые лексические единицы обладают структурной и семантической мотивированностью (прямой или косвенной, первичной или вторичной), внутренней формой номинации (мотивированные, полумотивированные, немотивированные), мотивационным значением.

Понятие «первичной», «вторичной» номинации в современном языкознании является спорным, так как мнения отдельных ученых по этому поводу не совпадают. Подобная неоднозначность трактовки указанных понятий среди ряда ученых объясняется различием их подходов. В.Г. Гак [35], В.Н. Телия [141] понятие первичной и вторичной номинаций трактуют с позиции семасиологической направленности (от формы к значению). У Д.Н. Шмелева в работе «Способы номинации в современном русском языке» понятия первичной и вторичной номинаций совпадают с понятиями прямой и косвенной номинаций [162]. Е.С. Кубрякова в работе «Номинативный аспект речевой деятельности» анализируя разные типы слов (несколькословные термины, фразеологические сочетания и обороты, а также другие разновидности несвободных словосочетаний со связанными значениями), приходит к выводу, что в рамках теории номинации следует разграничивать понятия прямой и косвенной, первичной и вторичной (производной, непроизводной) номинаций [86]. В любом случае ведущая роль в процессе первичной и вторичной номинаций принадлежит мотиву.

Понятие мотивации тесным образом связано с существующими в языке двумя уровнями членения слов: структурно-семантическим и структурно-функциональным. Исходя из этого, Ж.С. Бейсенова относит единицы мотивации к структурно-функциональному уровню, а морфемы выступают по отношению к ним как единицы структурно-семантического плана. В словообразовательном процессе исследователь рассматривает мотиват «справа – налево», исходя из форманта, а мотивация – это компонент словообразовательного процесса (динамическое словообразование), или

переменный компонент статистической модели» [12, с. 24]. Анализируя модель производства новых слов она показывает, что необходимым звеном языкового этапа признается выбор мотивационного признака, а затем подбор мотивировочного признака.

Специфическим понятием словообразовательной системы является понятие словообразовательной мотивации (далее СМ), т.е. семантической обусловленности значения деривата значением мотивирующего слова. Надо заметить, что соотношение понятий словообразовательной мотивации и производности рассматривается в науке неоднозначно.

Е.А. Земская в работах «Современный русский язык» («Отношения метафорической мотивации» [60, с.136-137], «Отношения периферийной мотивации» [60, с. 136-137]) использует термины «словообразовательная мотивация» и «производность» в качестве синонимов.

По Л.К. Жанапиной, разграничение понятий словообразовательной мотивации и производности связано с противопоставлением диахронии и синхронии: «В синхронном словообразовании диахронически производное слово включается в систему, приобретает признак статичности. Оно уже не производится, а только мотивируется другим словом. На смену динамическим отношениям производности приходят отношения словообразовательной мотивированности. Она связывает слова, одно из которых мотивирует, т.е. является мотивирующим, а другое мотивируется, т.е. является мотивированным» [54, с. 93]. Тем не менее, следует отметить, что СМ и производность обнаруживают универсальность отношений. Когда СМ совпадает с производностью и полностью определяется последней, то речь идет об онтологической СМ, в случае «несовпадения СМ и производности по направлению или по участникам – антропометрической СМ» [54, с. 94].

Производное слово носит двусторонний формально-семантический характер. Для указания на обусловленность структуры и семантики деривата производящей базой в современной дериватологии используются соотносительные понятия: словообразовательная мотивированность

(мотивация) и словообразовательная производность. Существуют два вида словообразовательной мотивированности: прямая и метафорическая. При прямой мотивированности значение производного слова базируется на прямом значении мотивирующего слова. При метафорической мотивированности значение производного слова основывается на переносном значении мотивирующего слова. В отличие от мотивированности, для определения производности слова необходимы два показателя: формальный и семантический.

Словообразовательная производность – синхроническая структурная и семантическая выводимость деривата из отсылочной части (производящей базы) и формантной части (словообразовательных средств). Производящая база (отсылочная часть деривата) представляет собой основу слова, слово, сочетание основ или слов, используемых для образования деривата, отсылающих способом сохранения содержащихся в них полнозначных единиц в структуре производного слова. Формантная часть деривата состоит из словообразовательных средств, которые служат для выражения нового значения у деривата по сравнению с мотивирующим словом или словами. С позиции производности все слова делятся на непроизводные и производные. Если непроизводное слово – это немотивированная единица номинации, не имеющая отсылочной и формантной частей, то производное – это мотивированная единица номинации, имеющая отсылочную и формантную части [126]

В исследовании лексико-семантической группы названий мы придерживаемся термина «словообразовательная производность», позволяющего учитывать общность лексемы и общность форманта.

Описание явления словообразовательной производности названий лекарственных травянистых растений обоих языков основывается на их типологических характеристиках, проявляющихся в морфемном устройстве словесного знака.

Исследование лекарственных травянистых растений в обоих языках осуществляется методикой выделения мотивировочных признаков как

эффективного способа структурирования и классификации языковых единиц. Группу названий лекарственных растений объединяет набор мотивирующих баз с определенным лексическим значением, определяемым мотивировочным признаком [74].

Г.Г. Гиздатов и Л.А. Шеляховская указывают, что наиболее полно концепт слова может быть выявлен через его семантическое или ассоциативное поле. «Информация, заложенная в семантическом или ассоциативном поле слова, отражает в своем составе элементы когнитивных и прагматических значений. В свою очередь тот «семантический контекст», который присутствует в ассоциативном поле слова, передает разные отношения в иерархической организации концепта: объективно-субъективные, субъективно-объективные, заместительные (случай локальной ассоциации)» [36, с. 7-11]. Например, в названии «пырей ползучий» слово «пырей» происходит от старославянского «пыро», так назывался один из видов пшениц – полба. «Пырей» внешне похож на пшеницу с тонким, слабо развитым колосом. Этот же признак заложен в казахском названии – «бидайық» (бидай «пшеница» + ық «аффикс существительного»). Сходство с другими предметами по форме, цвету, месту произрастания, по использованию в лечебных целях дает основание для объединения мотивационных признаков названий лекарственных растений разных языков.

Принцип структурирования языковых явлений, получивший большое распространение в современной лингвистике, имеет разнонаправленный характер. Исследуются лексико-семантические группы названий (Ю.Н. Караулов), лексико-семантические группы (А.А. Уфимцева), грамматико-лексические поля (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс), словообразовательные поля (Р.С. Мурясов), функционально-семантические поля (А.В. Бондарко), интеграционно-семантические поля (М.В. Харченко).

Критериями описания полевых структур, по И.А. Стернину, выступают следующие положения: 1) семантическая общность элементов; 2) объединение как однородных, так и разнородных элементов (слова разных частей речи, лексемы, фразеологизмы, номинативную и метафорическую

лексику); 3) инвентарь элементов, связанных системными отношениями: парадигматическими (синонимическими, антонимическими и др.); 4) состоит из микрополей; 5) вертикальная и горизонтальная организация; 6) ядерные и периферийные элементы; незамкнутость [55, с. 38-39].

Для описания мотивированных номинаций мы придерживались названия «группа названий лекарственных травянистых растений с тем или иным мотивировочным признаком». Название - это двусторонняя единица, одна сторона обращена к форме языкового знака (форманты, сложное слово или словосочетание), а вторая связана со значением (мотивационное значение) как особым способом концептуализации знаний об окружающем мире, способе отражения национальной (языковой) картины мира, воплощенной в его мотивации» [63, с. 62].

Изучение специфики растений двух разнотипных языков путем мотивационного анализа предполагает уточнение содержания терминов, необходимых в исследовании: мотивационный анализ и мотивологический анализ. Ф.И. Исенова считает, что «мотивационный анализ» несколько уже понятия «мотивологический анализ», так как «его целью является изучение типов мотивации, деривационных отношений в функциональном аспекте» [63, с. 60]. Мотивологический анализ направлен на выявление внутренней формы слова и его мотивационного значения, анализ мотивировочных признаков, типов мотивированности и др.

В рамках мотивационного анализа актуальными становятся понятия «мотивированное слово» (мотиват), «мотивирующие слово» (мотиватор), мотивирующий формант. Мотивированное слово (мотиват) – слово, содержащее корневую морфему мотивирующего слова и мотивировочный формант. Мотивирующее слово (мотиватор) выступает мотивирующей базой по отношению к мотивированному слову. Например, с помощью мотивирующего слова *бидай* (пшеница) и мотивирующего форманта *-ық* в казахском языке образовалось приведенное нами выше мотивированное слово «*бидайық*» (пырей) – трава, похожая на пшеницу.

Мотивировочный формант – часть мотивированного слова, относящееся

к определенному словообразовательному типу со своим словообразовательным значением.

Мотивированность слов основывается на мотивационных отношениях лексических единиц. Мотивационные отношения названий растений выявляются в уровне определения характера взаимоотношений между мотиватором и мотиватом, а также в определении мотивированного форманта как словообразовательного средства. Мотиват является показателем мотивационного значения, представленного в виде суждения о свойствах, признаках растений, актуализируемых в процессе номинации. Например, *қымыздық* - трава со вкусом кумыса, *очанка* - трава, применяемая для лечения глаз.

Мотивационное значение, в отличие от лексического, отличается большей степенью обобщенности (ср. *дурман* – ядовитое растение, оказывающее одуряющее действие, и однолетнее травянистое растение высотой до 1 метра). Указанные компоненты образуют структуру мотивированного слова, представленную в виде мотивационной формы и мотивационного значения. Мотивационная форма – «значимые сегменты звуковой оболочки слова, обусловленные его мотивированностью» [17, с.19]. Таким образом, мотивационное значение выявляется на основе отношений семантической и структурной мотиваций: значение корневой морфемы определяется на базе отношений семантической мотивации, значение форманта – на базе отношения структурной мотивации. Например, в казахском языке в слове *қымыздық* (кумыс) продуктивная в казахском языке формантная часть *-дық* имеет словообразовательное значение «обладающее/имеющее», а мотивационное значение – «обладающее кислым вкусом» (*қымыз* – кислое кобылье молоко).

В примере *жатыршөп*/ формантная часть *шөп* (трава) соответствует словообразовательному значению «та трава, которая»; общее мотивационное значение – «та трава, которая/ лечит орган матку (жатыр)»

В русском языке формант *-ушн-ик* в слове *желтушник* имеет словообразовательное значение «имеющий/ тот, у которого», мотивационное

значение – «имеющий цветки желтого цвета».

Носителем мотивационного значения в мотивационной структуре названий выступает мотиватор. Выбор мотиватора в номинации определяется признаком самой реалии, предмета. Надо заметить, что выбор признака в разных языках достаточно произволен и в целом субъективен.

Мотивационный анализ предполагает обращение к понятию «внутренняя форма слова», в которой «вычленяется мотивационная форма и мотивационное значение» [17, с. 98]. Основу внутренней формы составляет определенный признак денотата, обусловивший соответствующее его наименование. Мотивированные названия воспринимаются через внутреннюю форму, включающую мотивационное значение и мотивационную форму и реализуемую посредством мотивационного признака и мотивировочного форманта. Внутренняя форма отражает закономерности и особенности осмысления человеком той или иной реалии окружающего мира, фиксируя собой результаты ее познания.

В мотивационные блоки вовлекаются разные категории слов: мотивированные, полумотивированные и немотивированные единицы. Так, У.Б. Адилбаева делит названия растений в казахском языке с позиции мотивированности на полностью мотивированные, полумотивированные, абсолютные, немотивированные. Основопологающим критерием данных трактовок является соответствие (полное, частичное или отсутствие) семантического признака внутренней формы лексическому значению. Например, *tікен* (колючка) – полумотивированное, *бозтікен* (колючелистник) – полная мотивированность, *қаңбақ тәрізді бозтікен* (колючелистник качимовидный) – абсолютная мотивированность. К немотивированным она относит такие названия, в которых этимология затемнена, либо утеряна: «*мақсыр* (рапонтикум), *лақса* (мордовник), *ошаған* (дурнишник)» [2, с. 12].

Б. Қасымова в работе «Күрделі зат атауларының мағыналық құрылымы және сөзжасамдық үлгілері» в сложных словах различает следующие степени мотивированности: «мотивированные (*қаражидек* – черника),

полумотивированные (*өкшешек* – синяк); затемненные (*аскөк* – укроп)» [71, с. 55]. Вслед за О.И. Блиновой, Е.С. Кубряковой, она рассматривает процесс мотивации с трех сторон: 1) знак $\langle \Rightarrow \rangle$ бытие $\Rightarrow$ семиотика; 2) значение $\langle \Rightarrow \rangle$ форма $\Rightarrow$ лексическая мотивированность; знак $\langle \Rightarrow \rangle$ знак $\Rightarrow$ словообразовательная мотивированность [71, с. 9-10].

О.И. Блинова делит слова в их отношении к мотивированности «на мотивированные (*берез-ник*), полумотивированные (*говядина*) и немотивированные (*стул, туча*)» [17, с. 67]. Мотивированное слово в отличие от немотивированного членимо: «Возможность членения мотивированного слова по горизонтали обусловлена его знаковой природой, единством звучания и значения, наличием материального и идеального слова. Возможность членения мотивированности слова по вертикали предопределена его вторичностью, производностью, благодаря которой вычленяется мотивирующая часть и формантная часть» [17, с. 21].

Дискуссионным в современном языкознании является вопрос, касающийся типов и видов мотивированности. О.И. Блинова, с точки зрения лексикологии и ономазиологии, с учетом основных понятий теории мотивации выделяет три типа мотивированности: относительная мотивированность, когда значение слова обусловлено опосредованными явлениями объективной реальности и реализуется через соотнесение с другими лексическими единицами; абсолютная мотивированность, связанная с отражением звуковых явлений природы, так как отражает восприятие тех или иных звуков природы, шумовых эффектов, и лексическая мотивированность – как результат мотивированности данного слова однокорневой лексической единицей.

Ж.С. Бейсенова, вслед за И.С. Торопцевым, выделяет слабую и сильную мотивированность. «Слабой мотивированностью характеризуется связь между значением и звучанием производных лексических единиц и производных опорных слов лексических гнезд с тождественным звучанием. Сильная мотивированность выделяется у производных слов с совпадающей

звуковой оболочкой» [12, с.18].

У.Б. Адильбаева в наименованиях растений казахского языка различает четыре вида мотивированности: «фонетикалық үәжділік (фонетическая мотивированность), лексика-семантикалық үәжділік (лексико-семантическая мотивированность, морфолого-синтетикалық үәжділік (морфолого-синтетическая мотивированность), синтаксистік (аналитикалық) үәжділік» [2, с. 15-21].

Относительная мотивированность проявляется за счет соотнесения их со словами разных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов), а также с предложной конструкцией и словосочетаниями, выступающими в качестве мотивировочных признаков. Абсолютный тип мотивированности имеет внеязыковой статус, связанный с звуковым языком, «несущим в себе мощный заряд условности, поэтому природа большинства звуковых знаков ослабляет внешнюю, естественную мотивацию, что компенсируется усилением мотивации со стороны внутренней языковой действительности» [12, с. 75]. Абсолютное большинство названий лекарственных растений русского и казахского языков представляют слова с относительным типом мотивированности и лишь незначительное количество насчитывают слова с абсолютным типом мотивированности: *сылдыршөп* – «смолевка», *скрип* – «хвощ полевой».

Таким образом, сопоставительная мотивология оформилась в новое направление в современной лингвистике, цель которой выявление общности и специфики мотивации слов одного языка или разных языков. Объект сопоставительной мотивологии – мотивация слов в сопоставляемых языках, предмет – общность и специфика явления мотивации слов сопоставляемых языков в разных аспектах: онтолого-методологическом, описательно-сопоставительном, лексикографическом, функциональном, лингвокультурологическом.

1.2 Наименования лекарственных трав как отражение национальной языковой картины мира

Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, с другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты, обладающие следующими свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо отсутствует, либо имеется, но он не содержит тех компонентов значения, которые для данного слова являются специфичными.

Современные авторы определяют картину мира как «глобальный образ, лежащий в основе мировоззрения человека, т.е. выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности» [96а, с. 21].

По В.А. Масловой, «картина мира есть не просто набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта является такой же реальностью, как сами объекты. Мировидение каждого народа складывается в картину мира, поэтому менталитет любого лингвокультурного сообщества обусловлен в значительной степени его картиной мира, в которой репрезентированы мировидение и миропонимание ее членов» [96б, с. 66]. По утверждению В.И. Постоваловой, «функциональное предназначение картин мира вытекает из двух базисных функций мировидения: 1. интерпретативной функции (осуществлять видение мира); 2. вытекающей из нее регулятивной (служить ориентиром в мире) человеческой жизнедеятельности» [131, с. 22]. Каждая из картин мира, отображаемая в виде фрагмента мира, представляет свое видение языка и по-своему отображает действие языка.

Язык непосредственно участвует в процессах, связанных с картиной мира. «Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из

наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт» [131, с.11]. Б.А. Серебренников и В.И. Постовалова связывают появление понятия языковой картины мира в лингвистике с возникновением гносеолингвистики, развиваемой на антропологических началах, что «позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового отображения действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира» [131, с.18].

Языковая картина мира и картина мира – разные понятия. Э.Д. Сулейменова в своей работе «Основы контрастивной лингвистики» пишет: «Разграничение картины мира и языковой картины мира столь же справедливо, сколь справедливо разграничение мышления и языка, а не их отождествление» [137, с.18].

Понятие «картина мира» возникает на основе изучения представлений людей об окружающей действительности, трансформируясь в виде образов. Картина мира – есть отражение реального мира, а языковая картина мира фиксирует это отражение. Хотя оба понятия не тождественны друг другу, однако между ними существуют сложные отношения. Понятие «картина мира» является одним из фундаментальных понятий, отражающим специфику человеческой деятельности и бытия.

Картина мира составляет ядро мировидения человека, сочетая в себе его основные свойства. Она изменчива и непостоянна, на её формирование оказывает влияние язык, обычаи, традиции, природа, образование и т.д. Она может быть специальной (философской, механической, физической, химической, математической и т.д.), либо быть представленной с помощью временных, пространственных, количественных и других параметров.

Языковая картина мира способна долгое время хранить ошибки и

заблуждения, возникшие в сознании человека, так как концептуальная картина мира подвержена изменениям. В.А. Маслова считает, что «языковая картина мира – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленная национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой действительности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [96б, с. 65].

По определению Н.Ю. Шведовой: «Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа, осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многоступенчатого мира в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей, представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [161, с.11].

З.К. Сабитова обращает внимание на особенности языковой картины мира: а) схема видения действительности, совокупность знаний о мире; б) она выработана многовековым опытом народа (это результат познания человеком мира); в) отражение в языке; г) ориентирует человека на определенное отношение к миру; д) национально специфична» [121, с. 80]. Именно специфические особенности языка способны отразить общественно-исторический опыт определенной нации и народности, создать картину мира, проявляющаяся особым мировосприятием, особенностями образа жизни и национальной культуры данного народа. Итак, языковая картина мира содержит национальную специфику и в тоже время сохраняет модель антропоцентризма, так как, по словам В.А. Масловой, «поскольку генетический механизм оценки телесных ощущений универсален, то,

переплетаясь с человеческой деятельностью, одновременно и универсальной и национально-специфической, он неизменно приводит в результате такого взаимодействия к созданию языковых картин мира как с типологически общими, так и индивидуальными особенностями» [96а, с. 70].

Существенную часть специфики языковых картин мира, по мнению Р. Ладо, составляет варьирование не только значений слов, но и состав лексики. «Существует иллюзия, свойственная порой даже образованным людям, будто значения одинаковы во всех языках и языки различаются только формой выражения этих значений. По сути же, значения, в которых классифицируется наш опыт, культурно детерминированы, так что они существенно варьируются от культуры к культуре» [91, с. 34-35].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к окружающему миру, к природе, животным, самому себе. Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. «В каждом языке, – отмечает Ю.Д. Апресян, – отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого народа. Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, с другой стороны он «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научного взгляда на мир» [4, с. 81].

Ю.Д. Апресян языковую картину мира называет наивной в том смысле, что научные определения и языковые толкования не всегда совпадают по объему и даже содержанию. Различая понятия «научная и «наивная» картины мира он замечает, что «наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Наивные представления хаотичны, но образуют определенные системы, и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре» [4, с. 351].

Языковая картина мира отражает национальную картину мира. Неповторимость языковых картин мира объясняется тем, что различные предметы обладают аналогичными свойствами и каждый язык выбирает в качестве образов свои. Национальное своеобразие мировосприятия той или иной этнокультурной общности заключается в образе жизни и психологии народа, отражаемых в языке в виде семантических структур. «Признание национальной языковой картины мира базируется на признании того факта, что любой национальный язык является не только одной из кодовых систем общения и хранения информации, но и неповторимым результатом мыслительно–эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективным органом самопознания собственной культуры на фоне пространственно–временного континуума» [84, с. 137].

Модель мира в каждой культуре строится из целого ряда универсальных концептов и констант культуры– пространства, времени, причины, судьбы, числа. «Несмотря на наличие универсальных концептов у каждого народа существуют особые, только ему присущие соотношения между концептами, что и создает основу национального мировидения и оценки мира» [64, с. 146].

Н.Ж. Шаймерденова в работе «Репрезентация в языке древнетюркской картины мира», сравнивая древнетюркскую и древнеславянскую модели мира, выделяет ключевые понятия, характерные для тюркской и славянской ментальности: «четыре угла», походы и сражения, каган, тюркский народ, враги»; дом, лес, доля, вода, суша, нечистый, близкий – далекий, свой – чужой, четный – нечетный и многие другие [157, с. 39]. Эти понятия помогают раскрыть структуру древнетюркской и древнеславянской модели мира. «Четыре угла в древнетюркских текстах обозначают то огромное пространство, на котором происходят описываемые в текстах события, территорию, на которую распространялась власть древнетюркского государства, и в языке выражаются в виде оппозиции вперед – назад, слева – направо, север – юг, запад – восток, воссоздавая целую когнитивную картину

расселения, передвижения, завоеваний, походов тюркского народа» [158, с. 75]. «Семантические оппозиции иллюстрируют основные понятия, по которым древние славяне жили и воспринимали мир: их образ жизни (дом – лес, доля – недоля), территорию (суша – море), верования (чистый – нечистый), отношения с другими племенами (близкий – далекий, свой – чужой) и другие понятия, раскрывающие процессы осмысления мира в сознании славян» [157, с. 38].

Национальные образы мира получают свое воплощение в национальной картине мира. О значении конкретных представлений в каждом национальном языке исследователи пишут, что надо принять во внимание и специфическую власть конкретных представлений, которые могут быть сходными в мыслях собеседников и без помощи наглядного восприятия или предыдущего упоминания. Такое сходство представлений образуется общностью местонахождения, времени, занимаемого положения и житейского опыта людей. Интересно мнение В.Н. Манакина: «Описание языковых картин мира в аспектах контрастивной лексикологии и семасиологии – это осознание самих себя, своих языков, своего видения мира не в меньшей, а быть может в большей мере, чем знакомство с другими культурами» [956, с. 18].

«Природно-географические, экономические, социально-исторические факторы, составляющие природный и социальный ландшафт – экосферу, в рамках которых осуществляется любая деятельность, а также артефакты, в которых реализуется деятельность прежних поколений, понимаются как условия деятельности. Именно эти условия деятельности обуславливают своеобразие этнических признаков народности, особый психический склад, выражающийся в национальной форме» [116, с. 219].

В результате адаптации к специфическим природно-климатическим условиям формируются способы хозяйствования, поселения, пища, одежда, жилища, выступая показателем культурной среды. Они составляют совокупность явлений духовной и материальной культуры, специфику формирования этноса.

Самобытный характер лексики каждого языка выявляется благодаря наличию в значениях слов коннотаций из сферы национальной культуры. Национально-коннотированная лексика содержится в текстах, в них реализуется менталитет нации, ее эмоции, оценка и восприятие мира.

Для обозначения наименований, отражающих национальные особенности культуры народа-носителя конкретного языка, разработан ряд терминов: безэквивалентная, неполно-эквивалентная лексика (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [25], А.С. Мамонтов [94]), реалии (Г.Д. Томахин [145], В.В. Ощепкова [111], С. Влахов и С. Флорин [31]), лакуны (В.А. Муравьев [101], Ю.А. Сорокин [135]), фоновая лексика (Г.Д. Томахин [145], В.В. Ощепкова [129]), национальные словесные образы (В.В. Ощепкова [111]), экзотическая лексика (В.П. Берков [14]), культураны (В.В. Воробьев [33]). Семантический аспект этих терминов рассматривается исследователями как область соприкосновения языка и культуры.

Впервые систематическое исследование национально-культурного аспекта лексического значения было представлено в лингвострановедческой теории слова, разработанной Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым на материале русского языка и продолженной в трудах Г.Д. Томахина на материале английского языка. В.В. Ощепкова дает следующее определение, относительно основных лексических групп, содержащих культурный компонент значения: «Входящие в эти группы лексические единицы (безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика и ключевые слова), являясь образными наименованиями, представляют собой «лингвокультураны», концентрированно выражающие особенности семантики языка и требующие для своего распредмечивания сочетания лингвострановедческих знаний, «фоновых знаний». Подобную лексику принято называть безэквивалентной лексикой. К безэквивалентной лексике относят денотативные реалии, не имеющие словарных соответствий в других языках либо из-за отсутствия в общественной практике данной социокультурной общности соответствующих реалий, либо из-за отсутствия лексических единиц, обозначающих эти реалии. Такая лексика или

заимствуется, или переводится описательно» [111, с. 95].

Г.В. Колшанский, описывая виды языковых соответствий и несоответствий, вызванных, отсутствием эквивалента, выделяет 8 разных групп: «1) отсутствие отдельных языковых единиц для именования того или иного явления; 2) различия во внутренней этимологии, влияющие на характер восприятия самого объекта и возникающие отсюда концептуальные особенности семантики; 3) несовпадение семантики языковых единиц в области перечисления особенностей и обозначения общего признака в различных подъязыках (например, сельскохозяйственная лексика); 4) различия в номинации явления, указывающие на принципиально иной выбор соответствующих признаков для формирования семантики единиц (например, система единиц); 5) концептуально значимое разбиение по классам, влияющее на описание соответствующих объектов (морфологические классы, семантические классы, объединение слов по принципу «пол», «цвет» и т.д.); 6) грамматические особенности, обусловленные своим набором категорий (вид, время, модальность и т.д.), представленные в каждой языковой системе.; 7) стилевые особенности языка, дифференцирующие разные жанры (сферы) общения (формы вежливости, мужской и женский языки, речевой этикет, терминология, подъязыки); 8) семантические коннотации, зависящие от сложившихся традиций и особенностей жизни общества и фиксирующие в сознании людей соответствующую объективную структуру общественных отношений и особенности индивидуального воспитания (культурно-эстетические ассоциации, индивидуальные образные ассоциации и т.д.)» [75, с. 81].

З.К. Ахметжанова предлагает обозначить однолексемное наименование, не имеющее эквивалента в виде лексемы в другом языке, термином универб, а соответствующее ему описательное наименование термином перифраз. Под перифразом понимается сочетание двух и более лексем, характеризующееся функцией замены слова, синонимичностью по отношению к заменяемому слову, номинативным характером, отсутствием образности, переносного значения [9, с. 81].

А.О. Иванов различает такие типы безэквивалентности, как: референциальную, если отсутствие соответствия в лексике другого языка касается денотативного плана лексического значения единицы; прагматическую, когда безэквивалентность касается прагматических типов значения. В зависимости от этих типов им выделяются следующие группы безэквивалентной лексики: 1) референциально-безэквивалентная лексика: реалии; термины; фразеологизмы; индивидуальные авторские неологизмы; семантические (понятийные) лакуны; слова широкой семантики, употребленные в тексте в своем самом широком значении; сложные слова различных типов, значения которых могут быть переданы на языке перевода только описательным путем или различными трансформациями; 2) прагматически-безэквивалентная лексика, включающая в себя: а) отклонения от общеязыковой нормы языка, включая как территориальные, так и социальные диалекты; б) иноязычные вкрапления; в) аббревиатуры, прагматика которых не всегда вписывается в структуру значения соответствия в языке перевода; г) слова с суффиксами субъективной оценки; д) междометия; б) звукоподражания; е) ассоциативные лакуны; 3) альтернативно-безэквивалентная лексика, состоящая из следующих групп: имена собственные (антропонимы, топонимы, фирменные названия, названия книг, фильмов и т.д.), реалии и фразеологизмы, специфика которых заключается в том, что, в зависимости от избранного способа передачи в языке, их безэквивалентность будет либо референциальной, либо прагматической [61, с. 75].

В момент возникновения того или иного названия растения присутствует мотивированная единица, в которой явления или предмет как фрагмент внеязыковой действительности обозначены через признак, характерный для называемого денотата. К примеру, внутренней формой производного слова *земляника* является то, что ягода растет близко к земле; это суффиксальное образование от словосочетания *земляная ягода*. Эквивалентом этого слова в казахском языке выступает устойчивый оборот

қой бүлдірген (букв. овечья ягода, которая быстро портится), в которой внутренняя форма указывает на связь с представлением о том, что растение является любимым лакомством для овец и быстро портится, теряет свои свойства.

Субъективный признак положен в основу названия *вероника лекарственная*, буквально означающего «несущая победу». Согласно христианской легенде, когда Христос нес свой крест на Голгофу, набожная Вероника отерла пот с его лица, и на льняном платке чудесным образом запечатлелось изображение Спасителя [223].

Что касается казахского эквивалента, то мотивом номинации выступают другие признаки, например, существующая в казахском языковом сознании устойчивая функциональная связь растения с птицей, животным: *дарілік бөденешөп* (букв. лекарственная трава для перепелок), т.е. трава, используемая перепелками в качестве корма.

Во внутренней форме лекарственных растений может содержаться культурная информация, отражающая мифологические представления, народные поверья, исторические факты, обычаи и традиции. Так, научное название *прострел* возникло, согласно древним поверьям, оттого, что один из ангелов прострелил это растение насквозь громовой стрелой, когда в этом цветке нашла себе прибежище нечистая сила. С тех пор бесы боятся прострела. В старинном травнике о *простреле луговом* говорится так: «Кто носит траву при себе, от того человека дьявол бежит: в доме – добро держать, а хоромы строить – под угол класть, жить стройно будешь» [18, с. 12]. Народное название этого растения *сон-трава*. «Сон-трава относится к семейству лютиковых и, подобно другим видам этого семейства, ядовита» [112, с. 81]. В названии растения отражается его воздействие на организм человека: оно вызывает сон, действуя на центральную нервную систему. Эквивалентом в казахском языке выступает слово *құндызшөп* (букв. трава бобров), в котором отражается не воздействие растения на организм, а его конкретное пищевое назначение. З.К. Темиргазина относит подобные номинации (*прострел, сон-трава - құндызшөп*) к единицам, «обладающим

денотативно-референтной соотнесенностью в другой культуре, т.е. называющим явления, понятия, бытующие и в другом национально-культурном континууме, но имеющим специфически национальный языковой способ репрезентации» [142, с. 40].

Объективацией русского народного культурно-языкового сознания следует считать и названия *василек, иван-чай, марьянник дубравный, анютины глазки, плакун-трава, чертополох, петров крест, кузьмичева трава, богородская трава* и другие.

Также в научных названиях русского языка актуализируются фрагменты архаической античной ментальности, древнейший способ мировосприятия. Наиболее распространенным мифом является превращение человека в растение [220, с. 9].

Анализ внутренней формы номинаций казахского языка показывает, что в процесс номинации заложены различные признаки. Так, слово *күшала* (букв. возьми силу) образовано от *күш* «сила» и *ала (ал)* «возьми», т.е. растение, дающее силу. В народной медицине *күшала* использовали в качестве лечебного средства при различных болезнях, в частности, при половом бессилии. В основе названий *таушымылдық* (букв. горный занавес), *тасшүйгін* (букв. обильная растительность на камнях), *сүбеде* (букв. водянистый клевер), *сайсағыз* (букв. с высохшего русла реки) имеется указание на место произрастания.

Вера людей в лечебные свойства растений способна была приписывать народному сознанию сверхъестественные свойства. Например, подорожник в народе называют «иманжапырақ» (букв. цветок веры). Растение в силу особых лечебных свойств считалось святым растением. *Иманжапырақ* употребляется для обеззараживания ран, уменьшения гноеотделения.

Объективацией казахского народного культурно-языкового сознания выступают и другие названия, такие, как: *итжидек* (букв. собачья ягода), *сүмелекгүл* (букв. паршивый цветок), *кәріқыз* (букв. старая дева), *есекқұлақ* (букв. ослиные уши), *меңдуана* (букв. одуряющий) *түйетабан* (букв. подошва верблюда), *итжүзім* (букв. собачий виноград), *шайтанкелмес* (букв. дьявол не придет) и т.д.

Таким образом, названия лекарственных растений - это фрагмент языковой картины мира, представляющий собой функционирующую систему культурных ценностей, отражаемых в языке в виде комплексных межуровневых единиц. Исследование языка сквозь призму культуры и менталитета его носителей диктует необходимость обращения к ценностной основе национальной культуры, во многом формирующей ее национальное своеобразие.

1.3 Классификации основных цветообозначений

В науке существует множество подходов к изучению цветообозначений. Способность отличать один цвет от другого является одной из уникальных возможностей зрительного восприятия человека. Неслучайно такие отрасли науки, как психология, физиология проявляют живой интерес к проблемам восприятия цветов и их многочисленных оттенков. Значимость наличия цветового зрения для разных наук о человеке, - это одна из основных причин проявления интереса к изучению процессов отражения цветовых ощущений в том или ином языке. Изучению цветовых номинаций посвящены работы многих исследователей, в числе которых П. Линдсей и Д. Норман, М. Дерибор, М. Люшер, Мими Купер, Арлин Мэтьюз, Р.М. Фрумкина, А.П. Василевич, В.Г. Кульпина, Е.И. Горошко, Г.Э. Бреслав, В.В. Драгунский и др.

Как показывает анализ исследований вопросов цветонаименования, ученые разных отраслей наук, пытаясь описать и классифицировать семантические отношения между словами, обозначающими цвет, говорят о трудности и противоречивости характеристик на основе модели трёхмерного психологического пространства цветового восприятия и ощущения. При создании модели смысловых отношений в цветонаименованиях исследователи зачастую затрудняются выявить единый принцип выбора и классификации цветовых номинаций.

Многозначность и многофункциональность наименований цвета заключаются не только в номинативном обозначении широкого круга существующих реалий. Кроме всего этого, как нам известно, цвет является одной из наиболее значимых составляющих культуры народа. Цвет находится в окружении целой системы ассоциаций, разных смысловых значений, многочисленных толкований, ввиду этого цвет становится настоящим воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. Значение цвета в разных культурах имеет не только какие-то общие универсальные черты, но и отличия, которые имеют отношение к глубинным слоям сознания и отражают национальные культурно обусловленные особенности.

Структурные и семантические особенности наименований цвета связаны с различиями в картинах мира представителей разных культур, сложившимися историко-культурными, религиозными, климатическими, экологическими и другими характеристиками. Кроме того, в рамках каждого конкретного языка в результате эволюции национальной языковой картины мира цветовые наименования приобретают дополнительные значения или оттенки значений, которые выходят за пределы и рамки конкретных названий цвета, а это также требует их специального изучения, анализа и описания.

Изучение цвета занимает особое место в психологической науке, в которой понятие «цвет» часто рассматривается в двух известных значениях: психофизическом и общепсихологическом. В первом психофизическом значении цвет рассматривается как зрительный образ, возникающий при воздействии светового излучения на сетчатку глаза и характеризуется цветовым тоном, насыщенностью и светом. Во втором общепсихологическом значении цвет можно определить обычным зрением, при этом цвет наделяется большим числом психологических перцептивных качеств, в том числе таких, как теплота, матовость, а также эмоциональных качеств, таких, как спокойствие, возбуждение. Цветономинации представляют собой

устойчивую символическую структуру, которая соотносится с определенными эмоциональными состояниями человека.

Если обратиться к психолингвистическим исследованиям цвета, то мы убедимся, что в них за основу взят феномен психической деятельности человека. Согласно этому подходу, отношения между словами, обозначающими наименования цветов, и их смыслами отражаются в сознании носителей языка [22, с. 87]. И, как считает А.П. Василевич, какую бы психофизиологическую основу не имел цветовой язык, на него обязательно наслаиваются традиции и обычаи народа [22].

Как известно, цвет во всех языках отражается по-разному, а общее число названий цвета и их распределение по отношению к основным цветам в разных языках могут различаться, быть неодинаковыми. Но следует признать, что в каждом языке всегда можно выделить ядро всей системы цветowych номинаций и ее периферийную часть. Своеобразие системы цветоименований оказывает влияние на состав и организацию ее ядра.

А.А. Брагина, исследуя вопрос вербализации цветового восприятия, делит цветowe обозначения на две группы: 1) основные и 2) оттеночные. Выделенные ею основные цветоименования, в свою очередь, делятся на хроматические, называющие семь цветов радуги: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, а также ахроматические, включающие в состав черный, белый, серый цвета [19, с.73].

Зачастую исследователи кроме трех ахроматических наименований в перечень цветоименований в русском языке включают не семь, а девять хроматических имен: семь цветов радуги, а также коричневый и розовый [22]. Таким образом, в отличие от большинства европейских языков, где группа основных цветоименований включает 11 обозначений (в нем отсутствует слово для понятия цвета «голубой»), в русском языке и некоторых других славянских языках такой перечень образован 12 названиями цветов. В него входят три ахроматических цвета: белый, черный и серый. Все оставшиеся цветоименования называют оттеночными. Они

отличаются способами передачи оттенков цветов. Так, выделяют группу цветовых обозначений, которые передают оттенки цвета аналитическим способом, они включают цветовые прилагательные: а) вторичной номинации: сиреневый, молочный; б) без видимой этимологии: бурый, алый; в) с ограниченной сочетаемостью: белокурый, карий; г) заимствованные; д) неологизмы и архаизмы: смарагдовый, кубовый; е) терминологические: кобальт, ультрамарин; ж) окказионализмы [19, с. 73-104].

Необходимо отметить классификацию, сделанную А. П. Василевичем, по которой автор предлагает выделить в пределах цветовых наименований такие семантические группы, как: 1) 100 наиболее употребляемых простых наименований, включая 12 базовых, а в русском языке к ним добавляется еще и голубой цвет; 2) приставочные слова для выражения цветовых оттенков, например, светло-синий; 3) номинации цвета, основанные на цвете предмета, денотата (помидорный, кофе с молоком); 4) названия цвета, за основу обозначения в которых взята рекламная функция, такая, например, как привлечение внимания к предмету реализации (пепел розы); 5) книжные и устаревшие слова (например, фрез) [22, с. 114-115].

В результате проведенных учеными исследований выявлено, что в список самых употребительных цветовых наименований двенадцать слов-названий из группы основных цветонаименований русского языка входят в такой последовательности, как: фиолетовый, розовый, зеленый, голубой, синий, коричневый, серый, желтый, оранжевый, красный, черный, белый.

В списке самых употребительных цветовых наименований голубой цвет оказался более релевантным, чем синий, такое распределение этих двух цветов отмечено в серии психолингвистических экспериментов, проведенных в начале 1980-х годов А.П. Василевичем [22].

Проведенный им анализ текстов с выборкой более двух миллионов слов показал, что роль основного термина для обозначения этой части цветового спектра в современном русском языке играет синий цвет, а частота употребления названия «голубой» в два раза уступает частоте использования

слова «синий». В то же время, в ходе эксперимента, когда участники должны были называть первые пришедшие на ум цвета, употребительность основных слов в этой части спектра выглядела совершенно иначе: слово «голубой» употреблялось чаще, чем название цвета «синий». Такое распределение позиций в паре, возможно, связано с негативной коннотацией синего цвета в русской бытовой культуре. Подобное распределение закрепило голубой цвет в качестве еще одного основного цвета и поддерживает частотность его употребления в сфере повседневного общения.

Ю.Д. Апресян за основу деления цветовых прилагательных берет семантический признак предельности: «Если спектр разделить на участки, называемые основными цветовыми обозначениями русского языка (красный, оранжевый, желтый и т. п.), то максимальному пределу цвета будет соответствовать середина соответствующего участка. К примеру, на участке красного цвета отход в одну сторону будет давать постепенный переход в оранжевый цвет, а отход в другую сторону даст уже другой цвет - фиолетовый. Середина участка будет подходить для красного цвета. Точно так же происходит с образованием других цветовых названий [46, с. 44].

Интерес вызывает классификация цветовых обозначений по Р. М. Фрумкиной, которая отмечает, что в русском языке «наивная картина мира» включает «семь цветов радуги», а также розовый, коричневый и известные ахроматический цвета, то есть черный, белый и серый цвета. Это «основные» цвета. А вот менее употребительные, второстепенные названия цвета исследователь называет «прочими» цветами. Также можно выделить 32 «базовые» цветовые лексемы. Смысл «базовых» названий цвета известен всем носителям языка, это алый, вишневый, бордовый, малиновый, морковный, апельсиновый, медный, песочный и другие цвета [152, с. 64-85].

Также ряд ученых в качестве основных цветов выделяет так называемые «элементарные» цвета, то есть красный, желтый, зеленый, синий, ахроматические белый и черный, а также цвета серый, розовый,

голубой, оранжевый, коричневый, фиолетовый, которые считаются смесями тех же элементарных цветов.

Несколько иной подход к выделению критериев включения слова в состав основных цветовых наименований наблюдаем в работах исследователей Б. Берлина и П. Кея. Они считают, что подобные слова должны быть непроеизводными, новыми по значению, широко сочетаться с другими словами и быть «психологически выделенными», то есть значимыми, для носителей данного языка. «Выделенность» слова ученые предлагали проверить экспериментально. «Психологически выделенные» цветовые обозначения должны появляться в эксперименте, где участники должны перечислить известные цвета и записать их в начале списка. Авторы теории убеждены: ввиду того, что нынешняя стадия развития индоевропейских языков не является заключительной, всегда будет иметь место возможность изменять состав группы основных цветовых наименований [170]. Вслед за авторами мы относим «психологически выделенные» цветовые наименования к научно обоснованным материалам для определения направлений эволюции ядра цветообозначений вообще.

Как известно, опираясь на указанный критерий, А.П. Василевич в начале 1990-годов распространил идеи Б. Берлина и П. Кея на «состояние в будущем» и по результатам целого ряда психолингвистических экспериментов предложил собственный прогноз развития перечня основополагающих цветовых наименований в русском языке [22].

А.П. Василевич основным и важным ориентиром при этом считал такой показатель, как индекс количественной оценки степени расхождения между данными ассоциативного эксперимента, в ходе которого носители языка называли первые пришедшие им на ум слова, и данными анализа письменных источников. Следует отметить, что приведенный индекс был разработан им самим. В ходе проведенных экспериментов в перечень из шести более возможных цветов для включения в число основных цветовых обозначений вошли салатный с индексом 50,0, бежевый с индексом 49,0,

бордовый с индексом 45,0, сиреневый с индексом 36,5, лимонный с индексом 34,5, малиновый с индексом 34,0.

Такая высокая психологическая выделенность сиреневого, салатowego, бордового, малинового, бежевого, бирюзового, лимонного цветов была также подтверждена экспериментом исследователей цвета Дейвиса и Корбетта [171, р. 65-69]. Носители русского языка, участники эксперимента, должны были записать как можно больше терминов, которые они могли вспомнить в течение пяти минут. В итоге участниками было предложено 126 разных цветовых номинаций. Дейвис и Корбетт распределили полученные таким образом названия цветов по частоте, в результате чего и был выделен перечень, в котором на первых местах оказались 12 основных терминов, а за ними - оттенки, выявленные ранее до этого эксперимента А.П. Василевичем.

Эксперименты убеждают нас в выводах А.П. Василевича о том, что для дальнейшего развития ядра цветообозначений до сих пор продолжают действовать принципы повышения релевантности слов, которые были описаны Б. Берлином и П. Кеем. Новые цветовые обозначения образовались или для указания на пограничный цвет на стыке уже существующих цветов, так, например, фиолетовый цвет – между появившимися ранее красным и синим, оранжевый цвет – между красным и желтым, серый цвет – между белым и черным), или же для выражения более светлого оттенка, например, розовый цвет относительно красного цвета. Соответственно, бирюзовый, малиновый и бордовый цвета являются пограничными и находятся в промежутке между существующими основными цветами, так, бордовый и малиновый стоят между красным и фиолетовым, бирюзовый – между синим и зеленым, остальные цвета представляют собой более светлые оттенки основных цветов; салатовой цвет – светлый оттенок зеленого, бежевый цвет – коричневого, сиреневый цвет – фиолетового [170].

В периферии выделяется также группа сложных цветоназваний, определяющих оттенки цвета с формантами ярко-, светло-, темно-, нежно-, уточняющими насыщенность и интенсивность цвета; группа двусоставных

названий, типа: *сине-белый, желто-зеленый*. Имеют место и конструктивно-сложные наименования, к примеру, цвет *мёда, слоновой кости*, и сравнительные сочетания, типа *щечки как маков цвет* [93].

Как мы убедились, ученые до сих пор не пришли к единому мнению в уточнении типа объединения цветовых номинаций. Но в одном лингвисты едины – в необходимости формирования ядра как центра и периферии.

Таким образом, для русского, а также для любого другого языка, центральным этапом развития системы цветовых обозначений является формирование центрального «ядра» – группы слов, то есть основных цветовых наименований (*basic color terms*) и периферии тех же названий.

Выводы по первой главе

Таким образом, сопоставительная мотивология - новое направление в современной лингвистике, цель которой общности и специфики мотивации слов одного языка или разных языков. Объект сопоставительной мотивологии – мотивация слов в сопоставляемых языках, предмет – общность и специфика явления мотивации слов сопоставляемых языков в разных аспектах: онтолого-методологическом, описательно-сопоставительном, лексикографическом, функциональном, лингвокультурологическом. Общность и специфика мотивации названий лекарственных растений сопоставляемых языков предполагается рассматривать с учетом того факта, что они входят в лексико-семантическую группу - большую группу слов одной части речи, объединенных одним словом – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах.

Исследование языка сквозь призму культуры и менталитета его носителей диктует необходимость обращения к ценностной основе национальной культуры, во многом формирующей ее национальное своеобразие. В исследовании уделяется внимание многозначности и

многофункциональности наименований цвета, что предполагает не только номинативное обозначение широкого круга существующих реалий. Цвет находится в окружении целой системы ассоциаций, разных смысловых значений, многочисленных толкований, ввиду этого цвет становится настоящим воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

Названия лекарственных растений представляют собой фрагмент языковой картины мира, представляющий собой функционирующую систему культурных ценностей, отражаемых в языке в виде комплексных межуровневых единиц.

2. МОТИВАЦИОННО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Появление названий реалий или явлений связано с человеческим опытом. Своеобразие человеческого познания находит отражение в номинативных единицах языка - словах и словосочетаниях.

В жизнедеятельности народа одно из важных мест занимает познание растительного мира, в ходе освоения которого человек дает растениям те или иные наименования, формирует новые понятия, устанавливает между ними определенные связи и отношения.

2.1 Названия лекарственных травянистых растений как часть лексики русского и казахского языков: этимологический аспект

Словарный состав любого языка представляет собой результат длительного этапа развития нации и народности, в нем сохраняются все изменения, которые происходят в обществе, закрепляется в каждый момент своего исторического развития все то, чем характеризуется жизнь отдельного индивидуума и общества в целом. Изменения языка в области лексики происходят в основном за счет различных процессов словообразования на базе старых слов либо как результат появления у старых слов новых значений. Этимологический аспект исследования названий лекарственных травянистых растений русского и казахского языков необходим для определения процессов ремотивации, демотивации или для подтверждения того, что синхронная мотивированность данной лексической единицы совпадает с диахронной.

Названия лекарственных травянистых растений составляют наиболее многочисленный пласт лексики общелитературного языка, встречаясь в древних и средневековых памятниках славянской и тюркской письменности, в материалах средневековых рукописей по медицине.

Исследуя современные названия растений в русском языке, Н.Н.

Забинкова отмечает следующие пути их образования: употребление народных названий; калькирование; заимствование [59, с. 42].

Перечисленные способы образования названий лекарственных растений в русском языке характерны и для казахских названий.

На Руси, как и у других народов, целебные свойства растений были известны с глубокой древности. Языческое мировоззрение, господствовавшее в Древней Руси, придавало лечению характер сверхъестественного процесса, поэтому лечение с помощью трав велось знахарями, ведунами, волхвами. Наиболее часто в качестве лекарств применяли такие травы, как *полынь*, *крапива*, *хрен*, *подорожник* и др.

Древнейшим памятником русской медицинской литературы является статья в «Изборнике Святослава», в которой приводятся медико-гигиенические сведения. В этой своеобразной энциклопедии, помимо других сведений, дается ряд медицинских и гигиенических советов, описываются наиболее распространенные лечебные средства из растений. Например, упоминается «полынное зелье», употребляемое при лихорадках, в состав которого входят *белена*, *болиголов*.

В.А. Меркулова, исследуя русские народные названия растений, выделяет следующие хронологические этапы в формировании этого пласта лексики: протославянский, восточнославянский, эпоха самостоятельного развития русского языка. Протославянский период характеризуется развитием праславянских названий, для которых характерно наличие сходных форм во всех других славянских языках. Например, «рус. *«папоротник*, укр. *папороть*, болг. *папрат*, польск. *papros*, праслав *paportъ*» [99б, с. 118].

В восточнославянский период заметное влияние ощущается со стороны новгородского, вологодского, олонецкого говоров, а также влияние других языков (на севере – финского, на юге и юго-востоке – тюркских).

В эпоху самостоятельного развития русского языка в говорах появилась масса местных диалектных названий. Все чаще народными названиями становятся переводы-кальки научных названий, включенные в травники, лечебники, а затем и в научную и научно-популярную литературу.

Именно тогда увеличилось число заимствований из других языков. Заимствованная лексика попадала в ботаническую терминологию, скорее всего, не только из южнорусских говоров, но и непосредственно из украинского языка.

Украинский язык был активным посредником в передаче чехизмов, тюркизмов, заимствований из немецкого и латинского языков, так как ареал распространения этих названий в украинском языке обширнее, чем в русском языке, см., например: *аир*, *ромашка*. Многие народные и диалектные слова, возникшие в этот период, сохранились до сих пор. Например, *гусиная трава*, *топтун* (горец птичий); *сокирки*, *рогульки* (живокость полевая).

В названиях лекарственных растений русского языка значительное место занимает группа наименований, заимствованных из латинского и греческого языков, поскольку ботаническая номенклатура создавалась на греко-латинской основе (древнегреческие сочинения Гиппократ, Диоскорида, Цельса, Галена, Апулея), например: *арника*, *барвинок*, *вербена*, *вероника*, *дигиталис*, *пастернак*, *кассия*, *календула*, *мальва*, *рута*, *примула*, *цикорий*, *шалфей* и т.д. Из греческого заимствованы *адонис*, *аконит*, *анис*, *зизифра*, *тмин*, *тимьян*, *мелисса*, *астрагал*, *алоэ*, *эфедра*, *каперсы* и т.д.

В Древней Руси, наряду с использованием местных лекарственных растений, применялись многочисленные «зелия врачевские», завозимые из других стран и городов, таких, как Александрия, Багдад, Египет, Эфиопия, Аравия, Персия, Греция, Венеция, Сицилия. Наибольшим спросом пользовались «индийские зелия» *перец*, *аирной корень* или *аирный*.

В конце XVI века на Руси появляются первые сборники разного состава и происхождения, в которых содержались сведения о распознавании лекарственных растений и о способе приготовления из них лекарств. Самые древние из них – «зельники» (от слова «зелье»), в которых описывались не только растения, но и сера, камфора, ртуть; позднее появились «травники». Все эти рукописи были обычно снабжены рисунками. Большинство из них были переводами, но измененными и приспособленными к русским условиям; многие из имевшихся тогда травников представляли собой

рукописные тетради, в которых названия растений были написаны на древнерусском языке.

Ряд номинаций древнерусского, общеславянского и собственно русского происхождения, а также заимствования из тюркского, польского, немецкого и китайского языков зафиксированы в «Кратком этимологическом словаре русского языка» под ред. С.Г. Бархударова. Например, «*василек* – древнерусское, заимствованное из греческого языка (*basilicon*), при заимствовании окончание *on* было заменено окончанием *-ъ*, а конечные звуки *-ik-* осознаны как суффикс – *ькъ-ек*» [192, с. 70]; «*белена* – общеславянское *belnъ, bylъ* образовано посредством суффикса-*пот* и основы *bhel-*белый» [там же, с. 41]; «*чертополох* – собственно русское, образовано путем сложения с помощью соединительной гласной *о* и слов «черт», «полох» – тревога, испуг» [там же, с.432]; «*ревень* - заимствовано из тюркского, встречается с XV века, от турецкого *ravent* - «ревень», восходит к персидскому *ravend*» [там же, 386]; «*барвинок* - заимствованное из польского языка в XVI веке, польское *barvinek* - заимствованное из чешского, в котором *barvinek* через немецкий от латинского *pervinca*» [там же, 36]; «*клевер* - заимствованное из немецкого *klewer* - клевер в XIX веке»; «*жень-шень*, заимствованное в конце XIX века из китайского языка. Китайское *жень-шень* является производным от *жень-человек*» [там же, с. 145].

В следующей таблице показано сходство общеславянских наименований лекарственных растений в различных славянских языках.

Таблица 1 – Названия лекарственных растений общеславянского происхождения в славянских языках

Русский язык	Чешский язык	Сербо-хорватский язык	Болгарский язык	Украинский язык
кислица	kyselinka	киселица	киселец	kvasec
репей	repik	репух	репей	репик
хвощ		hvosce	хвощ	хвощ
папоротник		папрат	папрат	папороть
буквица	bukvice	bukvica		bukvusa

Интересным в плане этимологии представляется фитоним *татарник*. Он обозначает растение, обладающее острыми колючками, т.е. очень колючее. В названии содержится негативная оценочная коннотация, ассоциативно связанная с этнонимом *татары*, которые в летописных повестях, рассказывающих о монголо-татарском нашествии, рассматриваются как общие враги известных русским восточных народов – половцев, ясов, касогов. Так, в Лаврентьевской летописи автор рассказывает о народах, которые появились неизвестно откуда, неизвестно какой веры и племени. И называли их татары, иные – таурмены, а другие – печенеги: «В льто 6731 явишася языци, их же никто ж добрь ясно не всть, кто суть, и отколь изидоша, и что языкъ ихъ; и которого племени суть, и что вьра ихъ. И зовуть я татары, инии глаголють таумены, а другие печеньзи» [213, с.132].

С данным этнонимом связано и другое народное название – *татарская трава, татарское зелье* (науч. «аир обыкновенный»). По данным А.М. Кузнецовой, А.С. Резниковой, *аир обыкновенный* был завезен во времена татаро-монгольского нашествия: «Татары считали аир растением, очищающим воду, и были убеждены, что там, где он растет, можно пить ее без риска для здоровья. Татарские конники возили с собой в переметных суммах кусочки живых корневищ и бросали их во все встречающиеся водоемы. Корневища быстро укоренялись, и вскоре берега водоемов зарастали сплошным поясом душистого растения» [209, с. 24].

Народное название *аира обыкновенного* (ирный корень) встречается в комментариях летописного извода Афанасия Никитина. В своих записях он упоминает Новый Сарай – центр Золотой Орды, через который проходили караваны с товарами. Русские купцы привозили кожу, полотно, деревянную посуду, уздечки, кожу и другие изделия ремесла, а вывозили краски, доставленные из Персии, восточные ткани и другие товары. Караванные пути связывали город со Средней Азией и Персией. Купцы, приезжавшие из многих стран в Новый Сарай, жили в отведенных им кварталах. Были здесь купцы из Ирана, Египта, Сирии и других мест. Афанасий Никитин пишет еще об одном городе, который также был центром торговых путей -

Астрахань. Как и Сарай, Астрахань поддерживала связи с Азовом. И ежегодно только из Венеции в Азов посылали шесть-семь кораблей, чтобы забрать пряности и шелк, поступавшие через Астрахань. От Азова корабли шли в Сурожу, где недели караванного пути отделяли Азов от Шемяхи. Благодаря таким торговым отношениям в Древней Руси, наряду с использованием национальной флоры, применялись многочисленные «зелия врачевские», завозимые из других стран и городов [209, с. 24].

В этимологических словарях русского языка отмечается, что среди тюркизмов встречается ряд названий растений, восходящих к индоиранским языкам. К примеру, слово *дурман* было заимствовано в русский через тюркский язык (каз. *дәрі* «лекарство», башк. *турман* «лекарство для лошадей», татар. *дарман*, *дәрмен*, чув. *тарман* «способ, средство, сила, мочь», «лекарство», турец. *derman* «лекарство») и происходит от перс., инд. *darman* «лекарство» [191, с. 555]. В русском языке это слово получило более широкое значение как «нечто одуряющее», так как все органы растения ядовиты.

Подобные примеры отражают сложность языковых процессов, происходивших в течение 1 тыс. до н.э. и связанных с миграционными потоками народов. Историки С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов объясняют данный факт следующим образом: «В течение 1 тыс. до н.э. - первой половины 1 тыс. н.э. оседлое население и кочевые племена Нижнего Поволжья и Алтая были носителями индоевропейских языков. В результате интенсивных и постоянных миграций населения в евразийских степях, на территорию Казахстана и Средней Азии постоянно проникали более или менее большие группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья, и так называемых алтайских племен из Восточной Сибири. Во II-I тыс. до н.э. в среде алтайских племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности» [208, с. 51].

В «Словаре тюркизмов русского языка» Е.Н. Шипова упоминает около 20 названий лекарственных растений, вошедших в язык примерно в период с

X-XV вв.: *аир, бадан, баклажан, багульник, дурман, калган, камыш, кермек, кендырь, кишинец, кунжут, лебеда, ревень, сабур, осот, чагир, фисташка, хмель* [189, с. 324-364].

Современная номенклатура пополняется новыми названиями лекарственных растений: *аспидистра, аллоказия, гедициум, зефирантес, нтерис, зебрина* и др. Указанные названия, как правило, образованы посредством сложения греческих корней: *аспидистра* – от *aspis* «щит» и *astron* «звезда», *зефирантес* от *zephyr* «западный ветер» и *anthos* «цветок» и т.д. В редких случаях наряду с научным наименованием используется исходное слово. Например, перуанское название «*кока*» означает научное «*Erythroxyloncoca*». В русском языке название *эрва шерстистая* употребляется как синоним цейлонского названия *пол-пола*.

Н.А. Анненков, В.А. Некрасов, И.И. Курамысова отмечали, что названия многих растений представляют собой перевод их фармацевтических названий, употреблявшихся в средние века: «валериана» от лат. «*valere*», означающего «быть здоровым», а исконно русское старинное имя этого растения *маун* или *мяун*. Родовое название *Althaea* алтей образовано от греч. *altaia* (лекарственное средство), а народное название *проскурняк/ просвирник* образовано от древнерусского названия «проскура». Так называли семена алтея лекарственного (просвора), которые по форме напоминают изделия из муки. Родовое название *Sanguisorba*, означающее «кровохлебка», образовано от латинского *sanguis* (кровь) и *sorbere* (поглощать, хлебать). Но не все названия растений представляют собой перевод их средневековых фармацевтических названий. Так, например, термин «*буквица*» (*Betonika*) происходит от кельтских *ben* – голова и *ton* – красивый, аналогичные названия в других славянских языках звучат: *bukwica* – по-польски, *bukwice* – по-чешски, *bukvica* – по-сербски [20].

Другие номинации представляют собой переводы из различных лечебников и других документов, среди которых имелись заимствования из немецкого, польского, испанского, китайского языков: *вайда* (нем.), *крестовник* (нем.), *клевер* (нем.), *фенхель* (нем.), *петрушка* (польск.), *фасоль*

(польск.), *маис* (исп.), *каланхоэ* (кит.).

Исследователь Б. Калиев в составе номинаций казахского языка выделяет древние названия общетюркского происхождения и собственно казахские наименования, которые образовались после становления национального языка [68].

Так, в словаре Махмуда Кашгари мы обнаружили свыше 30 древнетюркских наименований лекарственных трав, близких по фонетическому звучанию к казахскому языку: *uip* (egir) – аир, *андыз* (anduz) – девясил, *жусан* (jarcan) – полынь, *құлмақ* (qulmaq) – хмель, *сарымсақ* (sarumsaq) – лук горночесночный, *жұпар* (jupar) – душица, *қарамық* (qaramuq) – гречиха, *қабақ* (qabaq) – тыква, *бұрыш* (burc) – перец, *қышы* (qici) – горчица, *шүйгін* (shivgin) – валерьяна, *жалбыз* (jarpuz) – мята и др. [207, с.156, 145, 58, 35, 590, 40, 546, 430, 520, 320, 502, 56].

Сходные тюрко-казахские названия были отмечены учеными в памятнике древнекипчакского языка «Кодекс Куманикус», составленном на латинской основе в 1303 г. миссионерами. В нем отражен разговорный язык западной ветви кипчаков: *арпа* (арпа) – ячмень, *бурч* (бұрыш) – перец, *қабақ* (qabaq) – «тыква», *сарымсақ* (sarumsaq) – лук горночесночный и т.д.

Названия общетюркского происхождения, схожие по семантике и различающиеся по фонетическим признакам, можно обнаружить и в лексике тюркских языков в настоящее время. См. следующую таблицу:

Таблица 2 – Наименования лекарственных трав общетюркского происхождения в современных тюркских языках

Казахский	Каракал-пакский	Ногайский	Киргиз-ский	Уйгурский	Азербайджан-ский	Туркмен-ский
алабота	алабота	алабота	алабота	лайла		селма
бидай	бидай	бийдай	буудай	бұғдай	буғда	бұғдай
жусан	жусан	йувсан	эрмен	аман	йовшан	йовшан
сарымсақ			сарымсақ	сарымсақ	саримсаг	сарымсақ

Среди древних наименований лекарственных трав в казахском языке

выделяются в основном однословные по структуре: *жалбыз* - мята; *ошаған* - татарник колючий; *айыр* - аир болотный; *жантақ* - колючка и т.д. Названия позднего происхождения образованы морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим способами. Например, *қырықбуын* (букв. сорок узлов), *дала қырықбуыны* (букв. степные сорок узлов); *алқа* (букв. ожерелье) и т.д.

Наличие в казахском языке номинаций, функционировавших параллельно в тюркском, арабском и персидском языках, отмечается многими учеными. Так, в работе А.К. Курышжанова мы отметили ряд подобных названия: *йувшан/ жусан* (полынь), *арпа* (ячмень), *бугдай/ бидай* (пшеница)» [89, с.52]. Также Б. Калиев называет названия, функционирующие параллельно в арабском и персидском языках: *адыраспан* - *хадраспан*, *беде* – *бидә*, *зығыр* – *зәгир*, *көкнәр* – *күкнар*, *күшала* – *күчәлә*, *меңдуана* - *бәңги диуана*, *пияз* – *пияз* и др. [68, с.93].

В персидско-казахском толковом словаре Н. Ондасынова также упоминаются следующие сходные названия: *бидә* - *беде* (клевер), *зирә* - *зире* (тмин), *зәгир* - *зығыр* (лен), *күкнар* - *көкнәр* (мак), *күчәлә* – *күшала* (эминимум), *бәңги диуана* – *меңдуана* (белена), *пияз* – *пияз* (лук), *тамир дәру* – *тамыр дәрі* (чемерица), *сәбз/сәбзи* (морковь), *тирнақгол*- *тырнақгүл* (ноготки), *түймәгол* – *түймегүл* (просвирник), *сумәләк* – *сүмелек* (живокость), *конджед* – *күнжіті* (кунжут), *хадраспан* - *адыраспан*(гармала), *хиар*- *қияр* (огурец) [183, с. 70, 73, 77, 84, 161, 168, 224, 226].

В персидско-русском словаре М.Н. Османова – 2 названия: *риванд* – *раугаш* (ревен), *занджабил* – *жанжабіл* (имбирь) [184, с. 20, 24].

Э.С. Кулиев, исследовавший с позиции историко-типологического анализа фитонимов в азербайджанском языке, пишет: «Процесс взаимообмена лексикой был обусловлен интенсивными этнолингвистическими взаимосвязями в период массового передвижения тюркских племен и племенных объединений в гущу ирано и арабоязычной среды начиная с V-VI вв. Эти этнолингвистические взаимосвязи еще более усилились в средневековье, когда тюркские народы постепенно начали

принимать ислам, а через него и арабскую письменность» [87, с. 22].

Проводя параллели между азербайджанским и другими тюркскими языками, он берет за основу древние тюркские аффиксы-архетипы, например, (а*η>аη). Вариант архетипа аη перешел в формант -ай: *буыдај* – бидай. Указанная форма имеется и в персидском языке: *һотай*– *һұмай*, «кұмай» (сорго) [87, с. 22]. Этот процесс наблюдается и в казахских названиях.

Огромный пласт лексики наименований трав арабо-персидского происхождения встречается в работах Беруни (Сайдани) и Ибн Сины в книге «Канон врачебной науки»). В «Каноне врачебной науки» употребляются названия арабского происхождения, вошедшие затем в состав лексики казахского языка с небольшими фонетическими изменениями, и номинации, не получившие дальнейшего распространения. Например, *запыран* (<зафғанан «шафран»), *жанжабіл/жемжебіл* < занджабил «имбирь», *пияз* < бияз «лук», *қара меңдуана* < бандж «белена», *қара қыша* < хардал «горчица черная», *ақ итжүзім* < фашира «переступень белый», *үлкен жолжелкен* < лисан ал-хамал «подорожник большой», *дәрілік нарқайсар* < рил-л-хамале «вербена лекарственная» и т.д.

В составе названий растений выделяются парсизмы, которые давно вошли в состав лексики казахского языка и не воспринимаются как заимствованные: *көкнәр* < кукнар (мак); *бұрыш* < морч (перец), *зығыр* < зәгир (лен), *пияз* < пияз (лук), *сәбіз* < сәбз/сәбзи (морковь), *беде* < бидә (клевер), *джухари* (кукуруза), *тырнақгүл* < тирнақгол (ноготки), *зире* < зирә (тмин), *тамырдәрі* < тамирдару (чемерица) и т.д. [по: 217, с. 230].

В литературном памятнике XV века – медицинском сборнике «Шипагерлік баян» содержатся энциклопедические знания о медицине, с указанием болезней и методов их лечения. Автором упоминается около 859 видов лечебных растений и способов их применения, например: «Собирали цветки эминиума, гвоздики, затем отваривали и сцеживали, готовя отвары и настойки. Настойку пили внутрь, а отвар использовали в качестве наружного средства» [217, с. 230].

Относительно небольшое количество названий лекарственных трав

было заимствовано из монгольского языка. Однако вопрос о тюркско-монгольских (в частности, казахско-монгольских) языковых отношениях остается до сих пор спорным. Ч. Валиханов, Г.Д. Санжеев, Н.А. Баскаков, Ц.Д. Номинханов, Б.Я. Владимирцов, Ш. Сарыбаев высказывали гипотезу о родстве тюркских и монгольских языков. Сходство и близость монгольских, тюркских и маньчжуро-тунгусских языков в области лексики и грамматического строя Б.Я. Владимирцев считал результатом их общего происхождения из единого праязыка: «На родственную связь между языками монгольскими, тюркскими и тунгусскими указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, в частности морфологии этих языков» [30, с.45-46]. Это значит, что монгольский и тюркский языки представляют собой две различные формы развития одного общего языка, который восходит к алтайскому.

Известный лингвист Ш. Сарыбаев приводит примеры названий растений, имеющие сходство в монгольском и казахском языках: «*буудуй* – бидай (пшеница), *өлөн* (өлең - малопитательная трава), *сарымсаг* (сарымсак - чеснок), *хияг* (кияк - пырей, *хуурай* (кұрай - тростник), *буурцаг* (бұршақ - горох)» [127, с.151].

Д. Б. Мирзаханова также проводит параллели фитонимической лексики азербайджанского языка с монгольским языком: «Азербайджанская основа *bugday* «пшеница» имеет в тюркских и монгольских языках широкие параллели: уйг. *пук-тай*, каз. *бидай* и т.д. В монгольских языках эта же основа даёт множество производных и составных терминов, ср. калм. *будаа* «зерновой хлеб», *шарабудаа* «просо», *цагаанбудаа* «рис», калм. *будаа/н/* «крупа, каша», *гурвалжинбудаа* «гречневая крупа», *цагаанбудаа* «рис», кар. *будаа* «просо», *будаа* «манная крупа», шар. *будаа* «пшено», *будаатай* «крупяной, рисовый», *будаатай хуурга* «пилав», *будаатай шел* «рисовый суп, крупяной суп», бур. *будаа* «крупа», *сагаан будаа* «рис», *упаан будаа* «просо», *шара будаа* «пшено», монг. *бугудай* «пшеница». Семантически

тюркская основа *бугдай*, видимо, также восходит к корневому *бут* со значением «колос» - «острие, острый конец, колосок». Этот корень представлен в составе межтюркской основы *буг=да* «нож», ср. башк. *Боиза - богда*, ног. *мийда – богда* «нож». В плане фонетики такой переход (-*г*-/-*и*-) является для тюркских языков вполне закономерным. В ряде тюркских языков корневой согласный утрачивается, ср. кум. *будай* из праформы *бугдай*» [100, с.14]. Азербайджанская основа *бурчаг* (горох) является общетюркской основой, имеющей древние параллели и в монгольских языках: каз. *буршак*, кирг. *буурчак*, уйг. *пучок*, г.-алт. *мырчак*, туркм. *бурчак*, коман. *бурцак* «горох», тур. *бурчак*, чув. *пурчай* «горошина», монг. *буурцаг*, бур. *буурсаг* и т.д. [100, 15].

Б. Калиев, сопоставляя лексический материал словарей казахского и монгольского языков, обнаружил 32 фонетических и семантических сходных наименований растений. Среди них названия лекарственных растений: «*арна - арвай* «ячмень», *бидай – буудай* (пшеница), *бұршақ – буурцаг* (перец), *қалақай – халгай* (крапива), *қарамық – хармаг* (гречиха), *сарымсақ – саримсаг* (чеснок), *тобылғы – тавилга* (таволга)» [68, с. 59].

По мнению В. Котвич, такие слова, как *арна* (ячмень), *тобылғы* (таволга), *бидай* (пшеница), очевидно, были заимствованы монгольскими языками из тюркских» [85, с. 95]. Данное предположение основывается на том, что фонетический состав этих слов в большей степени соответствует закономерностям тюркских языков. Некоторые из них зафиксированы в «Диване» Махмуда Кашкарского (XI в.): *virışaq, samırsaq, qaramıq*, т.е. имеют общетюркское происхождение. Э. Севортян объясняет это тем, что турки еще до XI века были знакомы с различными земледельческими культурами (зерноводство, виноградарство, садоводство). Что касается слов *қалақай* (крапива), *шыралжын* (вид полыни), то, возможно, по звуковому обозначению и грамматическим оформлениям их следует отнести к монголизмам. Указанные примеры свидетельствуют о наличии тюрко-монгольских элементов в исследуемых названиях. Только фонетические

сопоставления тюркских и монгольских основ в отрыве от морфолого-семантических сопоставлений могут привести к ошибочному мнению.

Мы согласны с мнением Э. Севортяна: «Фоно-морфологическое и семантическое совпадение какой-либо тюркской и монгольской основ далеко не всегда является свидетельством заимствования основы из монгольских в тюркские или же наоборот, хотя взаимные заимствования между названными языками, с древнейших времен, не подлежат сомнению» [187, с. 45].

Следует также добавить, что в народной этимологии отражается семантическая мотивировка этимологически изолированного, непрозрачного слова на основе его сближения с близкими по звучанию словами, что внешне может выражаться в его звуковой или семантической модификации. Например, слово *тижма* древнегерманского происхождения, вошедшее в русский через язык-посредник - польский. Русское название - *дикая рябинка*, *пуговочник*, которое на казахский язык переводится универбом *түймешетен*, мотивирующей основой которого также выступает слово *түйме* (пуговица).

Названия *аир*, *цикорий*, *фасоль*, *ревень*, *сельдерей*, *кермек*, *кунжут*, *сабур*, *калган*, *бадан* также относятся к заимствованиям из польского, немецкого, турецкого, персидского и тюркского языков. К примеру, наименование *ревень* встречается с XV века, от турецкого *ravent*– ревень, восходит к персидскому *ravend* [192, с. 386]. Слово *цикорий* заимствовано в XVIII веке из польского языка. Польское *sykorja*– цикорий из латинского языка [192, с. 518]. «Сельдерей заимствовано в XVIII веке из немецкого *sellerie*, восходящее к латинскому *selinum*» [192, с. 405].

Таким образом, формирование названий лекарственных трав русского и казахского языков происходило как за счет расширения исконного лексического фонда, так и за счет заимствований. В настоящее время заимствованная и исконная лексика в номинациях не всегда четко разграничиваются, так как характер отдельных корневых морфем не осознается носителями этими языков как чужеродный.

2.2 Синонимия и полисемия в ЛСГ названий лекарственных растений русского и казахского языков

Фитонимика русского литературного языка исследовалась в разных аспектах. Большая часть работ была посвящена становлению русской ботанической терминологии (Ю.С. Сорокин, Т.А. Боброва, М. К. Шарашова), словообразованию фитонимов (С.М. Васильченко, В.П. Никишаева, В.И. Слышева), символике растительного мира в народном творчестве, изучению фольклорных поэтических образов и мотивов: «О некоторых символах в славянской народной поэзии (А.А. Потебня, 1860); «Поэтические воззрения славян на природу» (А.Н. Афанасьев, 1865-1869); «Символика растений в великорусских песнях» (Я.А. Автоманов, 1902).

Ряд ученых исследует диалектную фитонимику (В.И. Иванов, В.Г. Арьянова, В.А. Меркулова). Диалектная фитонимика рассматривалась как в описательном плане с привлечением лингвогеографического аспекта, так и в плане системных отношений преимущественно отдельных групп фитонимов: названия ягод (Н.П. Гринкова), трав (И.П. Гришина), грибов (Е.А. Нефедова), травянистых дикорастущих и культурных декоративных растений (В.В. Копчева).

Изучение названий растений было продолжено на языковом и этнографическом уровнях (В.А. Меркулова, В.И. Еремина, В.И. Слышева, В.А. Флоровская, Л.В. Мазуркевич, Н.Н. Забинкова В.О. Никишаева, Т.В. Цой).

Теоретической базой исследования казахских фитонимов (в том числе лекарственных) являются труды русских ученых, отчеты и этнографические очерки путешественников, исследовавших казахские земли: «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи или Дневные записки в степи киргиз-кайсацкой 1803-1804 годов» (Я.П. Говердовский); «О народном врачевании у сартов и киргиз Туркестана доктора Г.А. Колосова» (1899-1890); «Киргизская народность в местах крестьянских поселений» (Ф. Щербина, 1905).

Немного сведений о растительном сырье дала поездка этнографов К. Струве и Г.Н. Потанина в восточный Тарбагатай (1864), результатом которой явился составленный ими словарь «Киргизские (казахские) названия растений» с латинскими и киргизскими (казахскими) названиями

(70 растений и с указанием их использования)»; материалы газет «Туркестанские ведомости» (1870-1917), «Қазақ» (1913), а также труды ученых-ботаников: Н.И. Анненкова, И.М. Крашенникова, Н.В. Павлова, И.В. Ларина, М.Г. Попова.

Названия растений стали объектом исследования ряда кандидатских диссертаций ученых ближнего зарубежья: Р.З. Сафаров «Источники, пути и принципы формирования ботанической терминологии башкирского языка (на материале названий растений)» [128]; А.С. Ефремов «Названия растений марийского языка: травянисто-ягодная флора» [51]; Э.С. Кулиев «Фитонимы в азербайджанском языке» [87]; Л.В. Мазуркевич «Лексика флоры и фауны в сербохорватском языке» [92]; Г.Назарова «Названия лекарственных растений в современном уйгурском языке» [103]; Т.В. Цой «Лексико-семантическая и словообразовательная структура фитонимов в современном русском языке» [154]; И.Э. Подолян «Национальная специфика семантики фитонимов в украинском, английском и немецком языках» [113]; Т.Х. Хайрутдинова «Народные названия в татарском языке» [153]; Д.Б. Мирзаханова «Фитонимическая лексика азербайджанского языка (в сравнении с другими тюркскими языками)» [100] и др.

В казахстанской лингвистике исследуются различные аспекты фитонимической лексики. Так, ономаσιологический и мотивационный аспекты стали предметом исследования Г.И. Уюкбаевой «Народные наименования растений» [150]. Проблеме системных отношений названий растений в казахском языке посвящена работа Б. Калиева «Лексико-семантическая и морфологическая структура названий растений в казахском языке» [68]. Этнолингвистический аспект в устойчивых сочетаниях изучен Ш. Сеитовой («Өсімдікке байланысты тұрақты тіркестерінің этнолингвистикалық сипаты» [129]. Явление мотивированности языкового знака рассмотрено У.Б. Адилбаевой («Қазақ тіліндегі өсімдік атауларының уәжділігі» [2]. Ономаσιологический и когнитивный аспект рассмотрен Г.А. Омарбековой («Неміс және қазақ тілдеріндегі фитонимдерді құрылымдық, ономаσιологиялық зерттеу») [109].

Таким образом, названия растений становятся предметом исследования как отдельно взятого языка, так и в сопоставительном аспекте.

Обращение к исследованию названий лекарственных трав продиктовано, с одной стороны, повышенным интересом современной лингвистики к таким проблемам языковых единиц, в которых рассматриваются взаимоотношения языка и культуры, особенности мировосприятия этноса, с другой, небрежное отношение к родному языку. К примеру, в 2001 году, в г. Астане был выпущен «Государственный реестр лекарственных средств», содержащий список названий лекарственных растений (195) на двух языках, названия сборов (73) – на русском языке [199, с. 389]. Данные лексикографических источников, специальной медицинской литературы свидетельствует о том, что переводы некоторых казахских научных названий лекарственных трав на русский язык в разных источниках не совпадают. Например, название *синюха голубая* переведена словами *көкпек*, *шайтанкелмес* (букв. черт не придет) [206, с. 69]. В словаре Б. Калиева *синюха голубая* переводится термином *жасыл көкшегүл*. Здесь слово *көкпек* дается как «лебеда», а *шайтанкелмес* – «синеголовник» [69, с. 47].

В специальной медицинской литературе, а также в материалах научно-популярной литературы мы отметили некоторые научные названия лекарственных трав казахского языка, имеющие несколько вариантов перевода. Например, в справочнике «Лечебные свойства растений Казахстана» *ромашка аптечная* переводится на казахский язык терминами: *дәрілік ромашка* (букв. лекарственная ромашка), *дәрілік түймедақ* (букв. лекарственный пуговичник), *қазтабан* (букв. гусяная лапка) [219, с. 106]. Мы думаем, что слово *қазтабан* (каз «гусь» + табан «лапка») лишнее, так как оно означает другой растение – «лапчатка».

И. Курамысова в справочнике «Лекарственные растения» термин «алтей лекарственный» переводит на казахский язык словом «құлқайыр» [210, с. 24]. Перевод научного названия звучит «жалбызтікен» (букв. колючка), а «құлқайыр» означает *просвирняк*. Слово *просвирняк* в русском

языке является народным по отношению к термину *алтей лекарственный*.

Приведенные примеры свидетельствуют о существовании проблем в терминообразовании казахского языка, на что указывает и Ж. Манкеева: «Стоит обратить внимание на функционирование государственного языка в процессе формирования терминологической системы в качестве основного механизма, влияющего на национальное самосознание. В связи с этим возникает вопрос рассмотрения природы термина, его формирование и развитие в соответствии с общей языковой системой.....» [211].

О необходимости систематизировать названия растений казахского языка писал и Б. Калиев: «Исследователи указывали только русские и латинские названия растений, а казахское не считали нужным. Если бы ботаники стремились найти, определить казахские названия растений, то все названия, употребляемые каждым человеком, в каждой области, можно было собрать» [69, с. 27].

Рассматривая лингвистическую природу названий лекарственных травянистых растений, следует иметь виду, что они, с одной стороны, являются частью ботанической номенклатуры, а с другой – представляют собой самостоятельный пласт общелитературного языка. Двусторонность аспектов названий трав обусловлена спецификой их стилистического употребления. Вместе с тем, возникает вопрос относительно языкового статуса названий лекарственных травянистых растений.

В названиях лекарственных травянистых растений мы выделили следующие виды варьирования слов: фонетические (*дигель* – *дегель* «дягиль»; *раугаш* – *рауаш* «ревень», *дермене* – *дәрмене* «полынь цитварная»), морфологические (*репей* – *репьяк* – *репейник*; *тырысқақ* – *тырысна* «горец птичий»), грамматические (*остро-пестро*, *остропестро* «расторопша»; *інжу* – *інжугұл* «ландыш»), лексические (*красавка* – *белладонна*; *жолжелкен* – *бақажанырақ* «подорожник»).

В названиях лекарственных травянистых растений имеет место омонимия как в пределах одной ЛСГ, так и в пределах разных ЛСГ. Фонетические омонимы образуются в результате совпадения по звучанию двух различных слов. Лексические омонимы названия лекарственных

травянистых растений возникают в результате использования при номинации растений одного (двух) мотивировочного признака. К числу таких признаков относятся: внешний признак растения, функция. Семантические омонимы названия лекарственных травянистых растений обусловлены процессом семантической деривации (семантический сдвиг, метафора). Например, *синяк* (посиневший кровоподтек), *синяк* – медоносное растение с красносиними цветами; *алқа* (ожерелье) и *алқа* – паслен; *кислица* (лит.) – *кислица* «щавель» (диал.); *итжузім* (лит.) (собачий виноград), *итжузім* – паслен сладко-горький (диал.). Как видно из примеров, омонимы названий лекарственных травянистых растений русского и казахского языков развиваются на основе общенародного языка, при столкновении литературного и диалектного названия.

Среди других особенностей специальной лексики стоит отметить способность образовывать синонимичные ряды из двух и более слов. Например, *ир* – *касатик* – *татарский сабельник* («аир»); *қалақай* – *шақпаһәп* – *шыбынқұғыш* «крапива». Для русских и казахских названий лекарственных травянистых растений типичны синонимические пары и ряды, состоящие из научного (литературного), народного, разговорного и диалектных слов. Наиболее распространенными являются синонимические пары и ряды, один компонент из которых – научное (литературное) название, другое – народное. Например, растение «аир обыкновенный»: *аир обыкновенный* (науч.) – *ирный корень* (нар.); «василек»: *гулкекіре* (науч.) – *қозыюшаған* (нар.) – «василек».

Сопоставляя названия лекарственных травянистых растений в латинском, русском и казахском языках, мы выявили причины появления синонимов в них. Случаи «расхождения» в названиях объясняются тем, что иногда в номенклатуре лекарственных средств закрепляется ботаническое наименование, ставшее официально признанным в современной ботанической номенклатуре, и второй термин, также активно используемый ботаниками. Так, наряду с термином *левея сафлоровидная* (сафлор тәрізді левея, маралтамыр), используют термин *рапонтикум сафлоровидный*

(*аюдарі* – букв. медвежье лекарство, *ақ дәрі* – букв. белое лекарство), который стал синонимом, оба названия являются научными. Другая причина заключается в том, что в русской ботанической номенклатуре одновременно используются как научное, так и народное название. Например, у одного и того же растения *бадан толстолистный* – научное наименование, а *монгольский чай* – народное; *прострел раскрытый* – научное, а *сон-трава* – народное.

Наличие и параллельное использование научного и народного названий у одного и того же растения свидетельствует о том, что часть народных названий продолжает активно входить в научный оборот, а часть может находиться на стадии перехода в пласт терминологической лексики языков.

Как известно, термин выражает систему понятий той или иной науки. Номенклатурные наименования лишь называют объекты данной науки. По мнению Ш. Курманбаева, термин должен соответствовать следующим требованиям: «Отсутствие противоречий в значении, отсутствие синонимов, однозначность, соответствие языковой норме, краткость, способность к воспроизводству, инвариантность, мотивированность...» [88, с. 61-62]. Иными словами, одним из свойств, предъявляемых термину, является однозначность.

Названия лекарственных травянистых растений русского и казахского языков характеризуются разнообразием вариантов, находящиеся в пределах одной системы (в системе литературного языка или в системе диалектов), и в пределах разных систем (в системе литературного языка и диалектах). Как правило, фонетические варианты характеризуются тождественной семантикой и различаются друг от друга только звуковым составом. Морфологические варианты названия лекарственных травянистых растений – однокоренные слова, образованные с помощью различных словообразовательных аффиксов. Лексические варианты названий лекарственных травянистых растений – это различные по внешнему

оформлению, но одинаковые по лексическому значению два или более названия одного и того же растения.

Сравнивая лексику общелитературного языка и терминологию, можно проследить, как они соотносятся по основным типам лексического значения слова. Обратимся к вопросу содержания самого термина «лексическое значение».

Термин «лексическое значение» в работах ученых последних лет (Ю.Д. Апресяна, Л.А. Новикова, А.И. Смирницкого, Л.В. Никитина и др.) получил иное содержание. Так, по мнению Л.А. Новикова, «слово», взятое в его лексическом значении и представляющее собой единство знака и значения, выступает одновременно и как образ, отражение чего-то (объективного мира), и как единицы в чем-то (в лексико-семантической системе). Оба основных аспекта сливаются воедино в общем определении лексического значения» [108, с.73]. А.И. Смирницкий считает, что «лексическое значение - это известное отображение предмета, явления или отношения в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [133, с.74]. Л.В. Никитин под лексическим значением понимает «семантический инвариант грамматического варьирования слова, т.е. то общее, что есть в значении грамматических форм слова, а разнообразные смысловые дополнения к нему рассматриваются как значения грамматически» [107, с. 40-41].

Академик В.В. Виноградов видит в лексическом значении «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря данного языка» [27, с.169.]. Именно он выделяет три типа лексических значений слов в русском языке: «прямое, или номинативное; фразеологически связанное; синтаксически обусловленное» [28, с. 27].

А. Салкынбай, описывая природу лексического значения, ссылается на работу А.И. Смирницкого («Лексикология английского языка») и Л.А. Новикова («Семантика русского языка») и заключает следующее:

«Содержание лексического значения отражает картину мира, а функциональная сторона фиксирует картину мира изнутри» [125, с. 73].

Казахстанский исследователь Ж.С. Бейсенова пишет, что «лексическое значение соотносится с отражательной деятельностью мышления, с предметами внеязыковой деятельности: знак–внутренний, знак–значение–понятие –предмет. За каждым знаком закрепляется определенное значение. Их единство образует лексические единицы, с помощью которого членится в языке отображаемый мир в них. Количество знаков и характер их соотношения при обозначении определенного фрагмента действительности в разных языках обычно не совпадает. В этом случае состав и взаимоотношения наличных знаков в системе языка оказывается существенной предпосылкой, определяющей объем содержания и смысловые границы слов» [12, с. 14].

Лексическое значение и понятие различаются: понятия производны, вторичны по отношению к действительности; значения – понятия, связанные знаком, и являются следствием этой связи. Связываясь со знаком, понятия становятся семантическими единицами-значениями или частями значений (семами). Сема – это элементарный и далее неделимый компонент значения, реализуемый внутри семемы.

Значение любого названия лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках определяется совокупностью семантических признаков (общих и индивидуальных), служащих предметом разграничения внутри ЛСГ. Выявление этих признаков помогает определить семантическую структуру названия лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках. Исследование лексического значения названий лекарственных травянистых растений начинается с выделения в нем основных признаков, позволяющих отличить данные понятия от других, а также второстепенных, присущих значениям конкретной лексемы.

Б. Калиев исследовал лексико-семантическую структуру названий растений, опираясь на компонентный анализ, в основе которого «лежит идея возможности разложения лексического значения семемы на минимальные

семантические элементы, т.е. семы, не поддающиеся дальнейшему членению» [68, с. 126]. Метод компонентного анализа основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков.

В современной лингвистике различают два варианта компонентного анализа: семный анализ (разложение значения на элементарные, далее не членимые компоненты) и анализ по семантическим множителям (разложение значения на непосредственные семантические составляющие: дериванты и дериваты). На основе метода компонентного анализа в названия лекарственных травянистых растений обоих языков были выявлены общие семы и индивидуальные. Общие семы объединяют в определенную группу отдельные лексемы по значению и принадлежат не одному растению, а индивидуальные семы дифференцируют близкие по значению слова в пределах одной группы, отличая данное растение от всех остальных. Понятия «общие и индивидуальные семы» разными учеными трактуются как «интегральные и дифференциальные» (Д.Н. Шмелев), «идентифицирующие и дифференцирующие» (Л.М. Васильев), «архисемы и дифференциальные семы» (В.Г. Гак). Интегральные семы отражают признаки, свойственные целым классам объектов, и объединяют в группы отдельные лексемы по значениям. Дифференциальные семы различают близкие по значению слова в пределах той или иной группы, т.е. выполняют различительную функцию. Дифференциальные семы могут входить в значение конкретной лексики и отсутствовать в значениях других лексем.

В названиях лекарственных травянистых растений обоих языков индивидуальные семы в зависимости от способа определения значений в толковых словарях могут описательными, отражающими внешние особенности растения (форма стебля, листьев, корня, корневища, плодов, расположение цветков).

Основная группа названий лекарственных травянистых растений в обоих языках – полисемные: 1) травянистое растение и его плоды: *кориандр посевной* (егістік кинзе), *анис обыкновенный* (кадімгі анис); 2) травянистое

растение и цветок этого растения: *ландыш майский* (май меруертгүлі), *василек синий* (көк гүлкекіре), *календула лекарственная* (дәрілік кырмызыгүл); 3) травянистое растение и его листья: *вахта трехлистная* (үш жапырақты субеде), *наперстянка пурпуровая* (кызыл оймакгүл); 4) травянистое растение и его семена: *лен обыкновенный* (кәдімгі зығыр), *тыква обыкновенная* (кәдімгі асқабақ); 5) травянистое растение и его клубни: *ятрышник пятнистый* (шұбар сүйсін), *любка двулистная* (кос жапырақты жұпаршөп); 6) травянистое растение и его корень: *одуванчик лекарственный* (дәрілік бақ-бақ), *женьшень настоящий* (адамтамыр); 7) травянистое растение и его корневища с корнями: *кровохлебка лекарственная* (дәрілік қандышөп), *синюха голубая* (жасыл көкшегүл); 8) травянистое растение и его трава: *пастушья сумка* (жұмыршақ), *полынь горькая* (ащы жусан); 9) травянистое растение и пищевой, сельскохозяйственный продукт: *кукуруза* (жүгері), *пшеница* (бидай), *чеснок* (сарымсақ).

Анализ словарных дефиниций фитонимов в лексикографической практике позволил выделить и другие семы, актуальные для определения значений наименований исследуемых единиц:

1) принадлежность к определенному роду, семейству: *напоротник* – «род спорового бесцветкового растения с пышными листьями» [190, с. 37]; *аран* – «көкнәр тұқымдасына жататын бір жылдық өсімдіктер туысы» (букв. дымянка – род однолетних растений семейства маковых) [178, с.6];

2) место произрастания: *подорожник* – «луговая трава с широкими листьями и мелкими цветками в соцветиях в виде колоса, растущая преимущественно около дорог» [188, с. 207]; *уқорғасын* – «таулы жерде өсетін, тамыр сабақты, көпжылдық улы өсімдік» (букв. ядовитый свинец - многолетнее ядовитое растение с корневищем, произрастающее в горных местах) [178, с.33];

3) цветковые признаки коры, листьев, цветов: *остро-пестро* – «растение с белопятнистыми колючими листьями и пурпурными цветками» [190, с. 885]; *қазжуа* – «жіңішке таспа тәрізді жапырағы, сары түсті гүлі бар көпжылдық шөптесін өсімдік» (букв. гусиный лук – многолетнее травянистое

растение с желтыми цветками и тонкими, похожими на шнур, листьями») [178, с. 20].

4) вкусовые качества, запах: *дурман* – «ядовитое травянистое растение семейства пасленовых, с одуряющим запахом» [188, с. 453]; *сасыр* – «биіктігі 2 м-дей сабағы жуан, сары гүлді, сасық иісті құрай» (букв. ферула – «вонючая трава с желтыми цветками и толстым стеблем до двух метров высотой») [178, с. 30];

5) описание плода, ягод: *пастушья сумка* – растение семейства крестоцветных, с маленькими белыми цветками и стручками в форме сумочки [188, с. 63]; *жұмыршақ* – ұсақ ақ гүлдері, үш бұрышты жемістері бар өсімдік (букв. растение с треугольными плодами и мелкими белыми цветками) [178, с. 18];

6) функция: *чемерица* – травянистое ядовитое луговое растение семейства лилейных, с толстым корневищем, крупными остроконечными листьями и метелками цветков, используется в ветеринарии как антипаразитарное средство [190, с. 661]; *шөпшай* – бауыр және өт қабы ауруларына дәрі ретінде пайдаланылатын өсімдік (букв. травянистый чай – растение, применяемое в качестве лекарства при болезнях печени и желчного пузыря) [178, с. 35];

7) сходство растений или его частей с животными: *львиный зев* – травянистое растение семейства норичниковых, с цветками, напоминающими пасть льва [188, с. 206]; *есекқұлақ* (букв. ослиные уши) – растение, листья которого напоминают ухо осла [178, с. 63].

Другие признаки, встречающиеся в семе, являются общими по отношению к названиям и подвергаются системному сравнению (дикое/культурное, однолетнее/многолетнее, ядовитое, огородное, степное, полевое, луговое, горное, болотное, лесное, кормовое, съедобное, сорное, эфемерное, зерновое, бобовое).

Мы перечислили общие признаки, однако, чтобы получить представление о конкретной лексеме, необходимо выделить также и дифференциальные. Например, в лексическом значении названия *ясменник душистый* имеются следующие дифференциальные признаки: 1) растение, 2)

растущее в тенистых лесах, 3) имеет тонкое ползучее корневище, 4) листья темно-зеленого цвета, по краям имеют шероховатости, 5) стебли четырехгранные, высотой 10-60 см, 6) с мелкими белыми цветками, 7) обладает приятным запахом, 8) используется в медицине в качестве мочегонного, потогонного, отхаркивающего средства [188].

В семантической структуре названий лекарственных травянистых растений, кроме общих, дифференциальных и индивидуальных сем, выделяются актуальные и потенциальные семы. Если актуальные семы составляют основу значения названия лекарственных травянистых растений в толковых словарях, то потенциальные семы актуализируются в случае необходимости. Например, *солодка* – применяется в технике [182, с. 746]; *сасық меңдуана* (вонючий дурман) – дәрі-дәрмек ретінде көп қолданылатын өсімдік (букв. часто используется в качестве лекарства) [178, с. 29-30].

В ходе анализа словарных дефиниций названия лекарственных травянистых растений в толковых словарях русского и казахского языков было выявлено, что не всегда наблюдается четкий набор дифференциальных признаков для описания данного класса. Наряду с описанием существенных признаков (принадлежность к определенному семейству, роду, место произрастания, указание цвета), встречаются дефиниции с недостаточной степенью информативности. Например, в русском языке: *золототысячник* – название нескольких видов трав [190, с. 1115]. Но, возможно, прав М. Фасмер, который утверждает, что *золототысячник* - книжное название, восходящее через латинское слово. *centaurium* к греческому *κενταύριον* («трава кентавров»), но с осмыслением по народной этимологии: латинское *centum* означает «сто», а *aurum* - «золото» [191]. В казахском языке: *лақса* – «тікенді шөп» (колючее растение)» [178, с. 27]. Наименование *лақса* не несет в себе достаточной информации о дифференциальных признаках, в отличие от народного эквивалента названия этого растения *тікенді шөп* (букв. колючая трава).

В отдельных словарных статьях упоминается всего лишь один существенный признак растения: или его запах, или его практическое

применение, или его ядовитость, например: *солodka* – растение, корни которого используются в промышленности и медицине [188, с. 191]; *жұпар* – ерекше иісті шөп (букв. трава с особенным запахом) [178, с.18].

Использование компонентного анализа позволяет определить набор семантических признаков, необходимых для выявления значения названия лекарственных травянистых растений. Количество семантических признаков при описании одного и того же растения в разных словарях может не совпадать, так как смысловой объем дефиниций определяется спецификой и назначением словаря, научно-методологическими позициями составителей. Например, в казахско-русском словаре биологических терминов Т. Мусакулова дается следующее определение названия растения *адыраспан* – «тұйетабан тұқымына жататын көп жылдық өсімдіктер туысы. Адыраспан – дәрілік өсімдік. Онымен булау арқылы буын ауруларын, қайнатпа суымен безгек және демікпе ауруларын емдейді. Малдың қотырын жазады» (букв. *адыраспан* – род многолетних растений семейства парнолистных. Лекарственное растение. Отвар травы применяют при малярии и астме, путем выпарки лечат болезни суставов, излечивает чесотку у животных) [181, с.12].

В толковом словаре А. Құралұлы дефиниция этого же растения выглядит следующим образом: *адыраспан* – зат. бот. «халық арасында ауруды емдейтін дәрі шөп, әйел босанғанда отқа тастап түтетеді» [178, с. 5], (букв. *адыраспан* – лекарственное растение, используемое в народной медицине, во время женских родов траву сжигают). Как мы видим, второе описание гораздо короче, в нем отсутствуют такие дифференциальные признаки, как принадлежность семейству/роду, многолетний характер растения, указано одно практическое назначение.

См. далее: *ландыш* – «травянистое растение с душистыми мелкими белыми цветками в форме колокольчиков» [190, с. 319]; *ландыш* – «травянистое растение сем. лилейных с продолговатыми листьями и мелкими белыми душистыми цветками в виде колокольчиков» [182, с.163]. В приведенных примерах определяется денотат; описание производится путем

указания на существенные признаки предмета, причем, во втором случае перечень признаков расширен: указано семейство растения, более детально описан внешний вид – размеры цветков.

Сопоставление содержания семантической структуры слов по данным разных словарей показывает, что в разное время существования языка семантическая структура рассматриваемого типа слов может быть совершенно различной или частично не совпадающей как по количеству номинативных значений, так и по содержанию.

Например, слово *горчица* в словаре описывается так: «1. Травянистое растение с желтыми цветками. 2. Острая приправа к пище, изготавливаемая из семян этого растения» [182, с.121]. А в словаре Д. Ушакова характеризуется так: «Горчица, мн. нет, жен. Острая приправа к пище, изготавливаемая из размолотых семян особого растения. Название самого растения» [190]. Как видим, первое описание шире, чем второе, в нем дана характеристика вида (травянистое) и цвет цветков (желтый). Но и второе описание детальное: горчица – *особое* растение, приправа изготавливается из *размолотых* семян, указывается грамматическая особенность, т.е. отсутствие формы множественного числа.

В казахско-русском толковом словаре арабско-иранских заимствований термин *дәрмене* (вид полыни) означает: «лекарство, снадобье; лечение, сила, возможность» [186, с.24].

В словаре казахского языка под ред. Т. Жанузакова проводится разграничение значений «дәрмене»: *дәрмен* - күш, шама (сила, мощь); *дәрмене* – «многолетнее лекарственное растение, относящееся к роду полыни и достигающее 25–40 см высотой» [177, с.148].

В определении статуса русских и казахских названия лекарственных травянистых растений как однозначных, так и многозначных, в словарях отмечены разногласия. Например:

в русском языке: *волчец* – 1. «название различных сорных, большей частью колючих растений (осота, чертополоха) и др.» [188, с. 207] и 1. «род колючих сорных трав; 2. злокачественный лишай на голове и шее у собак» [190, с. 353];

в казахском языке: *бидайық* – 1. «көп жылдық астық тұқымды жабайы өсімдік» (многолетнее кормовое растение) [178, с.10]; и 1. «астық тұқымдас көп жылдық жабайы өсімдік; 2. қаршыға тұқымдас, ең қыран құс» (кормовое многолетнее степное растение, самая ловкая птица рода ястребиных) [177, с. 100].

В ряде случаев, даже при совпадении количества значений, не выдерживается последовательность расположения значений многозначного слова, например: *зверобой* – 1. «травянистое растение или полукустарник, применяемое как лечебное средство», 2. «водка, настоенная на этом растении» [188, с. 601].

В другом словаре: *зверобой* – 1. «охотник на морских зверей; 2. «род луговых и лесных трав или полукустарников, обычно с желтыми листьями» [182, с. 226].

Как видим, в САН-4 под первым значением дается описание растения, вторым значением выступает название водки. В словаре С.И. Ожегова первое значение – название охотника, второе – описание растения.

В словаре Т. Жанузакова слово *бадан* означает «*бадан* – 1. «тасжарған тұқымдасына жататын көпжылдық өсімдік» (бадан – многолетнее растение семейства камнеломковых) [177, с. 51].

В словаре Т. Мусакулова: «*бадан* – 1. «шағыр тасжарғандар тұқымдасына жататын өсімдіктердің бір туысы. Мұның 10 түрі бар. Тамырсыз жерсабағы – күзде, жапырағы – жазда жыйналып көлеңкелі жерде кептіріледі» [181, с.54]. (букв. бадан – род растений семейства камнеломковых. Имеется около 10 видов. Корневища без корней сушат осенью, а листья - летом, в тени).

Ряд словарей не дает четкого и строгого разграничения признаков, лежащих в основе классификации фитонимов. Так, в словаре А. Куралова читаем: *алабота* – «алабота тұқымдасына жататын бір жылдық немесе көпжылдық шөптесін не шала бұта өсімдіктер туысы» (однолетнее растение семейства маревых или род многолетних травянистых и полукустарниковых растений) [178, с.6]; в САН-4: *очиток* – «травянистое или кустарниковое растение семейства толстянковых, с толстыми мясистыми стеблями и

листьями, разводимое обычно как декоративное» [188, с. 734].

Мы уже говорили о том, что лексико-семантическая группа названий лекарственных трав характеризуется функционально-стилистическим разнообразием, отражающим взаимосвязь литературного языка, специальной лексики и диалектной речи.

Соответственно, при ее описании в толковых словарях даются пометы, определяющие сферу и область применения. Например, в русском языке: *дурман* (бот.) – ядовитое травянистое высокое растение с крупными листьями и большими белыми пахучими цветами [182, с.183]; *щавель* (разг.) – многолетнее травянистое растение сем. гречишных с продолговатыми кислого вкуса листьями, которые употребляются в пищу» [182, с. 943]; *кипрей* (обл.) – высокая трава с крупными соцветиями, употребляемая как суррогат чая» [190, с. 1357]; *плакун-трава* (нар.- поэт.) – в заговорах и сказках – растение с магическими свойствами [190, с. 278]; в казахском языке: *қарандыз* (бот.) – ірі жапырақты, гүлдері сары түсті, биіктігі 2,5 м-ге жететін көпжылдық өсімдік (букв. многолетнее растение с крупными листьями, желтыми цветками, высотой до 2,5 м) [178, с. 23]; *аю оты* (жерг./ местное) – бәрпі (букв. медвежья желчь) *ебей* (көне/ древнее) – ебелек (букв. свет/зайчики от солнечных лучей [178, с. 14]; *ебене* (фольк.) – ебей (букв. рога) [178, с. 14]; *шогай* (сөйл./ разговорное) – шоңайна (букв. репей) [178, с. 35].

Открытость семантической структуры порождает производные с идиоматичным лексическим значением. Косвенным свидетельством открытости семантики названия лекарственных травянистых растений является полное или частичное несовпадение семантической структуры русских и соответствующих им казахских слов. Например, в русском языке: *подорожник* – 1. «многолетняя сорная трава с широкими листьями и мелкими цветками в виде колоса, растущая около дорог. 2. разг. Пирожок, закуска, взятая в дорогу» [190, с. 420]; в казахском языке: *жолжелкен* (подорожник) – «көбіне жол жиегінде, арық бойларында өсетін гүлі ажарсыз, жапырақты өсімдік» (букв. растение с широкими листьями и невзрачными

цветками, обычно растущее вдоль дороги, у ручьев) [178, с.17].

Как видим, в русском названии растения одна из дифференциальных сем «место произрастания» стала основой для метафорического порождения лексико-семантического варианта «пирожок, закуска, взятая в дорогу», который отсутствует в семантической структуре казахской номинации растения.

Однако не каждое существительное с идиоматичной семантикой имеет несколько номинативных значений. Д.Н. Шмелев считает, что это обусловлено различными причинами: «В некоторых случаях действует фактор распространенности слова, длительное время имеющего одно номинативное значение. Так, слово *черника* вряд ли будет использовано в русском языке для наименования другого предмета черного цвета, поскольку это слово давно является носителем одного значения» [162а, с.113].

Как показывает материал, в названиях лекарственных травянистых растений русского и казахского языков присутствует экспрессивно-окрашенная лексика. Например, в русском языке: *дурнишник*, *букашник*, *липучка*, *лопух*; в казахском языке: *итжидек* (букв. собачья ягода), *итжүзім* (букв. собачий виноград), *есекқұлақ* (букв. ослиное ухо), *сүмелек* (букв. паршивец), *сыыр сілекейі* (букв. слюна коровы) и др.

В.Н. Телия определяет коннотацию как «семантическую сущность, узואльно или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [140б, с. 214].

Из приведенной дефиниции следует, что коннотации неоднородны по своей природе и по содержанию, составляют наряду с денотативными и грамматическим значениями микрокомпонентную структуру языкового знака. Коннотация придает названиям лекарственных травянистых растений эмоциональность, экспрессивность, она связана также с категорией оценок *полезно/вредно*, *приятно/неприятно*, *красиво/некрасиво*. В коннотации закреплены итоги познавательной деятельности человека в его

взаимоотношениях с природой, с людьми, реализована ассоциативность человеческого мышления, образное восприятие окружающего его мира.

Г.В. Токарев выделяет два аспекта коннотаций: концептуальный и языковой: «Со-значения, обладающие концептуальным характером, объективируют фоновые знания (знания о мире наивного характера), тем самым выполняют прежде всего репрезентирующую функцию. С точки зрения содержания они могут быть дескриптивными, интенсивными, оценочными, эмотивными. Коннотации, имеющие языковую природу, являются результатом соотнесения внутренней формы с культурными установками, выражающими определенную актуализированную аксиологию, стереотипами и указывают на проverbальную интерпретацию смыслов» [143, с.58-59].

Таким образом, учитывая требования, предъявляемые к термину (однозначность, точность, отсутствие синонимов, омонимов, вариантности, экспрессивности, эмоциональности, образности), отмечаем, что между названиями растений и терминами, а также между названиями и словами общенародного языка нет четкой границы. Они находятся в постоянном взаимодействии. Так, любое наименование, находящееся в составе общей лексики, в определенных условиях может стать термином, например, в русском языке: *хмель*, *хрен*, в казахском: *жусан*, *пияз* и т.д. В этих случаях наименования приобретают, помимо номинативной, дефинитивную функцию и характеризуются научностью.

В других случаях названия лекарственных трав - термины, проникая в состав общенародного слова, теряют научность, узкоспециальный характер, и становятся обычными словами. Для описания наименований лекарственных растений как разновидностей языкового знака существенными являются наличие коннотаций, которые представляют собой устойчивые семантические признаки и являются результатом использования данной реалии и ее обозначения определенной лингвокультурной общностью, связаны с понятием языковой картины мира [143, с.57].

Лексическое значение исследуемых названий в русском и казахском

языках состоит из набора общих, индивидуальных и дополнительных сем, придающих национальную специфичность знаку, а также включает актуальные и потенциальные признаки лекарственных растений.

2.3 Мотивировочные признаки лекарственных растений как отправная база для новых номинаций в русском и казахском языках

Главным условием той или иной классификации является знание самых общих признаков классифицируемых наименований, то есть мотивировочного признака, который является одним «из объективных признаков самой реалии, выделяемый как «представитель» всей совокупности ее признаков, способный наиболее ярко охарактеризовать данный предмет в ряду ему однородных» [38, с. 96.]. Однако в процессе номинации помимо мотивировочных признаков также выделяются такие наиболее общие категории, как способ номинации и принцип номинации, при участии их и средств номинации создается единица номинации.

Понятие «принцип номинации» концентрирует в себе общие мотивировочные признаки, по которым происходит наименование. Под данным понятием выступает «исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых наименований» [15, с.98].

Надо отметить, что в науке существуют и другие названия для обозначения данного понятия - тип мотивировочных признаков, способ номинации, мотив, разряд номинации. В части исследований за основу берется дефиниция, согласно которой мотивема - обозначение класса гомогенных мотивов. Мотив нами рассматривается как конкретное воплощение мотивемы. Выбор мотива детерминируется тремя факторами:

а) признаками денотата; б) намерениями номинатора; в) словообразовательными моделями - структурно-семантическим типом языка, его системой [37, с.10].

Мы используем в исследовании понятие «мотивировочный признак», подразумевая под ним признак самой реалии, характеризующий данный предмет в ряду ему однородных более ярко и емко, чем другие общие признаки.

Лексика названий лекарственных растений номинативна по своей природе и неразрывно связана с действительностью. Типичная семантическая модель для названий отдельно взятого растения или целой группы, типичные связи значения являются отражением реальных свойств растений: их внешней формы и строения, цвета, вкуса, запаха, их употребления в пищу и т.д. [118].

Например, исследуемые нами названия могут характеризоваться особенностями номинации: по внешней форме и строению, см. в русском языке: *Иван-чай узколистый, колокольчик круглолистный, лопух большой*; в казахском языке: *жіңішке жапырақты иваншай* (букв. узколистый иван-чай), *дөңгелек жапырақты алмұртшөп* (букв. круглолистная грушовка); по цвету, см. в русском языке: *василек синий, дрема белая, касатик желтый*; в казахском языке: *қызыл кендір* (букв. красный кендырь), *қызыл оймақгүл* (букв. красная наперстянка); по вкусу, см. в русском языке: *полынь горькая, сладкий корень*; в казахском языке: *ащы жусан* (букв. горькая полынь), *тәтті тамыр* (букв. сладкий корень); по запаху, см. в русском языке: *рута пахучая, ясменник душистый, ферула вонючая*; в казахском языке: *хош иісті рута* (букв. пахучая рута), *сасық шөп* (букв. вонючая трава) и др.

Как показывает наш анализ, среди частотных типов функциональной значимости наименований лекарственных трав главным выступает прагматический. Это связано с тем фактом, что «внутренняя форма слов имеет большей частью практический смысл: предметы называются людьми на основе тех их признаков, сторон, функций, которые являются существенными с точки зрения практики» [72, с.41].

Практическое и эффективное (например, для исцеления, использования в быту) применение растения определяет номинацию исследуемых реалий,

значит, важно, чтобы название легко запоминалось; оно должно обращать внимание на видимые существенные свойства денотата, это может быть внешнее строение растения, его цвет; учитывать цветное оформление, вкусовые и обонятельные характеристики и целебные свойства лечебных трав; содействовать быстрому нахождению среди разных других реалий, с этим связано сравнение частей растения с частями тела или органами животных, птиц. К примеру, последние в ряду названных субъективных признаков, лежащих в основе названий исследуемых растений, - это следствие отражения подмеченного их сходства с домашними животными: конь, осел, верблюд, собака, дикими животными: *волк, медведь, заяц*; птицами: *кукушка, гусь, курица*; иногда насекомыми, например, *вошь, блоха, клоп*; червеподобными: *черви, глисты* и т.д.

Для субъективных номинаций характерны также параллели между объектами растительного мира и предметами, известными человеку из его повседневной жизни. Растениям приписывается сходство в русском языке: с колоколом (*колокольчик*), чаркой (*божья чарка*), крестом (*крестовник болотный*), наперстком (*наперстянка*), сумкой (*сумочник*), мочалкой (*мочальная трава*), кошелом (*кошелишка*) и др.; в казахском: покровом/крышей: *балшатыр* (букв. медовая крыша), наперстком: *оймақгүл* (букв. наперсток), пуговицей: *кадімгі түймешетен* (букв. обыкновенный пуговичник) и др.

Есть случаи, когда с целью создания отрицательного отношения к внешне непривлекательным, непригодным для еды, опасным для здоровья человека лекарственным растениям, используются названия животных, несущих в определенном отношении угрозу, вызывающих некоторое отвращение: *мышь, волк, медведь, собака*, например: в русском языке: *мышатник, волчец, медвежья дудка, собачья крапива* и др., в казахском: *итжүзім* (букв. собачий виноград), *итмұрын* (букв. собачий нос), *дәрілік аюбалдырган* (букв. лекарственный медвежонок).

В названиях лекарственных растений мы встречаем единичные обозначения лиц с высоким социальным статусом, что может свидетельствовать о целебных свойствах растения или об их довольно привлекательном виде, к примеру: в русском языке: *царь-зелье*, *поповник*; в казахском языке подобные факты не отмечены.

Зачастую в названии одного растения аккумулируются не один, а два и даже более признаков, например, в русском языке: *дрема белая* (*дрема* – целебные свойства, *белая* – цвет цветков растения), *зимолюбка зонтичная* (*зимолюбка* – свойство сохранять свойства зимой, *зонтичная* – форма цветков растения) и др.; в казахском языке: *түсіңкі жыланбас* (букв. змееголовник с поникшим стеблем); *дәрілік сабыншөп* (букв. лекарственная мыльнянка – *дәрілік* (букв. лекарственный) означает целебные свойства растения, *сабыншөп* (букв. мыльная трава) – свойство мылиться и др.

При исследовании мотивации с точки зрения отражения языковой картины мира, закреплённой в языке, выявляются не только общие принципы отображения в языке предметов, образов, представлений, но и закономерности того или иного языка, обусловленные как самой структурой, так и национально-культурным сознанием его носителей. Именно поэтому одна и та же реальность может быть представлена в одном языке несколькими лексемами, всякий раз актуализируя разные мотивировочные признаки натурфакта. Семантическое варьирование названий менее характерно для научного стиля, чем для народного. Так, одно растение может иметь параллельно два и более вариантов народного названия.

К примеру, в русском языке отмечены следующие наименования подорожника: *лечебник* (по функции), *дорожник* (по месту произрастания), *лопушник* (по форме листьев); растение *горец птичий* имеет два названия: *гусиная трава*, *гусятница*. Анализируемое название *горец птичий* имеет два названия и в казахском языке: *құс самалдық* (букв. птичий горец), *құсқұмық* (букв. птичья кислица). Также известное название *подорожник* в казахском языке переводится словами *жолжелкен* (букв. растущий при дороге),

сужапырақ (букв. влажный лист), *мыңтамыр* (букв. тысяча корней), *қозықұлақ* (букв. овечьи уши), *иманжапырақ* (букв. цветок веры) и др. За основу каждого названия взят какой-либо признак, считает Б. Калиев: «по месту произрастания – *жолжелкен*; наличие особых свойств, количество корней – *мыңтамыр*; сходство по форме с чем-то – *қозықұлақ*; в зависимости от лечебных свойств – *иманжапырақ*» [69, с.49].

Если говорить о номинации относительно двух исследуемых языков в сопоставительном аспекте, то, как показывает наше исследование, за основу номинации одной и той же реалии могут быть положены разные признаки в разных языках. Можно предположить, что это связано с тем, что на выбор мотивировочных признаков для формирования смысла внутренней формы влияет жизненный опыт человека, его практическая деятельность, национально-культурные традиции.

Источники возникновения названий разнообразны, обусловлены многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Одним из таких источников, по мнению А.С. Ефремова, «является наличие многообразия признаков и свойств, присущих каждому растению. И любой из этих признаков может быть в основе номинации. При этом одна группа людей замечает одну особенность, другая — другую. В итоге существует ряд фитонимов, характеризующих одно и то же растение по разным признакам» [51, с.16]. Так, в исследуемых языках в основу названия цветка *одуванчик* положены разные признаки в русском и казахском языках. В русском языке определяющим при номинации растения *одуванчик* становится действие: *дуть* - *одувать* от диал. *одуван*, так как цветки и семена этого растения, расположенные на пушистых волосиках, легко разносятся ветром. В другом русском народном названии *подойничек* (тот же *одуванчик*) актуализировано метафорическое сходство цветка вместе со стебельком с воронкой для процеживания молока. Известно и другое название этого растения – *плешивец*, выбранное из-за сходства голого, ямчатого цветоложа, которое остается после сдутия, с плешью. А в казахском языке значимым является качество растения: *үлпілдек* (букв. мягкий,

пушистый).

Однако не всегда можно выделить одну настолько яркую черту, чтобы полностью определить свойство растения. С одной стороны, в нашем материале есть номинации трав, имеющих длинные перечни народных названий. Например, в русском языке есть наименование *чистотел большой*. Если для кого-то важно, что растение выделяет желтый сок, его называют *молочай желтый*. Но *чистотел* является лекарственной травой, применяемой при многих заболеваниях, поэтому целители дали ему такие названия, как *русский женьшень*. Также он применяется для излечения от бородавок, поэтому его еще называют *бородавочником*. Это же растение в казахском языке называют *сүйелішөп* (букв. трава от бородавок), как видим, за основу взяты лечебные свойства растения. Существует и второе его название - *усарғалдақ* (букв. желтое ядовитое растение), связанное с такими качествами растения, как его ядовитость, опять же применяемая в медицине, и желтый цвет.

С другой стороны, в нашем перечне можно найти травы, народные названия которых мотивированы только одной чертой растения. В качестве такого примера можно привести название растения *перекати-поле*, которое как в русском, так и в казахском языке (*қаңбақ*, букв. бродяжничающий) свидетельствует только о том, что оно *переносится ветром по полю*.

Среди русских и казахских номинаций лекарственных трав отмечаются и такие наименования лекарственных растений, в которых мотивация утрачена *полностью* или *частично*. Так, в современном русском языке название *гречиха* утратило мотивацию. В этимологическом словаре *гречиха* определяется как восточнославянское по происхождению, образованное с помощью суффикса *-их-*, присоединяемого к основе *грек-* (к/ч перед *-и*). Первоначальное значение было «греческий злак». Названию *гречиха* в казахском языке соответствует *қарамық* (кара - *черный* + аффикс *-мық*), которое частично сохранило свою мотивацию: в казахском языке мотивом номинации выступает черный цвет зернышка [178, с. 45].

Выяснение мотивационного значения в некоторых случаях требует

проведения глубокого лингвистического анализа. К примеру, рассмотрим название одного и того же растения *дурман/ дуана* в русском и казахском языках. В русском языке понятия *белена*, *дурман* имеют различное происхождение: «*белена* - общеслав. *belnъ, bylnъ*, образовано посредством суффикса -n- от основы *bhel* – белый» [192, с. 41]; «*дурман* – название растения, применяемое в качестве лекарства, является заимствованием из тюркских языков (башк. *турман* - лекарство для лошадей, турец. *derman* – лекарство, название которого восходит к иран. *darman*). Понятия получили широкое значение *нечто одуряющее* и стали связываться со значениями *дурной, одурять*» [192, с.135]. Мотивом образования значения лексемы *белена* первоначально был белый цвет растения, а в термине *дурман* происходит расширение значения до значения *нечто одуряющее*.

Казахский термин *қара меңдуана* (букв. черная белена) происходит от *мең/мың* (букв. тысяча) + *дуана* (перс. *диу* - злой дух, и суффикс прилагательного или причастия -*ане* -), в итоге получаем *тысяча злых духов* – образное сравнение состояния человека, возникшего в результате воздействия ядовитого растения на организм, с тысячей злых духов.

В персидско-казахском словаре Н. Ондасынова для обозначения наименования *дурман* зафиксировано аналогичное название *бәнги-диуане*: «Үлкен жапырақты иісі қатты үлкен ақ гүлді шөп (сасық меңдуана). Улы шөп» (букв. сильно пахнущая трава с крупными листьями (вонючий дурман); ядовитая трава) [183, с. 50].

Здесь необходимо разграничить понятия *бәнги-диуане* (дурман) и *меңдуана* (белена). Слово *бәнги* в тюркских языках означало *наркоман*, а в персидском - *конопля*. Белена оказывает то же действие, что и дурман, отсюда происходит выражение «*Меңдуана жегендей - басы айналып, әңкі-тәңкі болған*», соответствующее в русском языке идиоме «*белены объелся*». Г. Назарова высказывает следующее предположение: «Нельзя не обратить внимание на то, что в иранских языках название наркотика из конопли или белены явно ассоциируется с целым рядом звукоизобразительных слов персидского языка: *ошалелый, одуревший*; афг. *rang, bang* - опьяненный;

tung, tang - немой, лишившийся дара речи [103, с.16].

Помимо частичной или полной утраты мотивации, а также случаев наличия лексем, происхождение которых требует глубокого лингвистического анализа, имеет место и случайная (возможно, на первый взгляд) номинация. Исследователи обращают внимание на субъективное, физиологическое и психическое преломление свойств реального мира, определяющее случайный характер номинации предмета: «Несомненно случайно, например, то, что рыба *гольян* (*phoxinus*) имеет диалектное название *скоморох*, растение *репейник* (*arotium*) – *дед*» [37, с.10].

Также нами выделены в составе мотивированных полей немотивированные названия лекарственных травянистых растений в русском языке: *лабазник*, *дербенник*, *ятрышник* и др., в казахском языке: *баймана*, *бойдана*, *лақса* и др.

Действительно, имеют место номинации, в которых внутренняя форма названий носит условный характер. «Почему данный предмет назван так, а не иначе, для номенклатурных обозначений более или менее безразлично...» [29, с. 8]. Некоторые считают, что «признак тем лучше выполняет свою функцию детерминатора, чем он формальнее» [167, с. 24].

Согласимся с мнением, что «функцией эпитета является лишь денотация; признак растения, который он отражает, совсем не всегда носит объективный, существенный характер» [59, с. 96].

Для исчерпывающей характеристики лекарственного травянистого растения часто приходится обращаться к описаниям-диагнозам, которые конкретизируют особенности растения, отличающие его от других.

Конечно, вопрос о том, основана ли мотивация на случайных или необходимых признаках – сложный теоретический вопрос. Всегда можно привести примеры наименований, в основе которых лежит случайный признак, так же, как и примеры наименований, в основе которых лежит и необходимый признак. Несомненно, что научные термины имеют в своём основании необходимые обязательные признаки предмета, однако в наименованиях растений порой трудно определить, имеем ли мы дело со случайным или необходимым признаком. Наше обыденное мышление

определяется культурными архетипами, которые ещё не изучены с точки зрения их влияния на сферу номинации. Поэтому вопрос о том, каким мотивационным признаком обусловлено обыденное наименование растений остаётся в достаточной степени открытым. Если сравнивать обыденное наименование с научным, то мы увидим, что обыденное наименование порой вызвано случайными признаками. Сам вопрос о природе мотивировочного знака принципиально важен в теории мотивационного образования [120].

Нельзя не отметить и такое наблюдение за мотивацией названий лекарственных трав в сопоставляемых языках: семантика отдельных сложных названий основывается на прямых и переносных значениях элементов словосочетаний. Например, часть названий связана с прямым значением лексемы, см. в русском языке: *чистотел* (чистить; трава, применяемая для очистки кожи), в казахском: *көкшешек* (букв. синий бутон), *дәрілік қаратамыр* (букв. лекарственный черный корень) и др.; а часть названий – с переносным значением, см. в русском языке: *шлемник* (похожий на шлем), *вороновы глазки* (сходство с черными глазами вороны), *ноготки* (сходство с ногтями) и др.; в казахском языке: *түймедақ* (букв. похожая на пуговицу), *көбелекгүл* (букв. цветок, похожий на бабочку), *түйежапырақ* (букв. лист верблюжий – о больших размерах листьев) и др.

Отдельно может рассматриваться при анализе вопрос однозначности/многозначности наименований лекарственных трав. К примеру, в русском языке то же слово *подорожник* имеет два значения: 1) многолетняя дикорастущая трава; 2) небольшая птичка семейства воробьиных. Аналогично и в казахском языке: слово *қанбақ* (букв. бродяжничающий, перекасти-поле) означает: 1) степное растение в виде шаровидного куста, при созревании семян отрывающееся от корня и переносимое ветром на большие расстояния; 2) человек, не имеющий постоянного места жительства. Имеется и обратный процесс в образовании названий лекарственных трав, так, некоторые из них образуются на основе метафорического переноса значений общеупотребительного слова. Например, в русском языке: *пастушья сумка*, *мать-и-мачеха*, *ноготки*; в казахском языке: *қоңыраугүл* (букв. колокольчик-

цветок), *кәріқыз* (букв. старая дева), *алтынтамыр* (букв. золотой корень).

Добавим, что став терминами, такие слова теряют свою метафоричность.

Таким образом, сравнение мотивационных значений лекарственных растений в русском и казахском языках служит основанием для выявления характера мотивировочных признаков, общих свойств, по которым происходит наименование в национальном языке.

Национальные терминологии, составляющие ядро языка науки, дают возможность судить об особенностях национальной образности, что является одним из проявлений национального менталитета. В наибольшей степени национальная специфика проявляется при анализе терминов с прозрачной внутренней формой и терминов, образованных в результате метафорических переносов. Термины с прозрачной мотивацией и термины-метафоры отражают образность мышления нации, которая является частью национального менталитета. По словам Т. Добжинской, «метафора является механизмом, создающим новые понятия, способом образования эфемерид смысла. Метафоры, подвергнутые лексикализации, обладающие потенциалом откровения, становятся средством языковой концептуализации, закрепленным в данной культуре, и участвуют в создании «наивной» или языковой картины мира» [47, с. 529–530].

В обоих языках 1) среди частотных типов функциональной значимости наименований лекарственных трав главным выступает прагматический; 2) в названии одного растения может аккумулироваться не один, а два и более признаков; 3) семантическое варьирование названий менее характерно для научного стиля, чем для народного: одна и та же реалья может быть представлена в одном языке несколькими лексемами, всякий раз актуализируя разные мотивировочные признаки натурфакта; 4) отмечаются и такие наименования, в которых полностью или частично утрачена мотивация; 5) может иметь место и субъективное преломление свойств реального мира, определяющее случайный характер номинаций; 6) за основу номинации одной и той же реалии могут быть положены разные признаки в разных языках; 7) семантика отдельных сложных названий может

основываться на прямых и переносных значениях элементов словосочетаний.

2.4 Способы образования названий лекарственных растений

Группы названий лекарственных растений с формантами, в основе выделения которых лежат словообразовательные аффиксы, не являются собственно объектом сопоставления в нашем исследовании, поскольку они строятся на формальной основе, зависящей от словообразовательного потенциала каждого отдельно взятого языка. Русский и казахский языки как языки разного морфологического типа априори обладают различными формальными словообразовательными возможностями, определяемыми набором словообразовательных формантов, которые сложно сопоставлять. Гораздо важнее для решения задач нашей диссертационной работы анализ групп названий лекарственных растений русского и казахского языков, поскольку они построены на содержательной основе, а точнее, на конкретных мотивировочных признаках, используемых носителями языка для номинации той или иной реалии. Но полноценный анализ содержательного аспекта номинации названий лекарственных растений трудно осуществить без вычленения групп названий лекарственных растений, в которых выявляются наиболее типичные для того или иного языка способы и модели словообразования, которые и сравниваются в обоих языках.

Проведенное нами описание групп названий лекарственных растений русского и казахского языков демонстрирует словообразовательные возможности этих языков, а также разнообразие используемых в языках словообразовательных средств. И как мы далее увидим, словообразовательные возможности русского и казахского языков в производстве названий лекарственных растений являются приблизительно одинаковыми. Более важным предметом сопоставления, на наш взгляд, представляется семантическая сторона обоих языков, то есть мотивировочные признаки названий лекарственных растений.

В общем виде исследование наименований лекарственных растений в русском и казахском языках с позиции словообразовательной производности позволяет учитывать как формальную (формант, способ образования), так и их содержательную сторону (мотивационное значение, мотивировочный признак). Анализ мотивационных отношений в наименованиях приводит к выделению форманта как части мотивированного названия, равного по форме аффиксиду, слову.

Собственно механизм мотивации по своей природе является оппозитивным, т.е. он актуализирует отношения к членам бинарной оппозиции. Член словообразовательной оппозиции, обуславливающий формальную структуру и значение другого слова, - это мотивирующее слово, а слово, которое зависит от первого – это мотивированное слово. Значение мотивированного слова непосредственно предопределено значением мотивирующего, членится на мотивирующую и «всю оставшуюся» часть. Поэтому каждое мотивированное слово может быть истолковано при помощи другого члена словообразовательной оппозиции [120].

В группу названий лекарственных растений с тем или иным мотивировочным признаком мы относим совокупность наименований, имеющих одну лексему-мотиватор и все образованные от нее термины и их соответствия в языке [63]. Так, признаки «цвет», «место произрастания», «лечебное воздействие» представлены в русском языке сложными названиями, соответственно: *чернокорень*, *сушеница песчаная*, *чистотел* и др.; в казахском языке - сложными названиями, соответственно: *алатікен* (букв. пестрая колючка), *кадімгі таушымылдық* (букв. обыкновенный горный занавес), *сүйелішөп* (букв. трава от бородавок) и др. [183, с. 226].

В группу названий лекарственных растений с формантами входит совокупность названий с одинаковой формантной частью и их соответствиями в языке с точки зрения мотивированности – структурно-мотивированные наименования. Например, одна группа наименований

лекарственных трав представлена в русском языке формантом-аффиксом *-ник*: *игольник, калачник, баранник, ароматник*; а в казахском языке – формантом-аффиксоидом *шөп* или *гүл* (в значении «растение», «трава»): *қандалашөп* (букв. трава от клопов), *құртшөп* (букв. трава от червей), *алмұртшөп* (букв. трава, похожая на грушу) и др.

По способу образования названия лекарственных растений в сопоставляемых языках мы разделили на три большие группы, которые, в свою очередь, подразделяются на подгруппы: в первую вошли названия, образованные морфологическим – а) аффиксальным, или синтетическим, включающим префиксальный (приставочный), постфиксальный (суффиксальный), префиксально-суффиксальный способы; б) аффиксоидный; в) способом сложения; г) способом сложения и суффиксации одновременно; во вторую группу включены названия, образованные синтаксическим способом – из словосочетаний; в третью – семантическим, образованные на основе переноса значения, т.е. семантической деривации. Схематично это можно выразить так:

Таблица 3 - Способы образования номинаций лекарственных трав в русском и казахском языках

1						2	3
Морфологический						Синтаксический	Семантический
Аффиксальный			Аффиксоидный	Словосложение	Смешанный способ: словосложение + суфф.	Словосочетания	Перенос значений
Преф.	Суфф.	Преф. -суфф.					

Формирование наименований лекарственных растений осуществляется в основном теми же способами номинации, которые обслуживают язык в целом, то есть, при номинации функционируют и морфологическое, и синтаксическое, и семантическое словообразование.

Но сопоставительный анализ, проведенный нами предполагает учет того факта, что мы рассматриваем разноструктурные языки. А понятие «словообразовательная категория» продуктивно более всего для сравнения

словообразовательных систем близкородственных языков, т.к. в них словообразовательные категории сходны. Здесь описание словообразовательной системы названий лекарственных травянистых растений обоих языков основывается на их типологических характеристиках, среди которых следует признать агглютинативность казахского языка и фузионность как типологическое свойство русского языка.

Для слов в фузионных языках характерно явление семантической и формальной слитности аффиксов; преобладание основной морфемы в определении денотативного и лексико-грамматических значений слова и подчинительная роль окончаний, выражающих синтаксическое значение.

Для слов в агглютинативном языке характерны семантическая самостоятельность и формальная определенность аффиксов; относительная свобода структуры слова при наполненности грамматическими и синтаксическими значениями. В агглютинативном слове границы морфем четко определены, каждое значение выражается одним аффиксом. Определенность значения и формы морфем обуславливают семантическую самостоятельность.

2.4.1 Морфологический способ образования названий лекарственных трав

К морфологическим способам образования номинаций лекарственных растений мы относим аффиксальные и аффиксоидный способы, а также способ словосложения.

Аффиксоидный способ мы включаем в морфологический способ образования названий растений, так как аффиксоиды выполняют функцию аффиксов, образуя новые слова, хотя при этом не теряют связи с однокоренными словами (например, *пушкинист* и *пушкиновед*; *пушкиновед* и *ведать*). Это особые морфемы, занимающие промежуточное положение между корнями и аффиксами, поэтому-то их называют *аффиксоидами* (аффикс + греч. -oid – подобный). Аффиксоиды делятся

на *суффиксоиды* (подобные суффиксам), например: в русском языке *-ход*: *вездеход, пароход, снегоход, -вед*: *гоголевед, куприновед*, и *префиксоиды* (подобные префиксам): в русском языке: *пол-/полу-* (*полгорода, полутона*). А в казахском языке к аффиксоидам мы относим форманты *-шөп* (трава), *-гүл* (цветок), *-шешек* (цветок). Указанные слова, образуя новые слова, выполняют функцию аффиксов в слове, но при этом не теряют связи с однокоренными словами.

Как известно, аффиксация – это морфологический способ образования новых слов путем присоединения аффиксов - префиксов и суффиксов к корням или основам. Аффикс относится к средствам, отличающим производное слово от производящего.

Префиксальный способ. Исследование показывает, что по сравнению с суффиксацией, префиксация при образовании названий лекарственных трав используется намного реже (1,5 %). При префиксации к корням и основам присоединяются префиксы – приставки *про-, пере-, при-*, например: *прострел, перекус, приворот*.

Суффиксальный способ. Как показывают наши наблюдения и анализ, для образования названий лекарственных растений в русском языке наиболее часто используются суффиксы. В нашем материале использовано 29 видов суффиксов, из них наиболее активно использованы 8 видов: *-ник, -к-, -ик, -ец, -иц, -ниц-, -анк/янк*, примеры составляют 77,1% от общего числа названий, образованных суффиксальным способом:

-ник: *купавник, игольник, василистник, калачник, просвирник, баранник, журавельник, бедовник, ароматник, пуговник, лихорадочник, жабник, девяси́льник, пуговальник, дырявник, кашник, клоповник, геморройник, галадушник, гладушник, могучник, могущник, золотник, маточник, молочайник, молочник, глистник, девятильник, чашечник, пуговочник, грудник, червишник, кобыльник, сердечник, поповник, болотник, ломовник, земляника, лакричник, бирюльник, глинный, грыжник, луговник, серпник, кукольник, коновник, веревьятник, аистник, горичник, гулявник,*

донник, дербенник, дурнишник, желтушник, канатник, крестовник, лабазник, окопник, пустырник, стальник, татарник, шлемник, щитовник, ясменник и др.,

-к-: запалка, грабелки, жгучка, змейка, красавка, грушка, липка, даданка, ноготки, пушки, пуховка, матрёнка, пахучка, папавка, чемерка, стрелка, вонючка, кувшинка, манжетка, любка, ряска,

-ец: плешивец, волчец, лебедец, кривец, козелец, борец, чистец, несчастливец, синец, дюрavec, воронец, ясенец,

-иц-: невестица, кислица, сушеница, бобровица, душица, богородица, богородичица, травица, желтяница, чемерица, буквица, горчица,

-ик: волосатик, мохнатик, касатик, лютик, калачики, ангелик, борщевик, зайчик, ключики, братики, чермик,

-ниц-: пчельница, могильница, ладанница, комонница, блошница, грядунница, калужница, медунница,

-анк/-янк: холодянка, нивянка, наперстянка, дымянка, грушанка, льнянка, мыльнянка, росянка.

Менее активно встречаются 13 видов суффиксов, среди которых: -чик, -ушк-, -ок, -як, -юк/-юг/-уг, -юх/-ух-, -няк, -ух/-юх-, -вик, они составляют 18,4% от общего числа названий, образованных суффиксальным способом:

-чик: колокольчик, медунчик, зобчик, баранчики, топорчики,

-ушк-: лепушка, травушка-муравушка, чернушка, петрушка,

-ок/-ек: бобок, барвинок, холодок, квасок, василек,

-як: желтяк, чистяк, кровяк, коровяк льнянка,

-юк/-юг/-уг: колюка, вонюка, жалюга, волчуг,

-юх/-ух-: чистюха, золотуха, синюха, веснуха,

-няк: житняк, слизняк, проскурняк,

- (о) вик: лесовик, диравик.

Единичные примеры встречаются с 8 суффиксами -чек: -нец, -нок, -ек, -ишк-, -очк, -инк-, -ыш, они составляют 4,5 % от общего числа названий, образованных суффиксальным способом: -чек: блошничек, -нец: бедренец, -нок: троянок, -ек: королек, -ишк: кошелишка, -очк: невесточка, -инк: материнка, -ыш: гладыш, -евин: клещевина и др.

В русском языке самый продуктивный формант -ник реализуется в таких мотивировочных признаках, как: 1) «качественные признаки растения»

(мотиваторы *жгучий*); 2) «сходство растений или его частей с различными предметами» (мотиваторы *илем, канат*); 3) «место произрастания» (мотиваторы *пустырь, могила, болото*); 4) «лечебное воздействие» (мотиваторы *грыжа, икота, язва*); 5) «цветовой признак» (мотиватор *золото*), 6) «запах» (мотиватор *аромат*); 7) «время цветения растения» (мотиватор *мороз*); 8) «свойства растений» (мотиватор *молоко*); 9) «этнонимы» (мотиватор *татары*) и др.

Частотность групп суффиксов, с помощью которых образованы названия лекарственных растений в русском языке, выражается так:

Таблица – 4. Группы суффиксов по частотности использования в наименованиях лекарственных растений в русском языке

Степень частотности	Суффиксы	Количество в %	Количество видов
I	-ник, -к-, -ик, -ец: -иц-: -ниц-, -анк/янк	77,1	8
II	-чик, -ушк-, -ок, -як, -юк/-юг/- уг, -юх/-ух-, -няк, -ух/-юх-, -вик,	18,4%	13
III	-чек: -нец, -нок, -ек, -ишк:, -очк, -инк-, -ыш	4,5 %	8
Итого		100 %	29

Таким образом, наш анализ показал, что подавляющее большинство названий лекарственных растений в русском языке (только чисто среди суффиксальных наименований, не включая смешанное словообразование – сложение +суффикс) образовано при помощи 29 видов суффиксов: –ник (36,8%), -к (11,7%), -ец (6,7 %), -иц (6,7 %), -ик (6,1%), -ниц- (4,4 %), -анк/-янк (4,4 %), -чик, -ушк, -ок/-ек, -як каждый по 2,8 %, -юк/-юг/-уг, -юх/-ух – по 2,2 %, -няк (1,6 %), -овик (1,1 %), 8 суффиксов -чек: -нец, -нок, -ек, -ишк:, -очк, -инк-, -ыш по 0,6% каждый. Суффиксальный способ образования составляет 89,9 % всех аффиксальных способов образования названий

лекарственных растений в русском языке.

В дублетных наименованиях встречаются случаи единственных и неединственных мотиваций. Так, некоторые названия фитонимов, образованных с помощью суф. *-ник*, произведены от основ существительных с нулевой флексией, в других - от основ соответствующих прилагательных на *-н-* прибавлением суффикса *-икс* нулевой флексией: «огуречник» образован от основы существительного *огурец* и от основы прилагательного *огуречный*. При суффиксальном образовании имеет место словообразовательное варьирование, возникающее в сложных названиях казахского языка («*күнбағар*», «*күнгебағар*», «*күнбағыс*» – букв. пасущийся под солнцем) и в названиях русского языка посредством присоединения к производящей основе синонимичных аффиксов: «*репей*» - «*репейник*», «*подсолнух*» - «*подсолнечник*».

Таблица – 5. Степень продуктивности словообразовательных суффиксов при номинации лекарственных растений в русском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
с	<i>-ник</i>	<i>-к</i>	<i>-ец</i>	<i>-иц</i>	<i>-ик</i>	<i>-ниц</i>	<i>-анк/</i>	<i>-чик,</i>	<i>-юк/-</i>	<i>-няк</i>	<i>-овик</i>	<i>-чек,-нец,</i>
у							<i>янк</i>	<i>-ушк,-як,</i>	<i>юг/-уг;</i>			<i>-нок,-ек,</i>
ф								<i>-ок/-ек,</i>	<i>-юх/-ух</i>			<i>-ишк,-</i>
%	36,8	11,7	6,7	6,7	6,1	4,4	4,4	По 2,8	По 2,2	1,6	1,1	По 0,6
%	100%											

Префиксально-суффиксальный способ. В нашем языковом материале, по сравнению с приставочным способом, чаще встречается *префиксально-суффиксальный* способ образования наименований (8,6 % номинаций).

Это сочетания префиксов и суффиксов: по– + ни-чек (подойничек), по– + -ник (подорожник, порезник), по-+-чик (попутчик), от–+-ин (-тгадина), раз- +уш+ник (разлапушник), пере-+ень (переступень), при- +ник (придорожник), бес- +ник (бессмертник), без-+ник (безвременник), под- + -(еч) ник (подсвекольник, подмаренник, подсолнечник), у- +-ниц (умывальница), не-

+лив+ец (несчастливец), о- +чик(одуванчик), рас- +-к (растопырка), вы- + ок (выпадок), выявлено 17 моделей образования наименований лекарственных трав.

Таким образом, анализ морфологических аффиксальных способов образования названий лекарственных растений в русском языке позволяет сделать вывод о том, что среди них наиболее активно используется суффиксальный способ (89,9%), затем следует суффиксально-префиксальный способ (8,6 %), очень редко используется префиксальный способ словообразования (1,5 %).

Таблица – 6. Морфологический аффиксальный способ образования в русском языке

Морфологический аффиксальный способ образования номинаций		
Префиксальный	Суффиксальный	Префиксально-суффиксальный
3	177	17
1,5 % (от числа морф. способов)	89,9 % (от числа морф. способов)	8,6 % (от числа морф. способов)
0,4 % (от общего числа названий)	24,2 % (от общего числа названий)	2,3 % (от общего числа названий)
3	1	2

Приступая к анализу в казахском языке, мы пропускаем префиксальный способ словообразования, так как в казахском языке, в отличие от индоевропейских языков, в которых в аффиксальном образовании слов большую роль играют префиксы, префиксов (и интерфиксов) в аффиксальном словообразовании нет.

В казахском языке наименования также образуются суффиксальным способом. Обнаружено использование 9 видов суффиксов: –дық: *жүзжылдық* (от числительного+существительного), *бұрыш самалдық*, *құс самалдық*, *жылқы қымыздық* (от существительного), –ық: *бидайық* (от существительного), –шақ: *кәдімгі жұмыршақ* (от существительного) и др.,

- *ған*: *құтырған* (букв. чересчур), - *бас/мес*: *құсқонбас* (букв. птица не будет вить гнездо), - *гек*: *бүлінгек* (быстро портящийся); - *па*: *қышытпа*

(букв. заставляющий чесаться), *шақпа* (букв. жалящий); - *пек*: *түйіртпек* (образующий сгусток), - *ар*: *күнбағар* (пасущийся под солнцем).

Таким образом, как видно из примеров, в отличие от русского языка, в котором наблюдается аффиксальное словообразование названий от разных частей речи, в казахском языке производные части речи ограничены существительными и глаголами, причем 6 видов суффиксов присоединяются к глаголам, и только 3 - к именам существительным. Суффиксальный способ образования составляет 28,6 % от общего числа наименований, образованных морфологическим аффиксальным способом, к тому же суффиксы малопродуктивны: 30 примеров по 9 видам суффиксов.

Второй после суффикса формант в казахском языке – это, как указывали мы выше, аффиксоиды –*шөп* (букв. трава), –*гүл* (букв. цветок), –*шешек* (букв. цветок), образующие 8 мотивировочных признаков: 1) лечебное воздействие: *жөтелшөп* – букв. трава от кашля, *қайызғақшөп* – букв. трава от перхоти, *сүйелшөп* – букв. трава от бородавок, *толғақшөп* – трава, вызывающая схватки, *құсықшөп* – букв. рвотная трава, *ұйқышөп* – букв. трава от сна (мотиваторы *жөтел* (кашель), *қайызғақ* (перхоть), *сүйел* (бородавка), *толғақ* (схватки), *құсық* (рвота), *ұйқы* (сон)); 2) применение в быту (мотиваторы *құрт* (червь), *қандала* (клоп), *бояу* (краска)); 3) сходство частей растения с другими растениями (мотиваторы *алмұрт* (груша), *балдыр* (водоросли)); 4) ложное сходство с животными и птицами (мотиваторы *киік* (сайгак), *құтан* (цапля), *көкек* (кукушка), *бөдене* (перепел)); 5) вкус, запах (мотиваторы *жұпар* (душистый), *сасыр* (вонючий), *әтір* (ароматный), *сасық* (вонючий)); 6) качественные признаки (мотиваторы *сабын* (мыло), *барқыт* (бархат), *құрғак* (сухой)); 7) место произрастания (мотиваторы *тас* (камень), *қыр* (степь), *шүйгін* (луг)); 8) время цветения (мотиватор *қыс* (зима)).

Выявлено 75 названий с формантами-аффиксоидами, что составляет 71,4 % от общего числа названий, образованных морфологическим аффиксальным способом в казахском языке.

Таблица - 7. Морфологический аффиксальный (суффиксальный) и аффиксоидный способы образования в казахском языке

Морфологический аффиксальный способ образования номинаций		
Аффиксальный		Аффиксоидный
Префиксальный	Суффиксальный	Аффиксоидный
-	30	75
-	28,6 % (от числа морф. аффиксальных способов)	71,4 % (от числа морф. аффиксальных способов)
	5,2 % (от общего числа названий)	13,0 % (от общего числа названий)
-	2	1

Наиболее распространенный способ словообразования в русском и казахском языках – способ словосложения.

Словосложение также является одним из типов морфологического способа словообразования, в результате которого образуется сложное слово, или композит. Это один из основных способов обогащения словарного состава языка, который заключается в создании новых слов путем сочетания морфем [185, с. 474]. При словосложении новое слово возникает путем соединения в одно целое двух и более основ – мотивирующих слов. Результатом образования новых слов при помощи словосложения является компрессия в языке.

В русском языке при образовании названий лекарственных растений выявлены следующие модели словосложения (предлагается частеречная модель и внутренняя семантическая модель):

прилагательное + существительное:

обозначение цвета + цвет/ цветок (жёлтоцвет, белоцвет, златоцвет, сухоцвет, любоцвет, райцвет, огнецвет, очноцвет);

цвет + форма (синеголов);

цвет + часть растения (чернокорень);

признак + часть растения (пустотел);

признак как результат действия+предмет (чистотел, живокость);

существительное + глагол:

предмет + воздействие (взоробой, клопогон, костолом, мухопад);

животное + воздействие (зверобой, волкобой),

время года + действие (зимолюбка);

числительное + существительное:

время цветения + цвет (*первоцвет*);

цифра + предмет (сорокозуб);

цифра + воздействие (девясил, двусил);

глагол+существительное:

указание на объект воздействия (болиголов);

признак цвета (горицвет, светицвет),

существительное + существительное:

предмет + предмет (кульбаба, шишобар).

наречие + глагол:

признак действия + действие (*пустодуй*);

Кроме приведенных выше моделей, существуют также единичные названия типа *дурнопьян, чертополох* и т.п.

Больше всего слов образовано по модели «прилагательное + существительное» (13), затем следуют модель «существительное + глагол» (7), «числительное + существительное» (4), «глагол + существительное» (3), «существительное + существительное» (2), «наречие + глагол» (1), отдельные модели (2) (включая названия, не вошедшие в группы).

Подавляющее большинство названий в русском языке возникло на основе принципа сочетания со словами, обозначающими цвет – 15 названий, затем следуют названия, в составе моделей которых находим значение числа – 4, воздействие/действие – 9, отдельный признак растения.

В казахском языке нами выявлено несколько моделей наименований лекарственных растений, образованных словосложением (частеречные и внутренние семантические модели):

имя прилагательное + имя существительное:

цвет + часть растения (цветка, корня, сока и др.) (17): көкбас (синяя голова), аққұрай (белый стебель), ақбақай (белый мизинец), сарбасқұрай (желтоголовый стебель), ақбасқұрай (белоголовый стебель), сарысою (желтый высокорастущий стебель), аққалақай (белое маленькое растение), ақжелек (белый парус/ платок), көккөкіре (синий цветок), каратамыр (черный корень), қаражидек (черная ягода), көкнәр (синяя сочная), бозкілем (светлоөсерый ковер), сарыраушан (желтая роза), алтынтамыр (золотой корень), алтыншыбық (золотой ствол) и др.;

цвет + цвет, краска, предмет (5): күреңот (букв. темно-красный огонь), қыранот (хваткий огонь), қызылбояу (красная краска), алабота (пестрая ветвь), сиякөк (чернило синее) и др.;

имя существительное + имя прилагательное:

цвет + цвет, краска, предмет (3): аскөк (еда синяя), сабынкөк (мыло синее), балдыркөк (водоросль синяя), и др.;

имя существительное + имя существительное:

название животного + часть растения, корма (30): итжидек (собачья ягода), итошаған (собачья трава), итжүзім (собачий виноград), түйежоңышқа (верблюжья трава), аюбалдырған (медвежье дитя), жыланбас (змеиная голова), қойбүлдірген (испорченная бараном ягода), сиырсілекей (коровья слюна), жыланқияқ (острый как змея), аюқұлақ (медвежье ухо), түйетабан (верблюжья подошва), мысықтабан (кошачья лапа), маралоты (огонь марала), қасқыржем (волчий корм), түйебұршақ (верблюжий горох), балықоты (рыбий огонь), нарқайсар (верблюды храбрый), арыстанқұйрық (львиный хвост), *тайтұяқ* (жеребьячье копыто), *сиырқұйрық* (коровий хвост) и др.;

место произрастания + часть растения (19):

сайсағыз (овражий каучук), тасшүйгін (каменный сок), тауқалақай (горное растение), таушымылдык (горный занавес), жолжелкен (дорожный парус), жержаңғақ (земляной орех), күнбағыс (пасущийся под солнцем), топырақбас (песчаная голова), жарықдәрі (светлое снадобье) и др.;

ядовитость + растение (17):

убалдырған (ядовитая кроха), мендуана (дурманящая трава), утамыр (ядовитый корень), укалақай (ядовитая трава), усасыр (ядовитое вонючее растение), укұрай (ядовитое растение), укорғасын (ядовитый свинец) и др.;

свойство + часть растения (22):

желімбас (клейкая головка), желімсабак (клейкий стебель), жалбызтікен (мятная колючка), бұршақбас (головка с горошину), тікенсабак (колючий стебель), тікенкұрай (колючая трава), тікенжидек (колючая ягода), бұйдакендір (веревка из конопли), сүйментамыр (железный корень), түймешетен (плетеная из пуговиц), теміртікен (железная колючка), оймақшетен (плетеная из наперстков) и др.

продукт питания + часть растения (6):

балшатыр (медовое покрытие), сүттіген (молоко выделяющее), майтамыр (масляный корень), шайкұрай (чайное растение), субеде (водянистый клевер) и др.;

птица + часть растения (3): қазтабан (гусиная лапа), үйректабан (утиная лапа), қарғакөз (вороний глаз),

лечебное воздействие (3): қотырот (огонь от болячек), жаражапырақ (листья от раны), жарабай (букв. целитель ран: «название растения «зверобой» происходит от казахского «джерабай», что означает «целитель ран» [Махлаюк В.П. Лекарственные растения в народной медицине. Саратов, 1967 г. <http://www.bibliotekar.ru/lekarstvennyye/index.htm>]) и др.; **имя существительное + глагол, глагол + имя существительное:**

предмет + воздействие (3):

құртқашаш (сыпать на червей), құртқаш (червь убегай), қуаңдәрі (радуйся снадобью) и др.;

имя числительное + имя существительное:

цифра + части растения (5): қырықаяқ (букв.сорок ножек), мыңжапырақ (тысяча листьев), қырықбуын (сорок узлов), қырыққабат (сорок слоев), қырыққұлақ (сорок ушей) и др.

Встречаются отдельные названия, типа: *иваншай* (иван-чай), *өгейшеше* (мать и мачеха), образованные по модели существительное + существительное, в которых значения носят единичный характер.

В процессе анализа нами выявлено 5 словообразовательных моделей.

Больше всего слов образовано по модели существительное + существительное (99), затем следуют модель имя прилагательное + имя существительное (23), модель имя числительное + имя существительное (5), далее модель имя существительное + имя прилагательное (3), имя существительное + глагол, глагол + имя существительное (3).

Большая часть названий лекарственных растений в казахском языке возникла на основе принципа сочетания со словами, обозначающими цвет – 25 названий, затем следуют названия, в составе моделей которых находим названия животных – 20, свойство растения – 12, место произрастания – 9, ядовитость – 7, воздействие – 6, продукт – 6, число – 5, название птицы – 3.

Сопоставление мотивированных наименований лекарственных трав обоих языков по частеречной принадлежности слов, использованных в качестве мотиваторов при морфологическом виде мотивированности свидетельствует о том, что в исследуемых языках слова-мотиваторы могут быть выражены существительными, прилагательными, глаголами, числительными.

В русском языке выявлена продуктивность использования мотивационных моделей «прилагательное + существительное» (39,4 %), «существительное + глагол» (21,2 %), «числительное + существительное» (12,1 %), не продуктивны модели «глагол + существительное» (9 %), «существительное + существительное» (6 %), «наречие + глагол» (3 %) и другие единичные модели (всего 9 %). Подавляющее большинство названий в русском языке возникло на основе принципа сочетания со словами, обозначающими цвет – 25 названий, затем следуют названия, в составе моделей которых находим значение числа – 13, воздействие – 13, отдельный признак растения – 10.

В казахском языке продуктивны модели «существительное + существительное» (74,4 %), «прилагательное + существительное» (17,2 %), не продуктивны модели «числительное + существительное» (3,8 %), «существительное + прилагательное» (2,3 %), «существительное + глагол», «глагол + существительное» (2,3 %).

Здесь обратим внимание на модель «существительное + существительное» в казахском языке. В смысловом плане данные модели близки модели «прилагательное + существительное», так как в подобных конструкциях первое существительное в слове определяет признак второго существительного, например: *итжүзім* (ит – букв. собака, жүзім – букв. виноград), означает «собачий виноград».

Данная модель выведена отдельно, так как в языке распространена и модель «прилагательное + существительное» в чистом виде, например: *қаражидек* (қара – черный, жидек – ягода), соответственно, так и означает «черная ягода».

Также следует добавить, что сложные названия лекарственных травянистых растений в казахском языке содержат две или три основы. Как показывают примеры, сложные названия лекарственных растений в казахском языке являются одной из самых многочисленных групп названий, в состав которых входят непроеизводные основы.

В роли начальных компонентов в обоих языках выступают различные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, а конечными компонентами в казахском языке выступают корневые существительные: *от, жеміс, жидек, жапырақ, бұта, шешек, тамыр, құрай, қалақай*. При переводе сложного казахского названия лекарственных растений на русский язык происходит процесс дифференциации, т.е. появляются названия лекарственных растений в виде словосочетаний.

Сложные названия растений русского и казахского языков могут иметь 2 или 3 мотивирующих признака, причем, различных, например, в русском языке: *белоголовник, синекопытник, клопогон, девясил*; в казахском – *мысықтабан* (кошачья лапа), *итмұрын* (собачий нос) и др.

Сложные названия растений русского языка состоят из двух мотивирующих баз, например: *мухонад* – муха и падать, *двузубец* – два и зуб и др. Примеры типа *мать-и-мачеха*, *иван-да-марья*, *не-тронь-меня*, хотя и состоят из трех частей, не могут иметь три мотивирующих признака, так как одна из трех частей является служебной частью речи.

Сложные названия лекарственных растений в казахском языке состоят из двух, а иногда и трех баз, например: а) слово+слово: *жарықдәрі* (светлое лекарство); *қазтабан* (гусиная лапка); б) слово+слово+слово: *ақбасқұрай* (белый +голова + стебель) и. др

Отдельной четвертой подгруппой внутри морфологического способа словообразования мы выделяем названия, образованные способом сложения и суффиксации одновременно (предлагаем модели частеречные+морфемные и семантические):

сложение+суффиксы -ник, -к, -ец:

«прилагательное + существительное + суффикс»:

цвет + форма (белоголовник, бордоголовник, красноголовник, белошапочник, белокопытник, синеголовник, черноголовка);

цвет + цвет/ цветок (белоцветка, синецветка);

цвет + предмет (черногорка, чернодубка, синеглазка, жёлтомолочник, чернобривец);

цвет как признак+цифра (золототысячник);

признак + часть растения (колючелистник, стародубка, молочайник);

«количество, числительное + существительное + суффикс»:

цифра, количество + часть растения (тысячелистник, трилистник, парнолистник, многоножка, парнолистник, двузубец, троецветка, семижилык);

цифра + воздействие (сороконедужка, девясильник);

существительное + глагол:

предмет + воздействие (кровохлебка, носочистка, пчелососка);

время года + действие (зимолюбка),

существительное + существительное:

животное + форма (змееголовник);

предмет + предмет (шишебарник).

Больше всего слов образовано по модели «прилагательное + существительное+ суффикс» (18), затем следуют модель «числительное + существительное + суффикс» (10), «существительное + глагол + суффикс» (4), «существительное + существительное + суффикс» (2), отдельные модели (2) (включая названия, не вошедшие в группы).

Таким образом, анализ отражает тот факт, что в русском языке морфологическим видом названий лекарственных трав в процентном отношении образовано на 5 % меньше, чем в казахском языке: в русском и казахском языках количество названий соответственно составило 36,3 % и 41,3 %. Внутри морфологического способа в русском языке преобладает суффиксальный способ образования, затем следуют смешанный способ (сложение + аффиксальный суффиксальный), на третьем месте - способ сложения, намного реже используются префиксально-суффиксальный и префиксальный способы, почти отсутствует аффиксоидный способ словообразования; а в казахском языке очень активны способ словосложения и аффиксоидный способ, значительно реже используется суффиксальный способ, не могут использоваться префиксальный, префиксально-суффиксальный, сложение + суффиксальный способы.

Сложные названия лекарственных травянистых растений русского и казахского языков, образованные сложением в казахском и сложением, а также сложением и суффиксальным способом в русском языке, фиксируют либо один, либо несколько свойств растения: *синеголовник* и *көкбас* (букв. синяя голова) - цвет и форму, *оймақгүл* (букв. цветок как наперсток) - форму; *зимолюбка* и *қысылышөп* (букв. любящая зиму трава) - время цветения.

Таблица – 8. Морфологический способ словообразования наименований лекарственных растений в русском и казахском языках

Русский язык					
Морфологический – 266					
Аффиксальный			Аффикс- оидный	Словосло- жение	Словосло- жение+суф- фикс
Преф.	Суфф.	Преф.-суфф.			
3	177	17	-	33	36
1,2 % (от числа морф. способов)	68,6 % (от числа морф. способов)	6,6 % (от числа морф. спосо- бов)	-	12,4 % (от числа морф. спосо бов)	13,5 % (от числа морф. способ ов)
0,4 % (от общего числа названий)	24,2 % (от общего числа названий)	2,3 % (от общего числа названий)	-	4,5 % (от общего числа названий)	4,9 % (от общего числа названий)
5	1	4		3	2
Всего 36,3 % от общего числа названий в русском языке (от 732)					
Казахский язык					
Морфологический - 238					
	30	-	75	133	-
-	15,2 % (от числа морф. способов)	-	37,8 % (от числа морф. способов)	47 % (от числа морф. способов)	-
-	5,2 % (от общего числа названий)	-	13,0 % (от общего числа)	23,1 % (от общего числа)	-
	3		2	1	
Всего 41,3 % от общего числа названий в казахском языке (от 576)					

2.4.2 Синтаксический способ образования названий лекарственных растений

В процессе анализа в русском и казахском языках выявлены названия лекарственных растений, образованных синтаксическим способом, к которому мы относим наименования, образованные от словосочетаний, состоящих из двух и более компонентов.

Как мы знаем, словосочетание - это синтаксическая конструкция, возникшая на основе соединения двух или более знаменательных слов на

основе определенной грамматической связи [193, с. 469]. Знаменательные слова, связанные прежде всего по смыслу, выражают единое, но расчлененное понятие и представляют собой сложное наименование. В данной конструкции всегда имеются два компонента – это главный и подчиненный компонент. Подчиненный компонент всегда уточняет и конкретизирует предмет, явление, процесс или качество, названные главным компонентом [193, с. 469].

Анализируя названия лекарственных растений в русском языке, мы выделили следующие самые употребляемые основные компоненты словосочетаний:

*трав***а**: наперстянная трава, женская трава, мыльная трава, богородская трава, пьяная трава, лихорадочная трава, выпадочная трава, чёрная трава, звездочная трава, баранья трава, ведьмина трава, золотушная трава, глистная трава, коровья трава, заячья трава, живая трава, поносная трава, еленина трава, животная трава, оленья трава, итальянская трава, медовая трава, трава дьявола, шальная трава, блошная трава, желудочная трава, красная травица, сывороточная трава, колкая трава, ахиллесова трава, волосная трава, еврейская трава и др. – 35;

лекарственный, зелье: алтей лекарственный, авран лекарственный, одуванчик лекарственный, ноготки лекарственные, буквица лекарственная, окопник лекарственный, шалфей лекарственный, мыльнянка лекарственная, вероника лекарственная, белокопытник лекарственный, ласточкино зелье, бешеное зелье и др. - 13;

корень: ароматный корень, рвотный корень, зубной корень, сладкий корень, алтейный корень, ирный корень, олений корень, крысиный корень, черный корень, кошачий корень, солодковый корень, лакричный корень – 12;

лист: серебряный лист, иван-чай узколистный, грушанка круглолистная, росянка круглолистная, колокольчик круглолистный, колючелистник качимовидный, ясенец узколистный, бадан толстолистный,

синеголовник плосколистный, ятрышник широколистный, дербенник иволистный, любка двулистная – 11;

поле, холм, гора, луг, земля: бодяк полевой, полевой борец, хвощ полевой, стальник полевой, солянка холмовая, горный лютик, арника горная, луговая ромашка, арахис подземный, земляные орехи - 10;

болото: калужница болотная, сабельник болотный, земляника болотная, болотная роза, аир болотный, чистец болотный, чистотел болотный, лютик болотный, ельник болотный, черnobривец болотный - 10;

обыкновенный: белладонна обыкновенная, анис обыкновенный, мать-и-мачеха обыкновенная, многоножка обыкновенная, нивяник обыкновенный, орляк обыкновенный, ячмень обыкновенный и др. – 9;

цвет: фиалка трехцветная, горицвет весенний, духовный цвет, Перунов огнецвет, Перунов цвет, Перунов цвет-молния, татарский цвет, цвет татарский – 8;

горец, горький: полынь горькая, горькая трава, горечавка легочная, горец перечный, горец птичий, горичник русский, горчица сарептская, горчанка осенняя – 8;

синий: василек синий, зверобой синий, синюха лазурная, синюха голубая, синий житник, синий цвет во ржи, синие батоги, синенький цветок – 8;

белый, черный, желтый, пурпуровый, красный: яснотка белая, дрема белая, переступень белый, бриония белая, белена черная, наперстянка пурпуровая, наперстянка красная – 7;

желтый: касатик желтый, желтый колокольчик, глауциум желтый, желтый чистяк, желтый молочник – 5.

А также другие сочетания, в которых встречаются единичные компоненты, типа: *безвременник осенний, болиголов пятнистый, бессмертник песчаный, василистник простой, ландыш майский, водяная трость, сорочьи иглы, дамское счастье, холодная мята, адамова голова, глухая крапива, кукушкины слезы* и др. - их 310 (69,5 %).

К числу последних относим и названия типа *мать-и-мачеха, иван-да-марья, не-тронь-меня* - это названия, имеющие форму словосочетаний со служебным словом, состоящие из трех частей; пишутся с двумя дефисами.

Всего способом словосочетания образовано в русском языке 446 слов, из них вышеприведенные 136 названий имеют более **частотные компоненты**, они составляют 30,5 % от числа образованных данным способом.

Как показывает исследование, в русском языке способом словосочетания образованы все научные названия (кроме двух) и 232 народных названия: 234 и 232 (46,6 % из числа народных названий), всего из числа всех наименований в русском языке – 63, 7 %.

Анализируя названия лекарственных растений в казахском языке, мы выявили такие активные компоненты словосочетаний, как *шөп, гүл*. Данные слова нами рассмотрены при анализе названий, образованных аффиксоидным способом, в которых они выполняли роль словообразовательных формантов и писались слитно, то есть входили в состав слова.

Здесь же части *шөп, гүл* нами анализируются не как форманты, а как отдельные самостоятельные компоненты словосочетаний, например: *түкті шөп* (букв. раскидистое растение), дөнгелек жапырақты *алмұртт шөп* (травя с листьями округлой формы, похожая на грушу), *кәдімгі жұпар гүл* (обыкновенный душистый цветок), *батпақ қалта гүлі* (болотная трава, похожая на кармашек), *сасық қандала шөп* (вонючая трава от клопов), *көк бас гүл* (букв. цветок с голубыми цветками), *иісті бояу шөбі* (букв. пахучая трава для окраски) и др. Таких примеров более 200, то есть 59,2 % от числа названий, образованных из словосочетаний.

В казахском языке в перечень слов, образованных с помощью словосочетаний, входят все научные наименования и 90 народных наименований – 248 и 90 (27,4 % из 328 народных названий), что составляет 58,7 % из числа всех наименований в казахском языке.

Таблица – 9. Синтаксический способ словообразования названий лекарственных трав в русском и казахском языках

Язык	Всего	Научные	Народные	% от общего числа названий
Русский язык	466	234	232	63, 7 %
Казахский язык	338	248	90	58,7 %

Научные названия, как правило, относятся, в основном, к научному стилю изложения, имеют конкретного адресата, соответственно, в них преобладает структура «существительное + прилагательное», а не наоборот: «прилагательное + существительное»: например, *мелисса обыкновенная, шалфей лекарственный, череда трехраздельная* и т.д. В первую очередь указывается определяемое растение, затем – определяющий его признак. Такая структура облегчает поиск названия растения в перечне многих других лекарственных растений. В народных названиях мы не находим подобную структуру создания слова. Это характерно для русского языка.

Здесь следует добавить следующее. Народная лексика создается немного другим путем, чем научная. Чаще всего народные названия появляются в соответствии с закономерностями словообразования общелитературного языка. Бесспорна связь названий лекарственных растений с общеупотребительной лексикой, это объясняется тем, что эти травянистые растения, будучи объектами, которые необходимы были для человека в повседневной жизни, приобретают названия на основе лексики, закрепленной в общем языке.

Полученные результаты позволяют согласиться с мнением В.П. Даниленко, в соответствии с которым каждая лексика «имеет многообразные и тонкие связи с общеупотребительным лексическим фондом, который питает ее своими неисчерпаемыми запасами для номинации новых понятий»,

для образования новых названий лекарственных трав [44, с.9].

Таблица – 10. Способы образования номинаций лекарственных трав в русском и казахском языках

1						2	3
Морфологический						Синтаксический	Семантический
Аффиксальный			Аффиксоидный	Слово-сложение	Сложение + суффикс	Словосочетания	Перенос значений
Преф.	Суфф.	Преф.-суфф.					
Русский язык - 732							
3	177	17	-	33	36	466	
36,3						63, 7 %	
Казахский язык - 576							
-	30	-	75	133	-	338	
41,3 %						58,7 %	

2.5 Способ семантической деривации

Использование номинации по признаку в качестве её основного способа ведёт к образованию большого количества сложных по форме фитонимов, в качестве последнего компонента которых выступает в большинстве случаев детерминант – определитель класса объекта номинации. Детерминанты употребляются обычно в тех областях лексики, где есть потребность в классификации множества похожих предметов, а названия лекарственных растений – лексико-семантическая группа, где такие детерминанты наиболее распространены.

Названия могут быть образованы на основе механизма речи, когда употребляются слова, обозначающие конкретные предметы, явления или процессы для характеристики или наименования другого объекта [193, с. 269]. Традиция вторичного употребления обиходных слов для номинации лекарственных растений, наметившаяся еще в глубокой древности, актуализируется в современных названиях [99б, с.145]. Многочисленные метафорические и метонимические названия растений подтверждают

вышеназванный факт. Вот несколько примеров: *зубровка южная* названа так потому, что «она охотно поедается зубрами из-за сходства запаха травы с характерным мускусным запахом зубра. Известные всем *колокольчики* получили свое название за сходство венчика цветка с древнейшим музыкальным инструментом - колокольчиком. *Недотрога обыкновенная* названа так потому, что после созревания плоды растения раскрываются и выбрасывают семена при малейшем прикосновении к ним. Листья *иван-чая* издавна служили русским людям для приготовления суррогата чая и раньше были больше известны как "копорский чай" - по названию села Копорье под Петербургом, где его заготавливали в большом количестве» [99б, с.146].

Каждая номинативная система «располагает определенным набором мотивировочных признаков номинации, детерминированных свойствами именуемых реалий» [50, с. 70]. Этот набор включает как существенные, так и второстепенные признаки именуемых объектов. Однако, в большинстве случаев, номинация образуется на основе «первых, бросающихся в глаза» [21, с.43], внешних, сознательно выбранных признаков обозначаемых объектов, которые воспроизводятся по мере необходимости новыми языковыми средствами и словообразовательными способами номинации.

Выбор того или иного отличительного признака определяется теми элементами плана содержания, которые уже представлены наличием определенного общественно-исторического опыта и знаний культурных традиций того или иного народа, ассоциациями, характером окружающей обстановки. При выборе мотивировочного признака для растения субъект номинации подсознательно опирается на имеющийся социально-культурный опыт языкового коллектива, в котором он живет.

При номинации растений участвуют два типа вербальных средств: информативные и индифферентные [40]. Информативные названия сообщают о качествах, свойствах растений и об их связях с другими объектами действительности. Индифферентные наименования, образованные от имен собственных различных ономастических разрядов, не представляют

отличительные признаки растений. В нашем исследовании речь идет в основном об информативных названиях лекарственных растений.

В сопоставляемых языках нами выявлено в русском языке 732 наименования, из них 732 в русском языке, 576 в казахском языке. В названиях лекарственных растений анализируемых языков нами выявлено 23 мотивировочных признака, внутри некоторых основных групп выделяются также подгруппы.

Мотивировочные признаки, активно формирующие внутреннюю форму, указывают на те внешние признаки лекарственных растений, которые были доступны для визуального наблюдения, были очень заметны, вследствие этого данная группа названий является самой многочисленной.

1. Мотивировочный признак «Цветобозначение»

Самый активный признак мотивации – это внешний вид растения, точнее, его цвет. Как в русском, так и в казахском языке, самая большая группа названий мотивирована цветом и формой растений, поэтому анализ мотивировочных признаков мы начинаем с анализа мотивемы «Цветобозначение» в названных языках.

В ходе исследования выявлено, что в русском языке мотивировочный признак «Цветобозначение» связан а) с прямым значением слова, см: *синяк, синюха, белоцвет, белокопытник, чернокорень, синеголовник*; б) с переносным значением слова, см: *золотысячник, золотарник, золотой корень*.

Здесь в основе номинации растений больше всего основных цветонаименований, это обозначения цветов различного спектра (10 цветов): *белый, желтый, черный, синий, голубой, красный, пурпурный, серый, зеленый, розовый*: **белый – 6**: белая кашка, дрема белая, кувшинка белая, переступень белый, бриония белая, яснотка белая; **желтый – 9**: жёлтый огонёк, горечавка желтая, желтый колокольчик, глауциум желтый, касатик желтый, желтая кашка, жёлтый зверобой, жёлтый чистяк, молочай жёлтый; **черный – 4**: чёрная трава, черное зелье, белена черная, попутник чёрный; **синий – 7**: василек синий, зверобой синий, синенький цветок, синий житник, синий цвет во ржи, синие батоги, синий цветок; **голубой – 1**: синюха

голубая; **красный** – 5: наперстянка красная, красный клевер, красная травица, горец мясо-красный, герань кроваво-красная; **пурпурный** – 1: наперстянка пурпуровая; **серый** – 2, **зеленый** – 1: икотник серый, икотник серо-зеленый; **розовый** – 2: родиола розовая, розовой корень; **сизый** – 1: пустырник сизый.

Всего выявлено 40 наименований, образованных от слов, обозначающих 10 основных цветов.

Эти же 10 цветообозначений и добавочно к ним обозначение цвета *бордовый* даны в составе 1) сложных слов, 2) слов, образованных с помощью аффиксов; 3) слов, образованных сложением и суффиксальным способом (6 цветов): **белый** - 5: белоцвет (сложное слово, далее СС), белоцветка (СС, суффикс: далее суф.), белошапочник (СС, суф.), *белокопытник* (СС, суф.), белоголовник (СС, суф.); **желтый** - 5: жёлтоцвет (СС), жёлтомолочник (СС, суф.), желтушник раскидистый (суф.), желтушник рассеянный (суф.), желтяница (суф.); **черный** - 6: черногорка (СС, суф.), черnodубка (СС, суф.), черnobривец болотный (СС, суф.), чернокорень лекарственный (СС), черноголовка обыкновенная (СС, суф.), чернушка (суф.); **синий** - 7: синеглазка (СС, суф.), синеголов (СС), синецветка (СС, суф.), синеголовник плосколистный (СС; суф.), синец (суф.), синюшник (суф.), синяк обыкновенный (суф.); **красный** - 2: красноголовник (СС, суф.), бодяк красноголовый (СС); **бордовый** - 1: бордоголовка (СС, суф.); **золотой** – 3: , *златоцвет* (СС), золотушник (суфф.), золотник (суфф.) (*здесь желтый метафорически именуется золотым*). Данным способом образовано 28 наименований, образованных от слов, обозначающих 6 основных цветов.

Представленность основных цветоименований обусловлена разными причинами, наличием определенных коннотаций, например, эпитет **черный** может приобретать экспрессивный характер и негативную оценку, это может быть вызвано ядовитыми свойствами денотата, ср.: белена черная, черное зелье. Здесь **черный** цвет помимо прямого значения приобретает оттенок значения «темный».

Травам могли даваться названия по цветовому признаку в зависимости от их целебных свойств, ср.: *красная травица, жёлтый чистяк*. Однако наш анализ позволяет сделать выводы о том, что более продуктивным основанием для образования названий растений, связанных с цветообозначением, является цветовая окраска растения реалии, ср.: *черноголовник, василек синий, красный клевер, белая полынь*. К числу малопродуктивных оснований для названий лекарственных растений можно отнести окраску плода, семян, стебля, ср.: *жёлтый молочай, черный кориандр*. В данную группу вошли названия, мотивированные цветом цветков (*белоголовник, синенький цветок*), сока, выделяемого растением (*желтомолочник*), корня (*черный корень*), самой травы (*черная трава*).

Почти отсутствует в названиях растений русского языка обозначение зеленого цвета. По этому поводу исследователь пишет так: «Что касается зеленого цвета, то это цвет растительности вообще; он скорее воспринимается как фон, необходимое дополнение к яркому пятну цветка; поэтому его отражение в названии, как кажется, означает не столько цвет растения как такового, сколько то, что растение остается зеленым и зимой. В пользу этого предположения говорит то, что нередко названия разных растений совпадают, например: *зелёнка* (Черн.), србх. *rawenka zelenčko*, зимзелен, болг. зимзелен, зеленика, зелениче, чеш. *zimostráž, zim(o)zeleň, zimozel'* и др. Зеленый цвет актуален в названиях травы (*зелье, зель, озель*) и незрелых ягод (*зелень, зеленец* и под.) [216, с.125]. Очевидно, зеленый цвет интерпретируется как нейтральный, как «не-цвет» и в ивановском гадании: девушки скручивали стебли зверобоя и смотрели — красный сок: любит, зеленый или бесцветный — не любит [172, с. 148].

Всего нами выявлено 67 наименований лекарственных растений, мотивом в которых является цветообозначение. Это составляет 8,06 % от общего числа наименований лекарственных растений русского языка (732), как научных (235), так и народных (497).

В казахском языке мотивировочный признак «цветообозначение»

также связан а) с прямым значением слова: *қырмызыгүл* (букв. ярко-красный цветок), *көкшешек* (букв. синий бутон), *қаратамыр* (букв. черный корень); б) с переносным значением слова: *алтын тамыр* (букв. золотой корень), *сиякөк* (букв. чернильно-синий) и т.д.

По этому поводу исследователь А. Қайдаров пишет: «Цветобозначения, как и другие слова, обладают прямым и переносным значением. Если некоторая группа цветобозначений сохранила свое значение или близка к основному значению, то другая – либо имеет отдаленное отношение к основному значению, либо утратила свое значение целиком» [66, с.59].

Как и в русском языке, в казахском за основу номинаций растений взяты основные цветонаименования, обозначения цветов различного спектра (11 цветов): ақ (белый), сары (желтый), қара (черный), көк (синий), көгілдір (голубой), қызыл (красный), сұр/шегір (серый), жасыл (зеленый), күрең (темно-коричневый), ала (пестрый), қызғылт (розовый):

ақ (белый) – **10:** ақ желімбас (букв. белая клейкая головка), *акдәрі* (букв. белое лекарство), *аюдың ақдәрісі* (букв. белое лекарство медведя), акшешек (букв. белый бутон) ақжелкен (букв.белый парус), ақжелек (букв. белый наряд), ақ түңғиық (букв. белая кувшинка), аккурай (букв. белый стебель, бурьян), ақ таукалақай (букв. белая горная крапива), аққалақай (букв. белая крапива); **сары** (желтый) – **5:** оймақсары (букв. наперсток желтый), усарғалдақ (букв. ядовитый желтый цветок), сары құртқашаш (букв. желтый рассеиватель червей), сары мүйіз көкнәр (букв. желторогий синий цветок), сарғалдақ (букв. желтый цветок); **қара** (черный) – **5:** қара бидайық (букв. черный пырей), қара андыз (букв. черный жгут/ стебель), қара меңдуана (букв. черная белена), қара курай (букв. черный стебель), қаратамыр (букв. черный корень); **көк** (синий) – **10:** *көкгүл* (букв. синий цветок) *көкжалбыз* (букв. синяя мята), *көкпек* (букв. синюшный), *көктікен* (букв. синяя колючка), *көкшырыш* (букв. синий клейкий), көк шешек (букв. синий бутон), кәдімгі көкшешек (букв. обыкновенный синий бутон),

көкбасгүл (букв. цветок с синей головкой), көк гүлкекіре (букв. синий надменный цветок), сиякөк (букв. чернильно-синий); **көгілдір** (голубой) – **1**: көгілдір гүл (букв. голубой цветок); **қызыл** (красный) – **9**: кызыл оймакгүл (букв. красный цветок как наперсток), кызыл бұрыш (букв. красный перец), кызылбояу (букв. красная краска), нағыз кызылбояу (букв. настоящая красная краска), кызылбояушөп (букв. красная красильная трава), кызыл кендір (букв. красный кендырь), кызылтаспа (букв. красная лента о стеблях), кырмызыгүл (букв. ярко-красный цветок), кызылкурай (букв. красный стебель); **сұр** (серый цвет)/ **шегір** (серый о глазах)/ **боз** (бледный, бледно-серый) – **4**: үш түсті шегіргүл (букв. трехцветный серый цветок), сұр шытырша (букв. серая хрустящая трава, серый пажитник), шегіргүл (букв. серый цветок), бозтікен (букв. бледно-серая колючка); **жасыл** (зеленый) – **1**: жасыл көкшегүл (букв. зеленый голубоватый цветок); **күрең** (темно-коричневый) – **1**: күреңот кипрей (букв. кипрей цвета темно-коричневого огня); **ала** (пестрый) – **3**: дәрілік алабота (букв. лекарственный пестрый верблюжонок), алатікен (букв. пестрая колючка), шұбар алатікен (букв. пятнистая пестрая колючка); **қызғылт** (розовый) – **1**: қызғылт семізот (букв. розовый толстый огонь); **кер** (мухортый).

Всего выявлено 50 наименований, образованных от слов, обозначающих 11 цветов. Главное основание для образования названий растений, связанных с цветообозначением, - цветовая окраска растения реалии. Более продуктивным основанием, в отличие от русского языка, для названий лекарственных растений можно считать окраску бутона, стебля, корня, ср.: *ақ желімбасақ* (букв. белая клейкая головка), *ақшешек* (букв. белый бутон), *қара андыз* (букв. черный жгут, ствол), *қара құрай* (букв. черный стебель), *қаратамыр* (букв. черный корень); *көк шешек* (букв. синий бутон), *қызылтаспа* (букв. красная лента), *қырмызыгүл* (букв. ярко-красный цветок), *қызылқұрай* (букв. красный стебель), *бозтікен* (букв. бледно-серая колючка), *алатікен* (букв. пестрая колючка).

Особо отметим значения цветов *көк* (синий) и *жасыл* (зеленый).

Неслучайно лексема *жасыл* очень редко встречается в названиях лекарственных растений. Это связано с тем, что у казахского народа, как и у других тюркских народов, синий и зеленый цвет не имели четкой дифференциации.

В казахском языке в этой группе мотивом мы не выделяем, как в русском языке, названий растений с обозначением цвета в составе 1) сложных слов, 2) слов, образованных с помощью аффиксов. Это связано с тем, что в наших примерах слова, обозначающие цвет, вошли в состав лексем, в том числе, и сложной (см.: *қызылтаспа* (букв. красная лента - о стеблях), и образованной аффиксоидальным (с помощью аффиксоидов *гүл*, *шөп* и др.) способом (см.: *қызыл оймақгүл* (букв. красный цветок в виде наперстка), в полной форме, без усечения. Это связано с грамматическими особенностями прилагательных в казахском языке: данная часть речи в казахском языке – в основной форме неизменяемая часть речи, не имеет краткой формы, входит в состав сложного слова в полной форме, не имеет грамматического признака рода (род определяется по смыслу из связи с сочетаемым с ним словом).

Основанных на цветовом признаке названий лекарственных растений, образованных, как в русском языке, сложением и суффиксальным способом, в казахском языке не имеется ввиду грамматических особенностей языка: сложение основ осуществляется без соединительной гласной и суффиксов, надобность в которых отпадает, так как лексема-прилагательное (как и другие части речи) входит в сложное слово без изменения.

Всего в казахском языке нами выявлено 43 наименований лекарственных растений, мотивом в которых является цветообозначение. Это составляет 7,4 % от общего числа наименований лекарственных растений казахского языка (576), как научных (248), так и народных (328).

Для полноты картины дополнительно кратко остановимся на использовании некоторых цветов в обоих языках.

Зрительные впечатления от окраски растений передаются иногда опосредованно, через связь с другими объектами окружающей

действительности [87]. Например, значение белого цвета реализуется через понятие «цвет серебра», например, в русском языке: *серебряник*. В казахском языке подобных примеров не выявлено.

Желтый цвет в русском и казахском языках может быть назван имплицитно через слова «золото», «солнце». Например, в русском языке *златоцвет, золотушник, золотник, золотая розга, подсолнух*; в казахском языке можно встретить названия со словами «алтын»/«золото» (*алтыншыбық*, букв. золотая травка; *алтынтамыр*, букв. золотой корень), «күн»/«солнце» (*күнбағыс*, букв. под солнцем растущий).

Оттенки *коричневого цвета* в русском языке передаются через понятие «корица», в казахском подобных случаев не выявлено.

Красный цвет ассоциируется в русском языке со словами *огонь, кровь: кровяк, кровохлебка, огненный цветок*. В казахском языке красный цвет обозначают также слова *кровь* (*қанкендыр*, букв. кровяной кендырь), *огонь* (*оттышөп*, букв. огненная трава).

2. Мотивировочный признак «целебное воздействие».

В процессе анализа мы убедились в том, что целый ряд названий в русском и казахском языке не косвенно, а непосредственно указывает на лечебный эффект, оказываемый данными растениями на человека.

2.1 Распространенным приемом образования названий растений является наречение их по имени того органа или части человеческого тела, на которое оказывается лечебное воздействие, например, в русском языке: *маточник, печеночник, селезеночник, женская трава, грыжная трава, грыжник, зубной корень*; в казахском языке: *жатыршөп* (букв. маточная трава), *асқазан шөп* (букв. желудочная трава).

2.2 Номинации, в основу которых положены названия болезней, симптомов заболевания, информируют также о благотворном действии указанных растений. Оздоровительное действие свойств растения или результат этого действия на здоровье человека отображается во внутренней форме названий, например, в русском языке: *язвенник, чистяк, чистотел, сон-трава, икотник, бородавочник, глистная трава, жабья трава* (при

стенокардии – грудной жабе), *костолом, живокость*; в казахском языке: *құртшөп* (букв. трава от червей), *жөтелшөп* (букв. трава от кашля), *ұйқышөп* (букв. сон трава), *сүйелшөп* (букв. трава от бородавок), *жарықдәрі* (букв. лекарство от грыжи), *жарашөп* (букв. трава от язвы), *толғақшөп* (букв. трава, облегчающая родовые схватки), *құсықшөп* (букв. рвотная трава), *қайызғақшөп* (букв. трава от перхоти), *талақшөп* (букв. селезеночная трава), *сүйелжазар* (букв. вылечивающий бородавки) и т.д.

Названия лекарственных растений рассматриваются в рамках групп названий, реализующих один и тот же мотивационный признак, определяемый наличием общей семы в словах-носителях мотивировочных признаков. Например, приведенные выше казахские названия лекарственных травянистых растений *толғақшөп, қайызғақшөп, сүйелшөп, жатыршөп, жөтелшай*, включившие в свой состав форманты *-шөп* и *-шай*, реализуют мотивационное значение «трава, помогающая при определенных заболеваниях».

В мотиваторах *толғақ* (родовые схватки), *қайызғақ* (перхоть), *сүйел* (бородавка), *жатыр* (матка), *жөтел* (кашель), выступающих в качестве носителя мотивировочного признака «целебные свойства», выделяется сема «болезни, симптомы, недуги».

К данной подгруппе, основанной на отражении в номинациях характера воздействия на человека свойств растений, примыкают названия, мотивировочные признаки которых свидетельствуют о возможности применения растений в быту.

3. Мотивировочный признак «сфера применения» (в т.ч. связанная с ядовитостью). В русском языке: для изгнания мышей, крыс, клопов, блох: *клопогон, крысогон, мышиный горошек, мышатник, мышинная трава, блошная трава*; с применением для мытья, в том числе, для мытья шерсти домашних животных, например, *мыльнянка, собачье мыло*.

В казахском языке: *қандалашөп* (букв. трава против клопов), *сабыншөп* (букв. мыльная трава), *итсабын* (собачье мыло), *бояушөп* (букв. трава для покраски), *томарбояу* (букв. краска для полена).

4. Мотивировочный признак «ядовитость».

В русском языке: *бешеное зелье, трава дьявола, шальная трава, сонная одурь*; в казахском языке встречаем прямое указание на ядовитость: *утамыр* (букв. ядовитый корень), *укалақай* (букв. ядовитая трава), *усарғалдақ* (букв. ядовитый желтый цветок) и др.

5. Мотивировочный признак «корм/ трава для животных, птиц».

В русском языке: *маралья трава, оленья трава, бычачья трава, гусиная трава, гусиный лук, гусятник, совыя трава, пчелиная трава* и др.

К примеру, в культурной коннотации семантики названия с лексемой *марал* содержится указание на траву, служащую в качестве корма животных. Весной обессиленные маралы питаются именно этими растениями для восстановления сил. Номинация с лексемой *гусь* базируется на семантических дифференциальных признаках «использование растения в качестве корма», так, «в народе было замечено, что гуси охотно щиплют ее весной, а осенью поедают ее семена», видимо, поэтому и прозвали эту траву *гусятником, гусиной травкой* [224].

В казахском языке: *маралтамыр* (букв. маралий корень), *ешкімия* (букв. козлиная солодка), *киікішөп* (букв. сайгачья трава), *түйежоңышқа* (букв. верблюжья трава), *сиыржоңышқа* (букв. коровья трава); *бөденешөп* (букв. перепелиная трава), *құсқұмық* (букв. птичья гречиха), *қазжуа* (букв. гусиный лук).

6. Мотивировочный признак «предостережение об опасности».

В русском языке: *волчья ягода, волчья трава, собачья трава, собачьи репяхи*. Лексема *волк* несет отрицательную характеристику, привносит в лексическое значение слова негативно-оценочную коннотацию и содержит в лингвокультурном компоненте семантики предостережение человеку об опасности.

Названия лекарственных растений, содержащие лексему *собака*, также содержат негативно-оценочную коннотацию. Так, в них содержится указание на неприятные для человека свойства растения, например, способность прилипать к одежде человека и шерсти животных (*собачьи репяхи*).

7. Мотивировочный признак «сходство с органами животных, птиц».

В русском языке:

ноготки (сходство форм мелких цветков с серпом или крючком, напоминающими коготки птиц);

заячьи ушки (сходство листьев с ушками зайца);

кошачья лапка (сходство соцветия растения с круглыми и мягкими подушечками кошачьих лап);

воронец, вороновы глазки (сходство по форме и цвету с глазками вороны, большая часть растений имеет шаровидный черный плод);

Рассмотренные выше названия представляет собой результаты вторичной номинации с опорой на ключевое слово (название животного или птицы), демонстрирующие коммуникативную потребность человека в передаче информации об окружающей действительности, в ее оценке в виде убеждений о том, что является ценным, полезным или опасным [74].

В казахском языке при номинации растений рассматриваемой группы принималась во внимание величина животного: многие из рассматриваемых названий принадлежат крупным растениям: *атқұлақ* (букв. лошадиные уши), *есекқұлақ* (ослиные уши), *арыстанқұйрық* (львиный хвост), *қасқыртабан* (волчья лапа), *түйетабан* (верблюжья лапа), *қасқыртамыр* (волчий корень),

Также наблюдаются сравнения с органами птиц и животных: *қазтабан* (гусиная лапка), *қоянерін* (заячья губа), *тырнақгүл* (ноготь трава), *құртишөп* (червевидная трава).

Здесь необходимо отметить, что при трансформационном анализе в составе данных примеров появляется сравнительный союз *как*, например: *атқұлақ* - «как ухо лошади», *есекқұлақ* - «как ухо осла», *арыстанқұйрық* - «как хвост льва», *қасқыртабан* - «как волчья лапа», *түйетабан* - «как верблюжье копыто», *қазтабан* - «как лапка гуся», *қоянерін* - «как заячья губа», *жыланбас* - «как голова змеи», *құртишөп* - «растение, похожее на черви», *тырнақгүл* - «как ноготь» и т.д.

В сложных словах часто выступает 2 или более мотивационных признаков, порой различных.

8. Мотивировочный признак «зооморфизмы для выражения признаков «ненастоящий, дикий, ложный».

В русском языке: *волчья ягода, медвежий пикан, воронья гречиха, конский щавель* и другие, в казахском языке: *итжидек* (волчья ягода), *арыстанқұйрық* (львиный хвост), *атбас* (лошадиная голова), *сиырбас* (коровья голова) и другие могут обозначать признак «ложный» [78].

9. Мотивировочный признак «сходство с предметами, связанными с жизнью человека».

В ходе анализа нами выявлены названия, в которых можно увидеть сходство с такими предметами, как: *зуб, колокол, шлем, груша, лен, шлем, якорь, щит, крест, ключ, карман, сумка, крыша/зонт, наперсток, пуговица* и др.

В русском языке: *двузубец, колокольчик, грушанка, шлемник, якорцы, щитовник, крестовник, ключики, пастушья сумка, наперстянка*. К примеру, последнее название связано с тем, что это мелкое однолетнее травянистое растение имеет темно-зеленые продолговатые листья и плоды, которое по форме похоже на суму пастуха.

В казахском языке: *алмұртыөп* (грушевидная трава), *қалтагүл* (карманный цветок), *шатыршөп* (зонтичный цветок), *оймақгүл* (наперсточный цветок), *түймебас* (пуговичная головка) др.

10. Мотивировочный признак «место произрастания».

Названия лекарственных травянистых растений – это своеобразная, национально-обусловленная система знаков, закрепляющих определенные стороны жизни живой природы, в которых находит отражение то, как человек видит это растение, каким его запоминает, какую ассоциацию у него оно вызывает, т.е. выделяется параметр качественный (характеристика со стороны цвета, размера, формы, особенности строения) [68]. Не менее важным является место произрастания (географические и ландшафтные понятия): лес, болото, водоем, степь, пустыня, горная, каменистая, глинистая, песчаная, соленая местность. В связи с чем проявляется параметр реляционный, позволяющий осуществить номинацию путем сравнения мира природы с данными предметными областями.

Наименование по месту произрастания осуществляется по объекту, расположенному на поверхности земли, рядом с которым можно найти растение. В частности, растения произрастают вдоль дороги, на болотах, на лугах, в огороде, в горах, на пустыре, на кладбище, на камнях, на холме и др., например, в русском языке:

на болотах: *болотник, крестовник болотный, аир болотный, земляника болотная, болотная роза, ельник болотный, лютик болотный, сабельник болотный*;

на лугах: *луговой буркун, луговая ромашка, сердечник луговой, чина луговая*;

в огороде: *укроп огородный, репа огородная*;

в горах: *горный лютик, арника горная*;

на пустыре: *пустырник*;

на кладбище: *могильник*;

на камнях: *косянка каменистая*;

на холмах: *солянка холмовая и др.*

В русском языке отдельно можно выделить целый ряд названий для обозначения *подорожника*, которые подчеркивает его приуроченность к дорогам, неслучайно такие фитонимы чаще всего образованы от лексем *дорога, тропа, путь и топтать*: *придорожник, придорожная трава, топтун-трава, дорожная трава, попутник* [195, с. 158].

В казахском языке в номинациях лекарственных трав также закреплено место их произрастания в горах, болотах, оврагах, дорогах, лугах, лесах и на камнях:

в горах: *таушымылдық* (горный занавес), *тау арникасы* (горная арника), *таужидек* (горная ягода), *таубұршағы* (горный горошек);

на болотах: *батпақ иірі* (болотный аир), *батпақ қалтагүл* (болотный карманный цветок), *батпақ мажырасы* (болотник обычный), *батпақ көкшөп* (болотная зеленая трава);

на камнях: *тасшүйгін* (растущий на камнях), *тасшөп* (каменный цветок);

в оврагах: *сайсағыз* (овражий каучук), *сай қайызғақшөп* (трава от перхоти, растущая в оврагах);

у дорог: *жолжелкен* (парус у дороги); *жолшөп* (трава по дороге);

на лугах: *шалғын құндызшөбі* (луговая трава бобра), *шалғын шайшөп* (луговая чайная трава);

в лесах: *орман бүлдіргені* (лесная земляника), *орман жүзімі* (лесной виноград) и т.д.

11. Мотивировочный признак «особенности произрастания».

В русском языке особенности произрастания выявлены в номинациях: *вьюнок, ползучка, перекасти-поле* и т.д.;

в казахском языке: *иіртамыр* (вьющийся корень), *иіршөп* (вьющаяся трава), *өрмекшөп* (ползущая трава), *шырмауық* (вьюнок), *қаңбақ* (бродяга, скиталец – о перекасти-поле).

Как мы наблюдаем, в обоих языках указываются одни и те же особенности произрастания трав.

12. Мотивировочный признак «время цветения, произрастания».

В русском языке: *морозник, безвременник, зимлюбка, первоцвет, рождественские ягоды* (поздней осенью на кустах омелы созревают плоды, остающиеся на растении до января, до рождества).

В казахском языке: *қысшөп* (букв. зимняя трава), *наурызгүл* (мартовский цветок), *қысшылшөп* (трава, любящая зиму), *қыстаушөп* (зимующая трава), *қысшагүл* (зимний цветок) и др.

Проанализируем последний пример: в русском языке *зимлюбка* содержит мотиваторы-слова «зима» и «любить», формант «-к-», на выходе получаем: *зимлюбка* - это трава, сохраняющая свои свойства зимой, т.е. «любящая зиму», здесь мотивировочные форманты – «-к-», мотивирующие синтагмы – «зима» и «любить», а в казахском языке *қысшылшөп* содержит мотиваторы-слова «қыс» и «шөп» (или словосочетание *қысшыл шөп*) и мотиватор-формант «шыл» («зима», «трава» и аффикс со значением «склонность к обладанию какими-то свойствами»), репрезентирующие то же

значение, что и в русском языке: қыс+шыл - *любящий зиму*, шөп – *трава*, *здесь* мотивировочные форманты – «шыл», мотивирующие синтагмы – словосочетание «*қысшыл шөп*».

Пример убеждает нас в том, что мотивирующий признак при внешнем кажущемся несовпадении может совпадать семантически.

13. Мотивировочный признак «количественные признаки».

Фиксация количественной характеристики в наименованиях реализуется на основе количественных суффиксов и количественных числительных от одного до тысячи от прямого и переносного значения слова, в русском языке: слова: *трилистник, парнолистник, тысячелистник, девясил* и т.д.;

в казахском языке: *қырықбуын* (сорок узлов), *қырықгүліше* (сорок цветков), *қырықаяқ* (сороконожка), *жүзжылдық* (столетник) *мыңжапырақ* (тысячелистник), *үшжапырақты гүл* (трехлистник), и т.д.

14. Мотивировочный признак «качественные признаки».

В русском языке: *красавка, дурнишник, сушеница, бессмертник* (названная за свойство высушенных цветков долгое время сохранять окраску) и т.д.; в казахском языке: *әйбәтмия* (красивая солодка), *шүйгіншөп* (сочная трава), *сүмелек* (паршивая трава). Как видно, формирование субъективных номинаций происходит на индивидуальном уровне и сопровождается активной мыслительной деятельностью человека [68].

15. Мотивировочный признак «форма».

В основу сравнения кладется форма листьев, стебля или цветков: в русском языке: *колокольчик, змееголовник, змеевик, змеевка растопыренная, раковые шейки*. В семантике указанных названий может отражаться метафорический перенос по форме растения. К примеру, *раковые шейки* свое название получили за необычную форму корневища - червеобразную, змеевидно-изогнутую и несколько сплюснутую по краям [224].

В казахском языке: *тайтұяқ* (букв. копыто жеребенка), *сиырқұйрық* (букв. хвост коровы), *жыланбас* (букв. змеиная голова), *шаянмойын* (букв. раковая шейка) и др.

16. Мотивировочный признак «размер, величина».

Как пишет С.Ю. Дубровина, в фитонимике размер растений может быть отражен через зоонимический код: растениям небольшого размера часто даются названия с прилагательными *мышинный* и подобными, а крупным - *коровий, медвежий* и т.д. [49].

Вслед за исследователем мы считаем, что названия растений, содержащие лексемы *вол, конь, коров*, символизируют крупные размеры самого растения, его листьев и других частей, например, *коровяк, воловик*. При номинации растений рассматриваемой группы принималась во внимание величина животного: многие из рассматриваемых названий принадлежат крупным растениям, например, в русском языке наименование *воловыи язычки* отмечено у блошницы дизентерийной. Это высокое растение (до 30 см высотой), с «серовато-войлочными, пушистыми семянками», стеблевые листья которого (язычки) при основании округлые, и «язычки почти не превышают обвёртки» [49, с. 62-63].

К примеру, другое название *коровяк* означает «высокое двулетнее травянистое растение, образующее в первый год жизни розетку прикорневых, сильно опушенных листьев, а во второй - могучий цветоносный стебель, на конце которого до глубокой осени цветут крупные, с медовым запахом желтые цветки».

Названия, восходящие к слову «*мышь*», основаны в основном на метафорическом соотнесении малого размера и цвета растений с мышью. Так, «мышьями» называли небольшие, низкорослые травы, например, *мышинный горошек*.

В казахском языке: *түйежапырақ* (лист верблюжий – о размерах), *түйебұршақ* (верблюжий горох – о величине), *семізтамыршоң* (травя с толстыми корнями).

Как видим, некоторые признаки преувеличены (горох большой как верблюд, лист большой как верблюд), что говорит о том, что субъективные признаки, выделенные на основе личностной оценки и ассоциативного мышления, ориентированного на обыденное сознание индивида, не всегда представляют реальные качества, свойства лекарственных травянистых

растений.

17. Мотивировочный признак «вкус, запах».

В русском языке в номинациях лекарственных растений встречаем мотивировочный признак, связанный со вкусовыми качествами или с запахом растения. Это фитонимы: по запаху: *душица, оман, вонючий дурман*», *вонюшка* и др., по вкусу: *медуница, медунка, медяник, сладкий корень, сладкий цветок, сладкая соска, щавель, кислица, кисличка, горец, горец птичий, горец змеиный, горечавка, горчанка, горчак, горчица*.

Так, наличие душистого аромата во всех частях растения отражено в русском научном названии растения *душица* (рус. дух, душить ‘пропитывать чем-то душистым’) [176, с. 560], а также в народных названиях *душичка, душиная трава*.

Как видно из ряда названий, особняком стоит слово «оман». Согласно проведенным исследованиям, «фитоним *оман*, используемый для обозначения девясила, связан с особым ароматом корней растения». В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера происхождение фитонима объясняется как *о-мань ‘мани ть’ ввиду одурманивающего действия этого растения [191, с. 138].

К названиям с мотивировочным признаком «запах», мы относим и фитонимы «вонючий дурман», «вонюшка».

В ряду номинаций с мотиватором «вкус» находится и фитоним *медуница*. В цветках *медуницы* содержится сладкий нектар [180, с. 298], который привлекает пчел. В.А. Меркулова отмечает, что термин *медуница* может быть связан с праславянским *medunica ‘название медоносного растения’ [99, с.106]. Данный признак находим в синонимичных номинациях *медунка, медяник*. Со сладким вкусом частей растения связаны названия *сладкий корень, сладкий цветок, сладкая соска*.

Здесь же отметим, что в казахском языке мы также находим аналоги *медуницы* - лекарственные фитонимы *балишытыр* (букв. медовое растение), *балқұрай* (букв. медовая трава).

К ряду названий, имеющих признак-мотиватор «вкус», мы относим в русском языке и слово *щавель*, которое образовано от древнерусского

щавьнь ‘кислый’ [191, с. 495]. Наименование связано непосредственно с кислым вкусом листьев и стеблей [176, с. 200]. А синонимические названия *кислица*, *кисличка* непосредственно указывают на кислый вкус растения [175, с. 60].

Органично примыкают к названиям фитонимов, включающих в свою семантику признак вкуса, лексемы *горец*, *горец птичий*, *горец змеиный*. Это видовое название связано с горьким вкусом листьев [176, с. 145]. Дополняют ряд фитонимы *горечавка*, *горчанка*, *горчак*, *горчица*, которые «используются исключительно для обозначения горького вкуса листьев горца змеиноного» [174, с. 264].

В казахском языке, как и в русском, мотивировочный признак «вкус» отражают *сладкий*, *горький*, *кислый* вкус лекарственного растения: *тәттітамыр* (букв. сладкий корень), *қышқылиөп* (букв. кислая трава), *ащы жұсан* (горькая полынь).

Добавим, что в казахском языке вкус может передаваться и через переносное значение: *қымыздық* (букв. вкус кумыса – «кислый»). Интересным в этом плане представляется название *саумалдық* (букв. свежий кумыс), в котором семантика вкуса растения передается через ассоциацию со вкусом свежего кумыса.

В казахском языке, как и в русском, мотивировочный признак «запах» указывает на пахучий, душистый или даже вонючий запах трав: *әтіршөп* или *әтіргүл* (букв. душистая трава), *жұпаргүл* (букв. пахучий цветок), *хош иісті рута* (букв. пахучая рута), *иісті балдыркөк* (букв. пахучая зеленая водоросль), *сасыршөп* (букв. вонючая трава), *сасықшөп* (букв. вонючая трава) и др.

В сходстве выражения признака по запаху можно убедиться на следующем примере. Рассмотрим названия одних и тех же растений *душица* и *жұпаргүл* (букв. душистый цветок) в сопоставляемых языках. В русском языке *душица* содержит мотиватор-слово или мотивирующую базу «душ-» (усечение от «душистый») и мотиватор-формант «-иц-»; в казахском языке *жұпаргүл* содержит мотиватор-слово «жұпар-» (душистый) и

мотивировочный формант «-гүл» (цветок) или словосочетание «жұпар гүл» (душистый цветок), репрезентирующие значение «цветок с душистым запахом»; здесь мотивирующая синтагма – словосочетание «*жұпар гүл*» (душистый цветок).

Таким образом, применение растений в различных жизненных ситуациях выделило принципы номинации, оценивающие сладкий, горький, кислый вкус растений, а также их душистый, пахучий, дурманящий или вонючий запах. Запах может использоваться растениями-медоносами для привлечения насекомых для опыления, поэтому в названиях данных растений присутствует лексема *мед*, которая указывает на сладость этих растений.

18. Мотивировочный признак «способность выделять жидкое вещество, сохранять влагу».

Некоторые названия лекарственных растений включают в свою семантику такой признак, как «способность выделять жидкое вещество, сохранять влагу». Так, в русском языке это такие наименования растений, как *молочай* (из стеблей и листьев при надрезе вытекает вязкий и белый, как молоко сок), *росянка* (на выростах-ресничках, покрывающих пластинку листа, сверкают, как роса капельки прозрачной липкой жидкости и от этого кажется, что вся травка покрыта росой), *смолевка* (имеет клейкие стебли). А способность растения сохранять влагу и оставаться влажным даже в сухую погоду отражена в таких фитонимах, как *мокрижник*, *мокруша*, *водяная звёздочка* [99б, с.138], [178, с. 54].

В казахском языке: *сүттіген* (молочный), *желімсабақ* (клейкий стебель), *майтамыр* (масляный корень), *майлы шөп* (маслянистая трава), *шықшөп* (росистая трава), *шықша* (как роса) и др.

19. Мотивировочный признак «характерное действие».

В русском языке: *жгучка*, *колючелистник*, *колюка*, *колючка*, *разрыв-трава*, *скакун-трава*, *прыгун-трава*;

в казахском языке: *қышытпа* (заставляющий чесаться), *шашыратқы* (разбрызгивающий), *тікенишөп* (колючая трава) и др.

20. Мотивировочный признак «этнонимы».

В русском языке: *татарник*, *татарское зелье*, *татарское мыло*,

лебеда татарская, горичник русский, кунжут индийский, монгольский чай, итальянская трава, еврейская трава, валериана греческая; в казахском языке: моңғол шайы (монгольский чай), италиян шөбі (итальянская трава), үнді күнжіті (индийский кунжут) и др.

21. Мотивировочный признак «антропонимы».

В русском языке: *иван-да-марья, василек, ерофей, марьянник, мартинова рука, анютины глазки; в казахском языке: иваншай, анютагүл, анюташөп (цветок анюты), мәриягүл (цветок мариин) и др.*

22. Мотивировочный признак «народные поверья, верования, обряды, легенды».

В русском языке: *богова слезка, золото мариин, андреев крест, соломонова печать, слезы божьей матери, ахиллесова трава, чертополох, приворотень, кукушкины слезки, ласточкина трава и др.*

Последнее словосочетание на первый взгляд можно отнести к группе «корм для птиц», но, согласно старинной легенде, ласточка лечит глаза своим ослепшим птенцам соком чистотела, отсюда и название растения.

В национально-культурном компоненте значения названий со словом *кукушка* нашли отражение поверья, обряды, народные представления об образе жизни человека.

В казахском языке: *шайтанкелмес (черт не придет), тәуіндәрі (знахарское зелье), құсқонбас (букв. птица не сядет).*

23. Мотивировочный признак «родственные, половые и другие отношения и характеристики человека».

В русском языке: *дедовник, дед колючий, бабья соль, шитовник мужской, невестица, невесточка, братики, брат-и-астра, мать-и-мачеха, материнка.* Например, *мать-и-мачехой* растение зовется потому, что на ощупь нижняя, опушенная мягкими волосками поверхность листьев этого подснежника, если приложить к телу, ласково согревает, как мать, а верхняя сторона твердая и холодная, как мачеха.

В казахском языке: *өгейшөп (трава мачеха), еркек усасыр (мужской ядовитый щитовник), адамтамыр (человеческий корень), еркек (мужчина), еркекшөп (мужская трава).*

Также следует для объективности добавить, что в некоторых случаях

продуктивность того или иного признака в казахских и русских названиях лекарственных растений обусловлена мотивированностью лексических единиц латинского языка. Так, сходство определенных частей растения с животными, другими предметами имело место и в среднелатинском языке. К примеру, латинский термин *Lagochilus* («зайцегуб»: «lagos «заяц»+chilos «губа»), основанный на сходстве растения с *заячьей губой*, употребляется в русской и казахской номенклатуре без перевода как *лагохилус*, а также параллельно в них функционируют семантические кальки: в русском языке - *зайцегуб*, в казахском - *қоянерін* (букв. заячья губа). Или: в основу латинского названия *Sanguisorba officinalis* (кровохлебка лекарственная) положен признак лечебного действия растения. Родовое название *Sanguisubae*, образованное от латинского *sanguis* (кровь) и *isorbere* (поглощать, хлебать), связано с кровоостанавливающими свойствами растения. Видовое определение *officinalis* (аптечный) указывает на лекарственное применение вида. В основу образования русского и казахского названий (в русском языке *кровохлебка лекарственная*, в казахском - *қандышөп* (букв. кровавая трава) положен тот же признак, что и в латинском: трава, используемая при кровотечениях. Значит, определенная часть названий лекарственных травянистых растений русского и казахского языков образована путем калькирования латинских слов [154].

Однако среди других латинских названий лекарственных травянистых растений, в основу образования которых положен, к примеру, мотивировочный признак «сходство растения или его частей с различными предметами, животными, птицами и другими растениями», процесс калькирования отдельных слов не нашел отражения ни в русском, ни в казахском языках. Например, латинское название *Leonurus* (букв. львиный хвост: *Leonis* - «лев» + *ura* - «хвост») передается в русском языке словом *пустырник*, в котором мотивировочным признаком выступает «место произрастания». В русском языке *пустырник* содержит мотиватор «пустырь» и формант «-ник», растение часто встречается на пустырях,

пустошах.

В казахском языке название дано словом «*сасықшөп*», в котором имеются мотиватор *сасық* (букв. вонючий) и формант *шөп* (букв. трава, растение), мотивировочным признаком выступает «запах»: как известно, пустырник имеет очень сильный запах. Мотиваторы «место произрастания» (русский язык) и «запах» (казахский язык) не совпадают с латинским мотивировочным признаком.

Таким образом, и в русском, и в казахском языках названия лекарственных растений имеют 23 мотивировочных признака.

Анализ внутренней формы мотивированных названий лекарственных травянистых растений русского и казахского языков продемонстрировал как сходство, так и различия. Сходство проявляется в наличии одинаковых мотивировочных признаков, в выборе одного и того же мотиватора.

Реконструкция процессов вербализации многих понятий доказывает, что в обоих языках для наименований выбраны одни и те же наиболее общие признаки реалий, такие, как: *цвет; целебное воздействие; использование в быту; сходство растения или его частей с различными предметами, животными, птицами, другие растениями; место произрастания; особенности произрастания; количественные признаки; качественные признаки; время цветения; размеры и величина; вкус, запах; способность выделять жидкое вещество, сохранять влагу; характерное действие; этнонимы; антропонимы; народные поверья, верования, легенды; половые, родственные и другие характеристики человека и др.*

Нельзя не согласиться с утверждением Д.С. Сетарова, что «сходство в способах номинации отнюдь нельзя рассматривать как результат случайных конвергенций, оно закономерно и говорит о тождественности человеческой природы и общности психических законов. Кроме того, фантазия называющего субъекта всегда ограничена рамками объективной действительности, а первоначальный импульс к возникновению названия идет не от языка, а от самого предмета: всякое возникшее в языке наименование мотивировано свойствами, признаками называемого объекта»

[132, с.51].

Таким образом, большинство русских и казахских названий лекарственных травянистых растений обладают прозрачной внутренней формой, мотивировочные связи с производящими основами восстанавливаются достаточно отчётливо. Мотивировочный признак, составляющий основу внутренней формы слова, реконструируется путем установления определенных отношений между фрагментом действительности, зафиксированным в номинативном арсенале языка, и новым фрагментом, фиксируемым в языковом сознании номинаторов.

Выводы по второй главе

Сопоставляемые языки имеют общие словообразовательные категории, однако степень продуктивности, характер словообразовательных значений, круг производящих основ данных категорий не идентичны.

Как мы писали выше, понятие «словообразовательная категория» продуктивно более всего для сравнения словообразовательных систем близкородственных языков, т.к. в них словообразовательные категории сходны. Здесь описание словообразовательной системы названий лекарственных травянистых растений обоих языков основывается на их типологических характеристиках, среди которых агглютинативность казахского и фузионность как типологическое свойство русского языка.

Сопоставительный анализ на словообразовательном уровне существительных, относящихся к семантической группе «названия лекарственных травянистых растений» в русском и казахском языках, показывает, что 2 способа образования слов в них одинаковы: это аффиксальный суффиксальный и словосложение.

Вместе с тем, мы отмечаем специфические особенности языков, выражающиеся в разном количестве словообразовательных моделей.

Лексическое значение производных и непроизводных названий растений связано с мотивированностью производного слова. Семантика производного слова состоит из лексического, грамматического и словообразовательного значений.

Словообразовательное значение названий лекарственных растений указывает на тот или иной оттенок значения, процессуальность, признаковость, предметность и т.п.

Словообразовательное значение является неоднородным, поэтому его определение связано с выделением ряда признаков. Существенным является то, что анализ языковых единиц с позиции ономаσιологического подхода позволяет выявить слова, используемые при обозначении одного и того же понятия в каждом из языков, проследить динамику словопроизводства.

Основными типами структурных моделей названий лекарственных растений в нашей работе являются: непроеизводные слова, производные слова, сложные слова, сложносоеффиксальные названия, дву-(трех-) словные комплексы.

Производные названия русского языка образованы с помощью 27 словообразовательных аффиксов (с различными вариантами); в казахском языке – 9 аффиксов.

В казахском языке, в отличие от русского, отсутствует префиксально-соеффиксальное словообразование, что связано с различием в морфологической структуре сопоставляемых языков: агглютинативностью казахского языка и, соответственно, отсутствием префиксальных аффиксов, а также смешанный способ – сложение с сееффиксацией.. Несовпадение частотных характеристик указывает на внутриязыковые различия.

Сложные названия лекарственных растений русского и казахского языков, образованные сложением в казахском и сложением и сееффиксальным способом в русском языке, фиксируют либо один, либо несколько свойств растения.

Внутри морфологического способа в русском языке преобладает сееффиксальный способ (24,2%), на втором месте - сложение с сееффиксацией (4,9 %), на третьем – чистое словосложение (4,5 %), на четвертом – префиксально-соеффиксальный (2,3%), на пятом – префиксальный (0,4%).

Внутри морфологического способа в казахском языке на первом месте словосложение (23,1%), на втором - аффиксоидный (13 %), на третьем – сееффиксальный способ (5,2%).

Число казахских названий лекарственных растений, образованных способом словосложения, превышает количество образованных способом сложения в русском языке. Основная масса сложных названий лекарственных растений казахского языка состоит из двух компонентов, реже трех, связанных путем примыкания и изафета II типа; в русском языке сложные номинации чаще всего состоят из двух компонентов. Также в казахском языке активен аффиксоидный способ словообразования. В русском языке аффиксоидный способ словообразования номинаций лекарственных растений нами не отмечен.

Суффиксальный способ наиболее активен в русском языке.

В казахском языке не могут иметь место префиксально-суффиксальный и префиксальный способы, не встречается сложение с суффиксацией.

Как в русском, так и в казахском языке, преобладающим способом словообразования выступает синтаксический способ. На его долю в русском языке приходится 63,7% всех названий лекарственных травянистых растений, в казахском языке – 58, 7%. На рисунке это выглядит таким образом:

Таблица - 11. Способы словообразования названий лекарственных трав в русском и казахском языках

Язык	Активность способов словообразования (занимаемое место)					
	1	2	3	4	5	6
Рус- ский	Синт. Сл/сочета- ния 63,7%	Морф Суфф. 24,2%	Морф. Сложение + суфф. 4,9%	Морф. Сложение 4,5%	Морф. преф.- суфф. 2,3%	Морф. Преф. 0,4%
	1	2	3			
Казах- ский	Синт. Сл/сочета- ния 58,7%	Морф Сложение 23,1%	Аффиксо- идный 13%	Суфф. 5,2%	-	-

В словарном составе русского и казахского языков названия лекарственных растений представляют собой особый системный пласт лексики с собственной историей развития. Характерным для этого пласта

лексики является множество названий для одного лекарственного растения, наличие эквивалентной лексики, что выделяет ее среди других пластов языка и требует дальнейшего детального анализа.

Как в русском, так и в казахском языке, данный пласт лексики представлен разноструктурными единицами номинации, соотношение способов в каждом из данных языков характеризуется своими особенностями, каждая семантическая и частеречная модель имеет свой удельный вес, при создании наименования растений используются все продуктивные способы исследуемых языков.

Группы названий лекарственных растений и в русском, и в казахском языках имеют 23 мотивировочных признака.

Анализ внутренней формы мотивированных названий растений обоих языков продемонстрировал как сходство, так и различия. Сходство проявляется в наличии одинаковых мотивировочных признаков, в выборе одного и того же мотиватора. Различия наблюдаются в количественном плане: каких-то номинаций по тому или иному признаку больше в русском языке, каких-то – в казахском. Большинство русских и казахских названий обладают прозрачной внутренней формой, мотивировочные связи с производящими основами восстанавливаются достаточно отчётливо.

3 ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Названия лекарственных травянистых растений - одна из древних лексических микросистем, в которой закреплён опыт практического и культурно-мифологического освоения растений как части окружающей человека природы.

Те или иные признаки лекарственных травянистых растений так или иначе были отмечены традиционной культурой и, что очевидно, легли в основу их семиотического статуса. Определённая часть номинаций демонстрируют, как признаки растений на акциональном уровне отражаются в различных обрядах, в народной магии, мифах, верованиях, а некоторые другие признаки, например, цвет, выступают как эмоционально-стилистический компонент номинации.

3.1 Отражение мифов и верований в русских и казахских названиях лекарственных травянистых растений

В исследованиях ученых, посвященных легендам о происхождении растений четко прослеживается влияние некоторых их признаков и свойств на этиологические предания [117, с. 38-39]; [148]. При этом те сюжеты, которые в этиологических рассказах развернуты подробно, могут содержаться в названиях растений в «свернутом» виде, то есть культура кодирует информацию, которая должна быть сохранена, на нескольких уровнях одновременно: «...представление о культуре традиционного типа, как о системе с единой семантической парадигмой в плане содержания и множественностью систем выражения, сводящихся в конечном итоге к двум основным (фольклорной и этнографической), нуждается в одной существенной коррективе. „Посредником“ между этими двумя системами является третья система — естественный язык. Будучи универсальным

интерпретантом — интерпретантом всех систем, сосуществующих с ним в культуре, язык не только «обслуживает» всю этнографическую реальность, но и моделирует ее, хотя бы такой существенной своей частью, как словарь. Каждому элементу этой реальности (будь то вещи, процессы, обрядовые действия или система родства) в словаре соответствует какой-то термин; таким образом, структура словаря оказывается моделью всего быта коллектива, всей системы его деятельности и представлений. В то же время слово составляет языковую базу фольклора, его лексическую парадигматику. Словарь языка в целом моделирует этнографический аспект культуры и в свою очередь реализуется (как в фактах „речи“, parole) в фольклорных текстах» [10, с. 28–29].

Для того, чтобы разобраться в механизмах символизации, необходимо выделить те признаки растений, которые обусловили их функции и проявили себя в народных названиях, в поговорках, в этимологических рассказах, в использовании растений в области магии и народной медицины. Для этого правильным будет группировать растения по их признакам, отмеченным в языке и культуре [74].

Одним из признаков, по которым осуществляется номинация лекарственных растений, является связь с каким-либо поверьем, связанным с растением. Такой способ номинации присутствует практически во многих языках. Фитонимы, образованные подобным образом, малочисленны, но зато интересны относительно своих связей с духовной культурой народа.

Культурную информацию можно получить из внутренней формы народных названий лекарственных растений, в которой присутствуют «следы» культурных явлений - мифов, архетипов, обычаев и традиций, отражены исторические события, отдельные фрагменты культуры. Нередко природные явления с точки зрения деятельности практики человека наделяются в мифотворчестве как первичной форме человеческого сознания отдельными свойствами и функциями. Наиболее древними из мифов, относящихся к растительной тематике, считают миф, повествующий о

появлении красивого цветка из крови погибшего героя или героини.

Названия растений, которые образованы по мотивационной модели *мифологический мотив - название растения* можно называть мифологическими [74].

Наиболее ярко культурная информация прослеживается в народных названиях. Например, устойчивые выражения *анютины глазки*, *кузьмичева трава* связаны с денотативными параметрами, в которых имена собственные Анюта, Кузьмич представляются показателями культурно-значимой информации.

Своеобразна растительная символика в народной культуре. Одним из популярных растений в славянской культуре является *папоротник*, который имеет множество народных названий *перунов цвет*, *жар-цвет*, *разрыв-трава*, *кочедыжник*. Название «папоротник» дословно переводится как «крылоцвет», так как «папороть» на древнерусском означало «крыло». В славянской мифологии папоротник – *растение Перуна*, бога языческой Древней Руси. Он - космический громовержец, податель дождя на поля, покровитель русского воинства.

В русском народном сознании папоротник связывали с сакральными событиями языческого календаря (с днем Ивана-Купалы и Ильи-Пророка), обладающего свойствами волшебного цветка. По поверью этот цветок, едва возникнув в Иванову полночь, дает яркое пламя и тут же исчезает. Нечисть всячески стремится завладеть им; существует множество предписаний о том, как именно следует вести себя, чтобы его заполучить. Тот, кто завладеет этим цветком, может узнать все и стать счастливым. Благодаря этим свойствам, папоротник получил другие названия: *перунов-цвет*, *жар-цвет*.

В казахском народном сознании *адыраспан* (гармала) обладает магическими лечебными свойствами, а также является оберегом и защищает от «сглаза», «порчи».

В народном названии *перелет-трава* сохранилась вера людей в могущество Перуна, обладающего способностью создавать «крылатые цветы». Папоротник на Руси часто называли *разрыв-травой* и верили, что

одного прикосновения его цветка достаточно, чтобы открыть любой замок, разорвать железные кандалы или путы. В сознании русского народа папоротник связан с именем Ивана Купалы и Ильи-Пророка. Согласно одной из легенд, бог Солнца - Ярило облагодетельствовал людей, даровав им огонь. Каждый год, в ночь с 23 на 24 июня, он посылает на землю огонь, который разгорается в цветке папоротника. Человек, нашедший и сорвавший в Иванову ночь «цвет-огонь» папоротника, сам становится невидимым и приобретает способность видеть сокрытые в земле клады, понимать язык всякого дерева и всякой травы, речь зверей и домашних животных. Таким образом, народная фантазия приписывает *папоротнику* свойства волшебного цветка, обладающего массой завидных свойств, отражая тем самым народную идею идеального цветка счастья, символа богатства [74].

Наименования растений как важной составной части жизни и быта народа, его обрядов, традиций, верований вошли во фразеологический фонд языка. «Национальное своеобразие фразеологии как отражения мировосприятия народа проявляется преимущественно в ее образно-мотивационных основах. Анализ образной основы фразеологизмов является важным звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности», – подчеркивает И. Дапчева [45, с.181]. Благодаря национально-культурным признакам, присутствующим во фразеологизмах, со всей полнотой проявляются экспрессивность, образность речи того или иного народа. Анализ компонентов фразеологических единиц способствует выявлению символов и эталонов, используемых для обозначения состояния человека, его действия, отношения к жизни. В качестве опорных компонентов в русских фразеологизмах используются наименования *ромашка, белена, перец, редька, капуста, хмель, трава, ягода, репей*. Например, *гадать на ромашке; белены объелся* (обезумел); *задать перцу* (распекать, ругать); *как горькая редька* (невыносимо сильно надоесть), *как капусту рубить* (на мелкие кусочки, части); *хмель вылетел* (отрезвел); *хоть трава не расти*

(полное равнодушие к чему-либо), *тише воды, ниже травы* (робкий, скромный, незаметный), *одного поля ягода* (схожие, одинаковые). В идиоме *привязался как репей* русское языковое сознание представляет репей в качестве эталона навязчивости, так как его цветки с созревшими сеянками цеплялись за одежду человека, шерсть животных.

В пословицах и поговорках отражены концептуальные коннотации дескриптивного, интенсивного, эмотивного характеров.

По мнению Г.В. Токарева, «коннотации входят в импликационал значения, образуя тем самым отдельный его компонент, который, несмотря на неоднородность своего содержания, является частью прагматического блока, поскольку формирующая его смыслы возникают в результате использования знака членами лингвокультурной общности» [143, с.57].

Паремии передают и амбивалентность растительных понятий в народном языковом сознании. Так, например, мак с незапамятных времен повсеместно выращивался как пищевое растение. Его семена, содержащие большое количество приятного на вкус жирного масла, белков, сахара, были излюбленным лакомством; коржики, калачи и пироги с маком – принадлежность русской кухни, см. русские пословицы: «*Черен мак, да бояре едят. Рад Яков, что пирог с маком. Мачок с медом – усы оближешь*». Однако в народе бытовало несколько пренебрежительное отношение к маку как к баловству, неглавной культуре: «*В кармане-то мак, а в другом-то и так*». «*Семь лет маку не родило, а голоду не бывало. Сеяла баба мак: уродится – так мак, а не уродится, ин и так*» [198, с. 51].

Рассмотрим некоторые названия в русском языке.

Название *вероника* (букв. трава для приворота, приворотное зелье), растение использовалась в целях приворота.

Папоротник (букв. подголовник, подушка мертвеца); другие названия папоротника – постели мертвеца; такие названия связаны с обычаем обкладывать покойника в жаркое время листьями папоротника, считавшегося противогнилостным средством [81, с. 74].

Наименования лекарственных травянистых растений с лексемой «змей» содержат культурную информацию, отражающую амбивалентное мифологическое представление древних славян о змее как символе мудрости и одновременно опасности.

В народных названиях лекарственных травянистых растений отражаются мифологические представления казахов. К наиболее древним относится миф, повествующий о рождении прекрасного цветка базилика на месте отсеченной руки девушки: «Давным-давно жил хан Сумырай. Ненасытный хан установил для людей тяжелые времена, лишив людей воды. В те времена жила красавица-искусница. Как-то она надумала пойти во дворец, чтобы поговорить с ханом о его действиях. Сумырай-хан рассердился и приказал отрезать девушке руку. В этот момент бог превратил пять пальцев девушки в прекрасный цветок. Рассерженный народ убил хана, а в память о прекрасной девушке родился узор в форме цветка, используемый в народном ремесле» [218, с. 69].

В казахском языке мифологические представления, связанные с верой народа в «нечистую силу», сохранились в названиях лекарственных травянистых растений. Например, *шайтанкелмес* (букв. черт не придет) и *жыңқумас* (букв. злой дух не прогонит). Согласно поверьям, эти растения можно было использовать для защиты себя и своего жилища от нечистой силы.

Разнообразие мифологических представлений об одном и том же растении, а также многолетние наблюдения с применением на практике порождало многовариантность символики фитонимов. Например, в славянской культуре сложилось особое представление относительно барвинка. Он применялся в качестве оберега для скота, средства обрядового «покумления», породнения (в течение Семицкой недели), свадебного венка, а также символизировал долголетие и вечную память.

Символом жизни, здоровья, одиночества выступает *мята* в казахской ментальности, о чем говорят устойчивые выражения *жалбызды жерде жан қалар* (букв. где мята, там и жизнь).

Между названиями растений существуют синонимические отношения.

Например, фитоним *белая кувшинка, белый ландыш, незабудка* символизировали женскую красоту, чистоту, невинность, верность. Близки по символической семантике в казахском языке названия цветов: *жұпаргүл* (душистый цветок), *меруертгүл* (жемчужный цветок), *қырмызыгүл* (красный цветок), *жанаргүл* (горящий цветок) и т.д.

Таким образом, культурную информацию можно получить из внутренней формы народных названий лекарственных растений, в которой присутствуют «следы» культурных явлений - мифов, архетипов, обычаев и традиций, отражены исторические события, отдельные фрагменты культуры.

3.2 Обрядность в названиях лекарственных травянистых растений

В народном восприятии роль растений и цветов была многофункциональной. Особое значение придавалось целебным качествам. М.А. Ващенко отмечает, что в практике народных знахарей лечение травами закреплялось чтением магических текстов - заговоров: «Жар, сон, зель-трава, чаровальная вода, причаруй колдова, Гаврилу черноброва» [23, с.118].

Заговоры представляли собой своеобразный склад поэтического мышления. По словам А.А. Потебни, заговоры – «словесное изображение пожелания через сравнение» [115, с.147]. Вера народа в магические свойства растений и другие свойства сохранились в народных названиях и в настоящее время: *чертополох, приворот, семисильник, богородская трава, лядник* (от ляд - черт), *сон-трава, царь-трава, девясил* и другие.

Жизнь растительной символики в народной культуре была заключена в обрядности, которая делилась на календарную и обрядность «перехода» (соответствующую жизненным циклам). Так, обряды весенне-осеннего цикла, такие как Красная Горка-Троица, Иванов день, имели языческое происхождение. Все остальные выполняли роль благополучного перехода от зимы к лету [Гаммерман А.Ф.].

На Руси сбор трав приурочивался ко дню Аграфены-купальницы (6 июля) и следующему за ним дню Ивана-Купалы (7 июля). По народному

поверью, собранные в эти дни травы обладали особой целительской силой [225]. По легенде, римлянка Агриппина, жившая в 3 в. н.э., стала почитаема в народе как истинная христианка, принявшая мученическую смерть за свою веру. К ее мощам собиралось большое количество верующих, а больные, приходившие к ее гробу поклониться, чудесным образом выздоравливали. В русской традиции Аграфена (русский вариант имени Агриппина) известна под именем Купальницы, т.к. день ее памяти предшествовал празднику Ивана Купалы. Ряд обрядовых действий этого праздника совершался местами в день Аграфены Купальницы. Ночь с Аграфены на Ивана (Иван Купала) считалась волшебной (Купальская ночь), на нее приходился и пик праздничного веселья и разгула [227].

После того, как с полей были убраны рожь и пшеница, приступали к сбору хмеля. *Хмель* на Руси считался символом богатого урожая, поэтому сбор «хмельного» продукта всегда проходил весело и сопровождался народными гуляньями. Славяне считали, что Яриле, богу плодородия, силу придавал *хмель*. Видимо, с тех времен сохранился обычай осыпать жениха и невесту цветами хмеля. Ведь хмель стоек, крепок и плодовит, так пусть и молодые тоже будут здоровыми и богатыми [226].

Сезонный сбор трав, сведения о полезных свойствах, в том числе целительских качествах, у русского народа было женским достоянием.

Растения, появляющиеся первыми, использовались в различных обрядах, и оценивались положительно. Так, кто весной в первый раз увидит *первоцвет*, *фиалку*, тот должен ей «оторвать венчик и съесть, чтобы быть целый год молодым и здоровым» [221].

В обрядах находят отражение в переносном смысле и значения вкусовых качеств растений. Так, в песнях полынь обычно символизирует горькую жизнь; с ней ассоциируется несчастный; нелюбимый человек; чужое место.

Со значением «горький» перекликается и значение слова «слезы» в названии *кукушкины слезки*. В русском языковом сознании, кукушка – женский образ, олицетворение горькой судьбы и печали. По обычаю, на

«зеленой неделе» в начале лета девушки отправлялись в лес водить хороводы. Свои песни и пожелания они адресовали кукушке, которая исстари считалась вещей птицей. А так как увидеть кукушку не удавалось, то песни свои они адресовали небольшому цветку с пятнистыми листьями, считая, что эти пятнышки не что иное, как слезы кукушки [203, с. 162, 213].

В поверьях и обрядах находит отражение и такой признак растений, как запах.

В славянской культуре полынь считалась символом печали и страданий, недаром её называют «вдовьей травой». Горький, терпкий запах, по представлениям людей, способен разогнать русалок и другую «нечистую силу». Полынь клали на окна и пороги, а если приходилось ночевать на открытом воздухе – под голову. О значении полыни в жизни восточных славян В.Б. Колосова пишет: «Все славяне использовали полынь в календарных обрядах – в качестве оберега от русалок и схожих мифологических персонажей, в похоронном обряде, в народной медицине – от заболеваний пищеварительного тракта, от кишечных паразитов, а также в сфере гинекологии» [74, с.13].

У казахов полынь ассоциировалась с родиной, с землей предков. Траву полыни в качестве оберега брали с собой, отправляясь в дальний путь. Қ. Қайырбаева пишет: «Трава полыни считалась священной для степняка. Ее брали с собой в дорогу, когда приходилось далеко уезжать. Существовало поверье, что она поможет путнику вернуться здоровым и невредимым» [67, с.31].

Растения с сильным запахом обычно служили оберегом, причем, не только растения с резким, неприятным запахом, как полынь или чеснок. Оберегом от русалок является и зоря (любисток) [201, с. 680]. Базилик с его приятным, душистым ароматом также служит мощным апотропеем. Петрушка и мята, напротив, привлекают нечистую силу [203, с.1103]. И полынь, и любисток оберегали также от лихорадки; в Вятской губ. говорили, что «лихорадка не любит запаха зори», и разводили любисток в садах [202, с. 214]; «полынь, любисток, редька, конопля и другие пахучие растения —

также обереги» [202, с.132]. Растения с резким запахом служат и защитой от ходячего покойника [65, с.8]. Пахучие растения и чеснок подкладывали под подушку в качестве отгонного средства [26, с. 82–83].

Воздействие ядовитых растений отразилось в паремиях: «Дурману, белены объелся (одурел, ошалел)» [200, с.365]. Имя сон-травы давалось таким растениям, чей сок, отвар или запах «производят на человека одуряющее действие», в частности, красавке белладонне, белене черной и др. [196, с. 396].

Жгучесть крапивы обусловила возможность ее использования вместо купальского костра, причем, крапивный куст сменил в этой роли зажженную солому. Это же свойство сделало крапиву в глазах крестьян сильным оберегом от ведьм и русалок — в ночь на Ивана Купалу ее клали на окна, пороги дверей, вешали в хлеву, бросали в реку перед купанием. Высушенный крапивный корень предохраняет лицо, руки и ноги, натертые им, от замерзания [201, с. 424].

Заметим, что наличие общих черт во вкусовом и обонятельном образах зависит от того, что сенсорные стимулы (какие-либо объекты действительности, обладающие тем или иным цветом) активируют сенсорные системы - вкус и обоняние, а они являются одинаковыми у всех людей [42, с.13].

Растения присутствуют в сюжетах с нарушением запрета и наказанием возлюбленного, тело которого превращается в цветы. Нарушение запрета в любви между братом и сестрой является одной из древнейших тем мирового фольклора. Возможно, этим объясняется происхождение ряда названий растений, как, например, *иван-да-марья*. История о происхождении цветка иван-да-марья ‘марьянник дуб’ встречается как в качестве этиологического рассказа, так и в качестве купальской песни [204, с. 603]: узнав о невольно совершенном преступлении, брат и сестра «посеялись» цветами — брат - синим, а сестра — желтым. Двухцветная окраска растения отразилась в использовании его как оберега. А представление о происхождении этого растения из супружеской пары обусловило и другое магическое применение:

траву использовали «для водворения согласия между супругами» [174, с. 211].

Верой в силу волшебного растения одолевать «злых людей» и всяческие препятствия в пути обусловлено название *одолень-травы*; в соответствии с названием, трава эта упоминается в заговоре «на путь-дороженьку» [201, с. 289].

В русской народной культуре лечение травами переплетались с магией и заговорами. Травы, которые в лечебной магии использовались для снятия порчи, сглаза, должны были собирать в определенное время. Например, *мать-и-мачеху*, *мяту* собирали на Иоанна Крестителя, *папоротник* на Троицу или второй день Троицы. Многим травам предписывалось специфическое назначение: *анютины глазки* от сглаза и порчи. Во время сбора лекарственных растений произносили молитву: «Земля-Мати, благослови меня травы брати, и ты, трава, мне мати». В любовной магии растения образовывали оппозиционные ряды по принципу пола (женские, мужские). Например, *василек*, *любисток* использовали для приворота.

В сравнении с мифом, народный обрядово-фольклорный уровень развития растительной символики означал конкретные представления каждого этноса. У казахов превалировала обрядовая сторона по сравнению с религиозной, которая делилась на календарную, соответствующую хозяйственной жизни казаха-кочевника. Примечательно, что в русской традиции жизнь растительной символики также заключалась в обрядности, соответствующей событиям сакрального года и жизненным циклам. «Фитонимы, как и другие слова, выполняют в языке роль символов, благодаря таким семантическим признакам, как многозначность, образность (переносность) и свернутость (имплицитность) смысла, архетипичность, универсальность в отдельном языке и символическая близость со словами других языков, семантическая многовариантность за счет индивидуальных особенностей носителей языка и дуализм символического значения» [113, с.11-12].

Также и в казахской культуре лингвокультурный ореол названия

лекарственных травянистых растений может основываться на народных обычаях и традициях, в использовании в народной медицине.

Одним из известных лекарственных растений, используемых как в научной, так и в народной медицине, является *адыраспан*. Причина популярности растения заключается охранительной функции, приписываемой ему в народных поверьях, согласно которым свисающий пучок гармалы над дверью способен отгонять злых духов, воров, болезнь, защищать от сглаза. Ө. Әбдіраман по этому поводу писал: «В последнее время мы стали видеть, как гармалу вешают дома. Видимо, сохранилось поверье, что в дом, где висит гармала, не войдет злой дух. Издавна казахи использовали гармалу в лечебных целях» [197, с. 36]. Использовали его и в целях дезинфекции и профилактики различных заболеваний. Дым адыраспан *гармалы* убивает микробы и вирусы.

До настоящего времени сохранились выражения «Көк шөпті жұлма, киесі бар» (букв. Не рви зеленую траву, у нее есть хозяин), «Көк шөпті жұлма, киесі атады» (букв. Не рви зеленую траву, хозяин накажет), в которых отражены древние народные поверья, связанные с растительной символикой и восходящие к временам зарождения тенгрианства.

Существовал обычай купания ребенка с мылом, приготавливаемым из растения *алабота* (букв. пестрый жеребенок). А. Алдашев описывает этот обычай: «Для получения черного мыла собирали растение марь, сушили, клали в казан и затем сжигали. После чего оставшиеся пепел снова собирали, добавляли жир и варили в другом казане. Из остуженной массы лепили отдельные кусочки. Одна из особенностей такого мыла - способность излечивать прыщи, чесотку» [194, с. 105].

В старину бродячих собак кормили едой с добавлением растения *күшала* (букв. забирай силу), после чего она слабела и погибала. В казахском языке сохранилось устойчивое выражение со словом *күшала*: «Көп жортқан ит күшалаға жолығар» (досл.: «Собака, которая слоняется без дела, добьется того, что ее накормят кушалой»). Указанное выражение употребляется в переносном значении и используется для характеристики

человека, который, слоняясь без дела, может попасть в неприятную историю.

В казахском языке *күшала* также имеет название *қара пышақ* (букв. черный нож). Название *қара пышақ*, по-видимому, возникло на основе сходства листьев, края которых похожи на острие ножа, а внутренняя часть цветков имеет черный цвет.

В народном восприятии роль лекарственных растений была многофункциональной. Культурную информацию можно получить из внутренней формы народных названий лекарственных растений, в которой присутствуют «следы» таких культурных явлений, как обрядов, обычаев и традиций.

3.3 Особенности концептуализации названий лекарственных травянистых растений

Способ представления мира у каждого народа сугубо специфичен и представляет собой результат стереотипов восприятия различных способов концептуализации, категоризации, классификации и описания объектов действительности, которые складывались на протяжении длительного периода времени в силу различных факторов: социальных, культурно-исторических, этнопсихологических. «Каждая культура вырабатывает свой символический язык и свой образ мира, в котором и получают свое значение элементы этого языка. В языке находит отражение культура, поэтому слово и другие единицы языка приобретают в языке культуры дополнительную, культурную семантику – особое символическое значение» [159, с.81].

Сопоставительный аспект лингвокультурных компонентов названия лекарственных травянистых растений направлен прежде всего на выяснение вопроса, как в языковом знаке находит отражение национальный характер видения окружающего человека мира природы. Исследование названия лекарственных травянистых растений в энолингвистическом плане позволяет выявить особенности отображения в мотивированных лексических единицах национального характера, национальной культуры, пронаблюдать, какие образы, представления выражаются этносом, определить

экстралингвистические факторы, лежащие в основе лингвистического своебразия каждого из рассматриваемых языков.

Рассмотрим отражение в названиях русского и казахского языков мотивировочного признака «место произрастания». Одним из основных факторов, влияющих на формирование названия лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках является географический фактор. Так, природно-климатические условия России способствовали развитию таких видов деятельности, как охота, рыболовство, судоходство, скотоводство, земледелие. Географическая ландшафтная лексика, хотя и широко представлена терминами, однако в названия лекарственных травянистых растений она не получила широкого применения. Большая часть лекарственных растений произрастает в лесах и влажных местах, поэтому часто встречающиеся видовые определения в названия лекарственных травянистых растений – *лесной, луговой, болотный*. В немалой степени процесс номинации в названия лекарственных травянистых растений – отражение традиционного образа жизни, вследствие которого многие понятия древнего славянина были связаны с его отношением к лесу и ко всему, что в нем растет. Лес давал пищу (ягоды, плоды деревьев, лесная дичь), одежду, укрывал от непогоды или врагов. Многие растения употреблялись человеком в качестве пищи; из них изготавливали одежду и утварь. Ж.Б. Бектурова пишет о воздействии леса на быт и сознание русского человека: «Лес встречал русского человека при появлении на свет и безотлучно провожал его через все возрастные этапы: зыбка младенца и первая обувка, орех и земляника, кубарь, банный веник и балалайка, лучина на девичьих посиделках и расписная свадебная дуга, даровые пасеки и бобровые гоны, рыбацкая шляпка или воинский струг, гриб и ладан, посох странника, долбленая колодка мертвеца, и, наконец, крест на устланной ельником могиле» [13, с.77].

Народные названия лекарственных растений в казахском языке также отражают исторические, этнографические, географические представления народа о прошлом и настоящем, которые во многом связаны с образом жизни

казахов. Г.К. Конкашпаев, исследуя казахские народные географические термины, обращает внимание на кочевой образ жизни казахов, требовавший от людей хорошего знания местности, рельефа, ландшафта, пригодной растительности для скота, расположения водных источников ит.д. По этому поводу он пишет: «Кочевой образ жизни развил у казахов исключительную наблюдательность своей территории, прежде всего кормовых угодий, для ведения хозяйства. Сама жизнь заставляла его не только знать специфику того или иного пастбища (особенности рельефа, климата, растительности, характер водных источников, сезон их использования, пригодность для разных видов скота и.т.д.), но и подмечать все мельчайшие особенности ландшафта, могущие служить ориентирами на пути перекочевков, для укрытия скота от непогоды и т.д.» [77, с. 295].

В этой связи Ф. Щербина писала: «Казах – превосходный ботаник: у него существует довольно сложная и разнообразная номенклатура для обозначения разного рода растений и широкое знакомство с кормовым значением каждого растения для разных видов скота и в разные времена года. Казахи умеют превосходно пользоваться не только разными видами растения, но и различными частями степи» [166, с.28]. К примеру, в летние месяцы, в период цветения полыни, скот не выгоняли на выпас из-за горького вкуса и терпкого запаха травы. Места для зимовок выбирались возле рек, так как на берегах водоемов росли густые заросли камыша и кустарники, служившие зимой кормом для скота. Камыш и чий широко использовали в быту. «В зимний период в качестве корма использовали плотные массивы камыша» [110 с.43].

Таким образом, различия в обозначении названия лекарственных травянистых растений, в выделении тех или иных признаков были вызваны экстралингвистическими факторами: географическим положением, хозяйственно-культурной деятельностью этноса, историей, традиционным укладом.

Национальная специфичность мышления отражается в выборе того или иного мотивирующего признака в процессе номинации народных названий

растений. Выбор признака может быть произвольным, а также отражать субъективное отношение. Так, в качестве одного из важнейших оснований для именования растений казахами выделяется место произрастания: *жер* (земля); *шүйгін* (плодородная земля, местность с богатой растительностью, плодородной почвой и обильной водой); *шалғын* (луг); *су* (вода, водоем); *тас жер* (каменистая местность), *батпақ* (топь, болото), *саз* (глинистая местность, болото); *сай* (высохшее русло реки); *құм* (песчаная местность); *тау* (гора); *бақша* (огород); *егістік* (посевные поля); *орман* (лес); *сор* (соленая местность, солончак), *шөл* (пустыня). Это отчетливо видно из названий растений: *жержаңғақ* (земляной орех), *шүйгіншөп* (сочная трава), *шалғындық беде* (клевер луговой), *субеде* (водянистая трава), *тасшөп* (трава, растущая на каменистой почве), *батпақ иірі* (аир болотный), *саз қазанақ* (багульник болотный), *құм шөпшай* (песчаная чайная трава), *таушымылдық* (горный занавес), *бақша қырыққабаты* (сорокослойное огородное растение), *егістік сүтшөп* (посевная молочная трава), *орман құлқайыры* (просвирник лесной), *сораң* (солянка), *шөл жалбыз* (пустынная мята) и т.д. Информативная наполненность семантики таких фитонимов помогает представить картину мира казахов в прошлом [110]. Как видим, географическая информация в названиях лекарственных растений казахского языка содержит указание на различные виды пастбищ или местности, пригодных или непригодных для скота: *шүйгін* (плодородная земля, местность с богатой растительностью); *сай* (высохшее русло реки); *бидайық* (округлая низменность с луговой растительностью), *бозаң* (трава, растущая в сухих местах, полупустынях); *шөл* (пустыня)

Высокой степенью культурной специфичности обладают эталоны, которые выбираются носителями языкового сознания в процессе номинации на основе сравнения. Сравнительный анализ названия лекарственных травянистых растений зоонимного и орнитологического происхождения показал, что они представляют собой продукты вторичной косвенной номинации, значение которых раскрывается с опорой на ключевое слово, в

качестве которого выступает название животного, птицы.

В создании казахских названий лекарственных растений в качестве эталона функционируют домашние и дикие животные, птицы, насекомоядные и рыбы, части их тела, а также предметы и вещи домашнего обихода. Предметом сравнения служат форма листьев, лепестков, корня, цветков и плодов. Так, эталонами сравнения выступают следующие домашние и дикие животные: ат (конь), тай (жеребец от 2 до 3 лет), түйе (верблюд), сиыр (корова), бұзау (теленок), бота (верблюжонок), аю (медведь), есек (осел), ит (собака), қасқыр (волк), қоян (заяц), ешкі (коза), қой (овца), марал (марал), киік (сайгак). См., например, названия: *атқұлақ* (букв. ухо лошади), *тайтұяқ* (копыто годовалого жеребенка), *түйетабан* (лапа верблюда), *сиырқұйрық* (хвост коровы), *бұзаубас* (голова теленка), *ботакөз* (глаз верблюжонка), *аюқұлақ* (ухо медведя), *есекқұлақ* (ухо осла), *итжидек* (собачья ягода), *қасқыртамыр* (волчий корень), *қоянот* (заячья трава), *ешкімия* (козлиная солодка), *қойбүлдірген* (испорченный овцой), *маралқұлақ* (ухо марала), *киікиөп* (сайгачья трава).

Названия растений, содержащие лексемы *тай, ат, сиыр, түйе, қой, қозы, торғай*, часто выступали эталонами формы или размера.

Животные, птицы широко представлены в положительных и отрицательных устойчивых ассоциациях и в русском языке, в результате чего образуются названия лекарственных травянистых растений, содержащие национально-культурную коннотацию [93]. Среди них можно выделить подгруппы терминов, включающих лексемы *вол, волк, заяц, змей, марал, конь, корова, кот, собака, медведь, мышь*, и подгруппы растительных наименований, образованных от названий птиц: *ласточка, гусь, ворон, кукушка*.

Значительное количество названий лекарственных растений с перечисленными выше эталонами в казахском языке говорит о том, какую важную роль играли животные в кочевом образе жизни казахов.

С другой стороны, частотность использования слов, обозначающих животных, для образования наименований лекарственных трав обусловлена

не только процессом метафоризации, но и необходимостью обозначения сферы применения растений. Например, в качестве корма для птиц или фуража для животных, см., например, названия: *қазжуа* (гусиный лук), *көкекоты* (траву кукушки), *бөденешөп* (перепелиная траву), *үкікөз* (глаз совы), *киікішөп* (сайгачья траву), *маралишөп* (маралья траву), *түйежоңышқа* (верблюжья траву), *сиыржоңышқа* (коровья траву), *ешкімия* (козлиная солодка) др.

Слова *қасқыр*, *бөрі*, *ит*, *есек* использовались в казахской картине мира в качестве эталона мироизмерения чаще всего для номинации вредных и опасных для человека растений. См., например, *қасқыртамыр* (волчий корень), *итжидек* (собачья ягода), *есекқұлақ* (ослиное ухо).

Рассматривая номинации вредных и опасных для человека растений, следует добавить сведения о ядовитых растениях.

В казахской культуре ядовитые растения широко применялись как с лечебной целью, так и в качестве средства для борьбы с дикими животными. Например, места, где произрастал *бөлтірік* (волчонок), закрывали казаном. В течение лета казан пропитывался запахом этого растения и на его поверхности оседал яд. К середине осени казан осторожно открывали и соскребали яд с поверхности в чашу, затем смазывали определенные места трупа животного. Отравленное мясо использовалось как приманка для волков и являлось действенным средством защиты домашних животных от нападения степных волков.

Ядовитые растения часто вызывали зуд, раздражение, расстройства живота у домашних животных. В настоящее время сохранилось выражение «шытыр жеген сиырдай» (как корова, съевшая ядовитую траву). Оно употребляется в переносном смысле, означая безмерное употребление некачественной пищи. Употребление растения *шытыр* животными приводит к вздутию живота и даже гибели. По этому поводу Ш. Сеитова пишет: «Весной *лепталеум* поедается скотом, однако в большом количестве вызывает отравление у крупного рогатого скота. У животных текут слюны, растягивается живот, они теряет способность передвигаться» [129, с.15].

Ядовитые растения вызывали отравления не только у домашних

животных, но и у человека. Например, при отравлении травой *қара меңдуана* (беленой черной) у больного появляется слюнотечение, сменяющееся резкой рвотой. У пострадавшего отмечается возбужденное состояние, они мечутся, бегают, кричат, смеются. Часто больные неправильно воспринимают окружающие предметы, бредят. Отсюда и переносное значение выражения: «Қара меңдуана жегенсің бе?» (букв. Ты что, белены объелся?).

«В системе лингвокультурных универсалий находит отражение значимость определенных объектов в жизни этноса, связанная с глубинным или поверхностным соприкосновением с природным объектом» [159, с. 84].

Лексика зоонимного и орнитологического происхождения встречается в русских и казахских названиях лекарственных травянистых растений. В русском языке среди названий указанной группы мы выделили *вол, конь, корова*. В названиях лекарственных травянистых растений казахского языка – *қой* (овца), *қозы* (ягненок), *түйе* (верблюд), *сиыр* (корова), *ат* (конь), *тай* (годовалый стригунок). В сравниваемых языках лексемы *лошадь, корова, ат, тай, түйе, сиыр* символизировали крупные растения и индивидуальные особенности строения – щетинность стеблей, цветковых чашек, листьев (*воловик лекарственный*). Лексемы *мышь, қозы* (ягненок), *қой* (баран, овца) вносят значение малого размера. в названиях лекарственных травянистых растений, начинающиеся со слов *волк, қасқыр* (волк), *бөрі* (волк), *бөлтірік* (волчонок), означали ядовитые растения, а неприятные или ненужные для человека сопоставлялись с собакой. Например, *волчий корень, собачьи репяхи, бөріаяқ* (волчья нога), *итжидек* (собачья ягода).

Сходство с частями тела диких животных или птиц явилось основной причиной появления названий лекарственных травянистых растений с лексемами *медведь, кот, заяц, гусь, ворон, аю* (медведь), *түлкі* (лиса), *қоян* (заяц), *мысық* (кошка), *қаз* (гусь), *қарға* (ворон)

Можно предположить, что названия лекарственных травянистых растений с лексемами *марал, аист, кукушка, воробей, сайгак, көкек* (кукушка), *торғай* (воробей), *бөдене* (перепелка) возникли на основе мотивировочного признака, указывающего на сферу применения в качестве

корма, а иногда указывали на размеры растения.

Отличительной особенностью подобных наименований в казахском языке является то, что указанная группа являлась не только притягательной для образного представления, но и имела символическое значение: *лошадь* – небесный мир, *баран* (овца) – материальный мир, *корова* – загробный мир. *Верблюд* объединял все эти миры, выступая символом космоса. Указанная группа встречается в пастушьих песнях казахского фольклора, демонстрируя наличие мифологем: *Шопан-ата*, *Зеңгі-баба*, *Ойсылқара*, *Қамбар-ата*, которые являлись покровителями домашних животных [129, с.15].

Названия лекарственных растений в русском и казахском языке могут входить (полностью или частично) в состав топонимов, гидронимов, антропонимов. Фитоантропонимы, связанные с растениями, в казахском языке большей частью – женские имена: *Жұпаргүл* (ароматный цветок), *Меруертгүл* (жемчужный цветок), *Маржангүл* (коралловый цветок), *Қырмызыгүл* (ярко-красный цветок), *Жанаргүл* (горящий цветок) ит.д. Красота девушки, чистота ее помыслов, по представлениям казахов, могла сравниваться не только с цветком, но и с нераспустившимся бутоном: «Он екі де бір гүлі ашылмаған». (букв. нераспустившийся бутон).

В качестве женских имен чаще всего используются названия красивых цветов. Реже от названия лекарственных травянистых растений образуются мужские имена: *Бидайбай* (букв. богатый пшеницей), *Құрақбай* (богатый тростником). В примерах лексемы «бидай», «құрақ» символизировали достаток, здоровье [129, с.17].

Связь собственных имен с растениями носит опосредованный отпечаток той географической среды, в которой складывалась его культура. Примеры фитоантропонимов свидетельствует о том, что язык является посредником между человеком и природой. По словам К.Х. Рахимжанова: «Связь языка, культуры и человека (национальной личности) проявляется в том, что он, окруженный национальным языком (и мышлением) преобразует окружающую природу, окультуривает ее, и в результате его разумной сознательной деятельности предметы природы становятся элементами

культуры – артефактами, находящими отражение в языке» [116, с. 219].

Как известно, природа находит свое отражение не только в языке, но и в целом в культуре. Близость к природе, тесные связи с ней, зависимость от нее жизненного уклада этноса, а также собственные наблюдения за животными выработали у скотовода определенные навыки, привычки, оценку и восприятие окружающей действительности. Результатом восприятия окружающего мира являются пословицы и поговорки, наиболее древние из которых встречаются у Махмуда Кашгари в «Диване». В них указывается на важное место растений в жизни человека, на тесную взаимосвязь с растениями: *Иірі болса ер өлмес* (букв. Будет аир, молодец не умрет); *Аңдыз болса ат өлмес* (букв. Будет девясил, лошадь не помрет).

В жизни кочевников лошадь выполняла множество функций и ассоциировалась со многими понятиями: конь – средство передвижения; конь – товарищ и помощник в хозяйстве; конь – предмет гордости; конь – честь и гордость джигита, крылья его души и т.д. В пословице «*Көңілдің көркі – құрақ, жігіттің көркі - пырақ*» (букв. Озеро красиво – тростником, джигит – скакуном) лингвокультуремы «тростник» и «скакун» равноценны. С лекарственными растениями казахи связывали надежду на выздоровление, благополучие: «*Жалбыз жерде - жан қалар*» (букв. Где мята, там и жизнь); «*Айналайын жалбызым, қасиетінді білгенде, өлмес еді жалғызым*» (букв. Милая мята, знала бы твои свойства, не умер бы мой единственный).

Растения *самырсақ, жуа* (лук, чеснок) также считались действенным средством от разного вида болезней: «*Сарымсақты жедін бе, сырқатыма ем дедің бе?*» (букв. Когда ел лук, думал ли о его лекарственном действии?). Лук, по представлениям казахов, служит символом родной земли, и поэтому даже его горечь признается сладкой: «*Туған жердің жуасы да тәтті*» (букв. На родной земле и лук сладок).

Тоска по Родине, по родным местам выражена в пословице «*Көлден кетсе, жалбыз мұң. Елден кетсе, жалғыз мұң*» (букв. Вдалеке от озера страдает мята, вдалеке от народа страдаешь от одиночества). Кочевой образ жизни казахов отражает пословица «*Сасыр басы сарғая, ел көшеді жайлауға*»

(букв. С цветением растения ферулы народ переезжает на джайлау). В самосознании казахов слово *джайлау* (пастбище) приобретает дополнительное значение Родины.

Культурно-национальная специфика народных названия лекарственных травянистых растений наибольшим образом проявляется на примере лексем и устойчивых словосочетаний. В Н. Телия отмечал, что «культурно-национальное своеобразие идиом обусловлено тем, что в образах соответствующих их «буквальному» прочтению, закреплены и воспроизводятся в процессе употребления языка фрагменты обиходно-эмпирического, исторического и духовного опыта народа, связанного с его культурными традициями. Только эталонное и стереотипное в этом опыте, а тем самым - общепонятное для носителей языка могло лечь в основу языкового знака: язык хранит и передает из поколения в поколение только те фразеологизмы, которые прямо или опосредованно соотносятся с эталонами, стереотипами и мифологемами национальной культуры, как материальной так и духовной» [141, с. 64].

Сравнительный анализ фразеологических единиц, пословиц и поговорок, касающиеся растительной тематики убеждает в том, что они моделируют одинаковые или схожие ситуации. Например, *шоңайша жабысты* (привязался как репей); *қара меңдуана жегеннен саумысың?* (белены объелся?); *көкнәр жеті жыл көктемесе де, аштық болмас* (семь лет маку не родило, а голоду не бывало). В основе всякого сравнения лежат представления, возникающие в сознании представителей каждого этноса относительно различных реалий, относящиеся к их культуре, традициям, условиями жизни. Сравним казахское выражение *бетегеден биік, жусаннан аласа* (букв. выше типчака, ниже ковыля) и русское *тише воды, ниже травы*. Реалии разные, а ситуация одна и та же. Именно в плане реалий, т.е. в образном строе фразеологизмов, пословиц и поговорок заключается их различия.

Названия растений казахского языка часто являются компонентами устойчивых идиоматических сравнительных конструкций, первые

компоненты которых представляют эталон для сравнения (названия трав), вторые – предмет сравнения. Например, *қамыстай құлақ* (букв. уши как тростник), *ебелектей көшу* (букв. переезжать словно рогач, т.е. быстро), *қаңбақтай жеңіл* (букв. легкий как перекасти-поле), *қырмызыдай ажарлы* (букв. красивая как красный цветок), *ши мойын* (букв. шея словно чий, т.е. тонкая шея).

Национально-культурная специфика русских названий проявляется и в использовании отдельных собственных имен. Например, народное название эфедры хвощевой – *кузьмичева трава* связывают с именем знахаря, который лечил эфедрой все виды ревматизма и дизентерии.

А.Ф. Гаммерман отмечал тот факт, что многие лекарственные растения получали свое название в честь естествоиспытателей: «В первую русскую фармакопею, изданную на латинском языке в 1798 г., были включены многие из тех лекарственных растений, которые были обнаружены экспедициями Академии наук» [198, с. 28]. Например, *чемерица Лобеля*, *солодка Коржинского*, *кермек Гмелина*.

Таким образом, названия лекарственных травянистых растений с прозрачной внутренней формой содержат в своем значении культурно-этнический компонент, содержащий информацию о мифах, легендах, национальных обрядах, обычаях и традициях, эталонах. Названия лекарственных растений, упоминаемые в мифах, легендах, народных поверьях и верованиях, пословицах и поговорках, фразеологизмах, являются не только обозначениями растений, но и становятся важными культурными концептами в культуре народа.

В наименованиях растений заключен фрагмент национальной языковой картины мира, в котором закрепился опыт познавательной деятельности человека в процессе освоения окружающей действительности.

3.4 Цветовая символика в названиях лекарственных травянистых растений

Одним из показателей проявления национально-культурной семантики в словарном фонде русского и казахского языка являются цветообозначения,

выполняющие важную роль в языке и в жизни.

Денотативные значения цветонаименований в разных языках носят в основном универсальный характер. Коннотативные значения цветонаименований в большей степени отражают национальную специфику разных языков и их культур.

Огромную роль играет цвет растений в народной медицине. Так, с помощью растений желтого цвета лечили желтуху [212, с. 45]. Золотая трава, золотуха 'василистник *Thalictrum majus* Jacq.' называлась так «потому, что листья растения, облитые водой, получают блеск», и использовалась от золотухи [214, с. 233].

Красный цвет тоже наделялся свойствами исцелителя от болезни, а также оберега. Растения, своим цветом напоминающие кровь, наделялись способностью останавливать кровь. Неслучайно такую важную роль в народной медицине и магии играют растения красного цвета: например, *кровохлебка красная* хранила от чар [172, с.107].

Народная медицина не ограничивалась словесными формулами. В народной медицине и другие цвета могут «притягиваться» к определенным заболеваниям: «...растения, имеющие желтый цвет венчика, плода или сока, употребляют при заболеваниях желчного пузыря и печени; имеющие красный или розовый цвет — при заболеваниях крови и сердца; синий цвет - селезенки; белый - почки» [222, с. 11].

В отдельную группу можно выделить фитонимы, образованные по мотивационной модели «мифологический мотив» - «название растения». В основе возникновения этиологического рассказа об определенном растении также лежит признак цвета, но он не назван ни прямо, ни метафорически, а фитоним является сжатым пересказом мифологического мотива. Проанализированная выше ассоциация красного цвета растений с кровью характерна и для этиологических рассказов. Так, красные пятнышки на листьях зверобоя в народной традиции объясняются так: кровь Богородицы капала на листья, поэтому зверобой и получил название *богородичина трава*.

В названиях лекарственных травянистых растений нами зафиксировано

в русском языке 8 основных цветообозначений: *белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий, голубой, серый*, в казахском языке 7 цветонаименований, соответственно: *ақ* (белый), *қара* (черный), *қызыл* (красный), *сары* (желтый), *көк* (синий), *сұр* (серый), *жасыл* (зеленый).

В качестве основного значения они обладают цветовым значением, на основе которых развиваются прямые производные и переносные. Производные значения в большинстве случаев образованы от прямого цветового значения и связаны между собой с основным значением определенным признаком.

В семантической структуре цветowych прилагательных мы обнаружили сходство и различия, касающиеся основного прямого и производного значений, а также переносного, выходящего за пределы обозначения цвета. Различные переносные значения цветов в рассматриваемых языках обусловлены реальным сходством и смежностью явлений, а также способностью к аналогии, к обобщению и перенесению свойств одних явлений на другие, сходные с ним явления [156].

Рассмотрим основные цветообозначения в названиях лекарственных трав в русском и казахском языках.

Тюрки считали, что *ақ тус* (белый цвет) – мать цветов, от которой происходят все остальные. Все светлое и доброе, благоприятное для народа тюрки именовали белым. Естественно, что белым был Верхний мир, а черным – Нижний. Высшие правители и великие шаманы ездили на конях священной белой масти. Тюрки считали белый цвет признаком аристократии.

Боги Верхнего мира всегда в белых одеяниях. Поэтому, желая принести символическую жертву праведным богам, тюрки привязывали к священному дереву кусок белой ткани. Так, символом Умай был треугольник, а также Луна, гребень, ножницы и стрела. Ее цветами были белый и серебряный. Цвет Тенгри – голубой. Тенгри приносили в жертву коня белой, сивой, светло-серой, голубой мастей.

Согласно «Опыту словаря тюркских наречий» В.В. Радлова, *ак* – означает белый цвет [215, с. 88]. Эта лексема применима к обозначению людей и их качеств: *ак сакал* – старик, *ак патша* – русский царь. В сказках

встречается большое число имен собственных, в состав которых входит слово ак: Ак-аі Белая луна, Ак-таш Белый камень [215, с. 89]; частей тела и болезней, млекопитающих и птиц, рыб, растений, минералов, пищи, продуктов, утвари, географических имен, племенных названий (там же, 90–94). Во втором значении ак – белый, чистый, несмешанный: ајақ ак полды – чашка чиста; ак јер – ровная безлесая местность. В третьем значении – добродушный, чистосердечный, невинный: ак кўндў – доброжелательный; ак сананып јат – у него чистая совесть [215, с. 94–96].

Белый цвет в русском языке и ақ (белый) в казахском языке имеют сходные общие значения: 1) основное цветовое - *цвет снега, молока*: в русском языке: 2) производное от основного цветового - *светлый*: 3. Следующее общее значение прилагательных белый и ақ - это «чистый», «красивый», который является как прямым, так и переносным, к примеру, *дрема белая*, в казахском: *ақ желімбас* (белый клейкий цветок); в русском языке: белая яснотка *ақ тауқалақай-яснотка белая* Например, *Ақгүл* (имя девушки) - *белоцветник*, *кувшинка белая* - *ақ тұңғиық*. В значении «яркий» реализуется семантика прилагательных ақ, белый, имеющих общую этимологию со словом «серебристый». Например, *күміс қазтабан* - лапчатка серебристая. Прилагательное ақ в отличие от белый может иметь специфическое значение, связанное с бытом, культурой и традициями носителей казахского языка и передается на другой язык словами других семантических групп. Например, в народном названии *ақбүрек* (белая почка) ақ означает «очищающий». На основе анализа цветообозначений ақ и белый замечаем, что наряду с общими значениями, имеются различия, свидетельствующие о специфике их значений в каждом языке.

Цветообозначение қара как *черный* содержит концептуальные признаки, связанные со следующими понятиями: 1. «имеющий цвет сажи, угля»: *қара алқа - паслен черный*. 2. «темный»: *қара меңдуана - белена черная*. Қарав казахском языке образует следующее специфическое значение: «обычный, простой». Например, *қара жусан - полынь обыкновенная*.

Прилагательное *черный* в русском языке реализуется в народном

названии растений, распускающееся на склонах пригорков, хорошо прогреваемых солнцем и образующие первые черные проталины-*черногорка*. Прилагательное *қара* в казахском языке может заменяться другой лексемой – *топырақ* (земля, суша, толстый слой), передавая лексическое значение *черный*. Например, *топырақбас* – *черноголовка обыкновенная*. В ходе анализа цветообозначений *қара* и *черный* было выявлено следующее: в семантике цветообозначений имеются сходства и различия; лексема *қара* в казахском языке употребляется в основном и переносном значениях чаще, чем прилагательное *черный*. Например, *қарақұмық гречиха*, *қарақұрай-конопля*, *қара пышақ-чилибуха*, *қара алқа-наслен черный*.

Прилагательные *синий* в русском языке и *көк* в казахском языке имеют одно общее цветовое значение – это один из основных цветов спектра, средний между голубым и фиолетовым. Например, *көк гүлкекіре* – *василек синий*. Лексема *көк* в казахском языке обозначает оттенки синего цвета, с одной стороны, с другой – зеленого и даже серого. Например, *көкшіл*, *көкшегүл* (синюха голубая), *көкбүлдірген* (земляника зеленая), *көк шытырша* (икотник серый). Цветообозначение *көк* (синий) в казахском языке обладает более широким первичным семантическим объемом, что объясняется тем, что у тюркских народов синий и зеленый цвета употребляли недифференцированно, словом *көк* (синий) обозначали и зелень, и цвет неба.

Прилагательное *голубой* обладает лишь цветовым значением: *оңноцвет голубой*– *көкшілкөздері*. Лексемы *жасыл* и *зеленый* имеют только одно общее значение – «цвет зелени, травы, свежих листьев»: *жасыл алмұртышөп* – *грушанка зеленая*. В казахских названиях, как мы писали выше, лексема *жасыл* чаще заменяется словом *көк*, так как имеет сходство со значениями «светло-зеленый, цвет зелени, травы».

В семантической структуре прилагательных *қызыл* и *красный* мы выделили общее значение: 1.«имеющий окраску крови»: *қызыл бұрыш* – *перец красный*. Лексема *қызыл*, как и *красный*, входит в состав двусловных терминов. Например, *қызылетті таран* – *горец мясо-красный*.

Прилагательное *қызыл* в казахском языке имеет специфическое значение - средство питания домашних животных и птиц: *қызыл таспа – горец птичий*.

2. лекарство, приготовляемое из различных видов трав: *қызыл дәрі*.

Таким образом, семантический объем *қызыл* в казахском языке шире, чем *красный* в русском языке в названиях лекарственных растений.

Прилагательное *сары* и *желтый* обладают одним общим значением: «имеющий окраску яичного желтка, соломы, лимона». Например, *сары шерменгүл - горечавка желтая*. С представлением о блеске и сиянии связана семантика слова *золотой*: *алтын тамыр - золотой корень*.

Сұр в казахском и *серый* в русском обозначает одно общее значение, а именно: «цвет пепла, получающегося при смешивании черного с белым».

Например, *сұр шытырша - икотник серый*.

На основе анализа основных цветовых лексем казахского и русского языков в названиях лекарственных травянистых растений было выявлено: наибольшим количеством общих значений в казахском и русском языках обладают прилагательные *ақ* и *белый* (3), *қара* и *черный* (2), *қызыл* и *красный* (2).

Различия в цветообозначениях обнаруживаются при сопоставлении специфических значений: *ақ* в казахском языке употребляется в значении «очищающий», *қара* в казахском реализуется в значении «простой, обыкновенный». В русском языке прилагательное *черный* обозначает растения, распускающиеся на склонах пригорков, прогреваемых солнцем и образующие черные проталины. Лексема *қара* (черный) может отсутствовать, выступая в значении «земля, суша», «толстый слой», а также входить в состав названия лекарственных травянистых растений, образованные путем метафорического переноса [158].

Рассмотренные цветообозначения в сопоставляемых языках могут совпадать в денотативных значениях, и не совпадать в своих парадигматических, синтагматических и ассоциативно-деривационных связях. Цветовая концептуализация, представленная в языковой картине двух народов, показывает, насколько человек способен зрительно

воспринимать реалии окружающей среды, сужая или расширяя границы познаваемой действительности. Концептуальное моделирование позволяет предположить, что значение цвета в казахской и русской культурах имеет сходство и отличия, которые затрагивают глубинные слои сознания и отражает национально-культурные особенности [158].

В казахских названиях лекарственных растений кроме названных таких основных цветов *ақ* (белый), *қара* (черный), *қызыл* (красный), *сары* (желтый), *көк* (синий), *сұр* (серый), *жасыл* (зеленый), встречаются номинации *боз* (беловато-серый, бледный), *кер* (мухортый), *күрең* (темно-рыжий). Например, *боз* (серая трава), *бозкілем* (бело-серый ковер), *бозтұқ* (беловато-серый куст), *бозтікен* (беловато-серая колючка), *кержусан* (мухортая полынь), *күреңот* (темно-рыжая трава) и т.д.

Многозначность слова *боз* (беловато-серый) скорее всего объясняется ассоциативностью признаков и их значимостью в жизни казахов. С одной стороны, лексема *боз* выступала в качестве геосимволики, например: *боз*: 1) кең байтақ дала, тың жер (степь, долина); 2) дала шөбі (степная трава); 3) мұзды, мұзы бар (ледяной) [218, с.139]. С другой стороны, серый цвет по народным поверьям считался священным цветом: «По обычаю, в случае победы резали лошадь серого цвета. Возможно, поэтому в эпосах, легендах и сказках посланник счастья одевался в серую одежду, появлялся на сером коне» [218, с.141].

Прилагательные *күлгін* (фиолетовый), *қызылт* (красноватый), *қырмызы* (ярко-красный), *күңгірт* (пурпуровый), *ала* (разноцветный, пестрый), *теңбіл* (пятнистый), *шұбар* (пегий), *жирен* (рыжий), *сарықоңыр* (ржавый) обладают лишь цветовым значением.

Как мы заметили, самыми активными, то есть получившими наибольшее количество ассоциатов в русском и казахском языках в сфере наименований лекарственных трав являются следующие цветообозначения: белый, черный, красный, синий. В сознании носителей русского языка цвета располагаются как белый, синий, голубой, красный, черный, зеленый; в сознании носителей казахского языка как *ақ* (белый), *қара* (черный), *көк*

(синий), кызыл (красный). Наличие во обеих лингвокультурах доминантной триады красный, черный, белый связано с тем, что наиболее “древними” цветами, возникшими в человеческой культуре, считаются красный, черный, белый. Наличие зеленого и синего объясняется их повсеместным присутствием в окружающем мире любого этноса. Это также связано с тем фактом, что во всех культурах имеют место семантические группы «окружающий мир (природа, природные явления; растительный мир; пища, корм; животный мир; географические объекты), 2) чувства, эмоции, 3) оценка явлений и предметов бытия. Цвет – одно из свойств предмета, которое ощущают зрением, поэтому зрительный образ оказывается схожим у представителей разных лингвокультур. Сходство ассоциатов свето-цветового и тактильного образа объясняется одинаковым восприятием физических свойств цвета представителями разных культур [42].

Выводы по третьей главе

Таким образом, в русских и казахских названиях лекарственных травянистых растений заключен фрагмент языковой картины мира, который отражает тесную связь процессов номинации растений с ментальными национально-культурными стереотипами воплощения знания в названии. Через названия растений, так же как и через явления окружающей среды, названия ландшафта, восстанавливаются концепты, существующие в сознании человека, и его взаимоотношения с окружающим миром, определяются основные черты «языкового видения» человеком окружающего его растительного мира. Названия лекарственных травянистых растений представляются как когнитивная модель деятельности человека, которая отражает сумму знаний человека не только о конкретном растении, но и о процессе познания внешнего мира в ходе исторического развития. Эта деятельность человека носит, как правило, универсальный характер, но вместе с тем и характеризуется как национально специфичная.

Заключение

Окружающий нас растительный мир очень разнообразен и сложен, так же многообразно и сложно его отражение в сознании человека в виде различных образов и картин.

Способы осознания мира не идентичны для разных людей и разных народов. Об этом говорят различия результатов познавательной деятельности, которые находят выражение в специфике языковых представлений и особенностях языкового сознания разных народов. Наиболее ярко способ видения предметов проявляется в специфике мотивации и во внутренней форме наименований лекарственных травянистых растений.

Выявленные национально-культурные компоненты названий лекарственных травянистых растений продемонстрировали антропометричность восприятия окружающего мира.

В названиях лекарственных травянистых растений русского и казахского языков различают два типа лексики: лексику, перешедшую из общего языка в терминологию; лексику, перешедшую из терминологии в общий язык. Исходя из этого можно сказать, что названия лекарственных травянистых растений представляют собой самостоятельный пласт, тесно связанный с терминологической номенклатурой.

Научные названия лекарственных травянистых растений русского и казахского языков представлены одно-, двух- и более компонентными сочетаниями, включающие название рода и видовой эпитет. Составные названия лекарственных травянистых растений образованы с помощью изафета первого и второго типов. В обоих языках в качестве определяемого компонента могут выступать топонимы и антропонимы, а в качестве родового наименования — исконные народные названия и слова с латино-греческой основой.

Для русских и казахских названий лекарственных травянистых растений характерны фонетические, лексические и семантические омонимы, синонимы. В числе названий лекарственных травянистых растений обоих

языков отмечено наличие вариантов. Основная причина вариантности заключается в воздействии разговорного, диалектного языка на литературный, а также влияние заимствованных из других языков слов.

Значительный пласт русских и казахских названия лекарственных травянистых растений составляют исконные слова и заимствования из других языков. Исконно русские названия лекарственных травянистых растений в свою очередь состоят из общеславянских и собственно русских названий. Исконно казахские названия лекарственных травянистых растений подразделяются на общетюркские и собственно казахские.

Анализ историко-этимологических словарей, а также данные толковых словарей позволяет выделить в составе названий лекарственных растений казахского языка заимствования из арабского, персидского, монгольского и русского языков. Заимствования в названиях лекарственных растений русского языка представлены тюркизмами, лексемами из греческого, латинского, немецкого, испанского, польского и китайского языков.

Основными типами структурных моделей названий лекарственных растений в нашей работе являются: непроизводные слова, производные слова, сложные слова, сложносuffixальные названия, дву-(трех-) словные комплексы.

Производные названия русского языка образованы с помощью 27 словообразовательных аффиксов (с различными вариантами); в казахском языке – 9 аффиксов.

В казахском языке, в отличие от русского, отсутствует префиксально-суффиксальное словообразование, что связано с различием в морфологической структуре сопоставляемых языков: агглютинативностью казахского языка и, соответственно, отсутствием префиксальных аффиксов, а также смешанный способ – сложение с суффиксацией. Несовпадение частотных характеристик указывает на внутриязыковые различия.

Сложные названия лекарственных растений русского и казахского языков, образованные сложением в казахском и сложением и суффиксальным способом в русском языке, фиксируют либо один, либо

несколько свойств растения.

Внутри морфологического способа в русском языке преобладает суффиксальный способ, на втором месте - сложение с суффиксацией, на третьем – чистое словосложение, на четвертом – префиксально-суффиксальный, на пятом – префиксальный. Суффиксальный способ наиболее активен в русском языке.

Внутри морфологического способа в казахском языке на первом месте словосложение, на втором - аффиксоидный, на третьем – суффиксальный способ. Здесь не могут иметь место префиксально-суффиксальный и префиксальный способы, не встречается сложение с суффиксацией.

Число казахских названий лекарственных растений, образованных способом словосложения, превышает количество образованных способом сложения в русском языке. Основная масса сложных названий лекарственных растений казахского языка состоит из двух компонентов, реже трех, связанных путем примыкания и изафета II типа; в русском языке сложные номинации чаще всего состоят из двух компонентов. Также в казахском языке активен аффиксоидный способ словообразования. В русском языке аффиксоидный способ словообразования номинаций лекарственных растений нами не отмечен.

Как в русском, так и в казахском языке, преобладающим способом словообразования выступает синтаксический способ, который несколько активен в русском языке.

Названия лекарственных растений в обоих языках обладают отчетливой внутренней формой. Сравнительный анализ групп названий лекарственных растений в казахском и русском языках позволяет выделить общие принципы номинации растений: по признаку, связанные с внешним видом, вкусом, запахом, по свойству, отражающему особенности произрастания, со способностью проявлять свои качества, функции, использование в медицине, быту, хозяйстве, сходство растения или его частей с различными предметами, животными, птицами и другими растениями, отражение в названиях народных поверий, верований, обрядов и

мифов.

Мотивированные названия лекарственных травянистых растений казахского и русского языков характеризуются общностью формантного показателя и наличием 23 мотивировочных признаков. Сходство признаков свидетельствует об общности восприятия окружающего растительного мира.

Выявленные путем лингвокультурного анализа национально-культурные компоненты названий лекарственных травянистых растений продемонстрировали антропометричность восприятия окружающего мира. Выбор артефактов, их семантическая наполняемость не совпадает в сопоставляемых языках, что говорит о значимости предметов, явлений окружающей среды каждого этноса. В сознании казахского народа мир растений и мир человека, животных, птиц предстает как неразрывно связанное, единое целое. Актуальными для казахского языка оказываются фрагменты окружающего мира, связанные с кочевым образом жизни; мифологическими представлениями о свойствах растений.

Отличительной особенностью ментальности русского народа является ассоциативность с предметами быта, языческие представления о растениях, а также представления о растениях как о живых существах, наделенных злыми и добрыми силами.

Образы, возникшие на основе символики цветов рассматриваются в двух аспектах: экстралингвистическом и предметно-словесном. Анализ разных типов образного выражения в казахском и русском языках выявил особенности концептуализации в каждом из языков.

Материалы исследования показали, что различия лингвокультурных аспектов названий лекарственных травянистых растений обусловлены национально-культурной спецификой уклада жизни, исторического развития, религиозными верованиями, обычаями и традициями, природными климатическими условиями.

Длительные и постоянные культурно-языковые контакты между двумя народами определяют важность и значимость данного сопоставительного исследования такого важного лексического пласта обоих языков, как фитонимическая лексика. Русско-казахское сопоставительное изучение

наименований лекарственных растений может служить одним из дополнительных источников изучения и познания реалий материальной и духовной культуры обоих народов.

Список использованной литературы

1. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. 30 с.
2. Адильбаева У. Б. Қазақ тіліндегі өсімдік атауларының уәжділігі: филол. ғыл. канд. дис. Алматы, 2001. 120 с.
3. Айдарбек Н.Ж. Уәжтану терминдерін жүйелеу жайында // ҰҒА – ның Хабарлары. Тіл, әдебиет сериясы. Алматы, 2002. № 3. С. 31-35.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.; Лексическая семантика (синонимические средства языка). Избр. труды. Т. I. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995 а. 472 с.
5. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высшая школа, 1989. 259 с.
6. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 140 с.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
8. Арьянова К.Г. Фитонимика говоров Среднего Приобья (структурно-семантический характеристика): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 1989. 24 с.
9. Ахметжанова З. К., Валиханова Р. Е. Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков. Алматы, 1999. 183 с.
10. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. О соотношении фольклорных и этнографических фактов // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. Т. 32 (1–4). С. 3–31
11. Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 2. М., 1952. С. 121-134.
12. Бейсенова Ж.С. Мотивация эпизоотологических терминов в

русском и казахском языках): дис... канд. филол. наук. Алматы, 1999. 156 с.;
Отраслевая терминология: проблемы мотивированности термина как лексической единицы // Вестник КазНУ. Сер. филол. Алматы: Қазақ университеті, 2008. Вып. 4 (113). С. 129-132

13. Бектурова Ж.Б. Этнографический аспект в структуре слова (на материале ландшафтных наименований) в русском и казахском языках: дис... канд. филол. наук. Алматы, 2000. 134 с.

14. Берков В.П. Современные германские языки. Изд.2-е, испр. и доп. М.: АСТ, 2001. 336 с.

15. Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика, 1971,-Л.: Наука, 1972. С. 92-104.

16. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология: Итоги и перспективы // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2006. Вып.5 (56). С. 65-68.

17. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект : учеб. пособие. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. 160 с.

18. Бочаров С.Н., Михайлова Т.М. Прострел луговой // Травник. 2006. № 2 (124). 16 с.

19. Брагина А. А. Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. М., 1972. С. 73–104.

20. Бугаева И. В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона / И. В. Бугаева. // Вестник МГУЛ – Лесной Вестник: Препринт № 100, 070706. 2006.

21. Будагов Р.А. Очерки по языкознанию. М., Изд-во Академии Наук СССР, 1953. 280 с.

22. Василевич А.П. Исследования лексики в психолингвистическом аспекте: на материале цветообозначений в языках разных систем. М.: Наука, 1987. 243 с.

23. Ващенко М.А. Символика цветов в народной культуре// Вестник

МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. №1. С. 118-126.

24. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. // Семантические универсалии и описание языков./ Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 268 с.

25. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

26. Виноградова Л.Н. Славянские заговорные формулы от детской бессонницы // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 82–85.

27. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С.169

28. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 99-152.

29. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии //Труды Московского института истории, философии и литературы: Сб. статей по языкознанию. М., Т.5, 1939. С. 3-54.

30. Владимирцев Б.А. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград, 1929. 145 с.

31. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. 343 с.

32. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Монография. Под ред. проф. С. Г. Воркачева. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.

33. Воробьев В.В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах. // Язык и культура: Сб.докладов. 2-ая межд. конф. Киев, 1999. С.42-48.

34. Гак В. Г. К типологии лингвистических исследований / В. Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230-294.

35. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с; Сопоставительная лексикология. М.: Международные

отношения, 1977. 264 с.

36. Гиздатов Г.Г., Шеляховская А.А. О соотношении концептуальных и языковых структур // Функционирование единиц языка и речи. Караганда, 1994. С. 7-12.

37. Гинатуллин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Алма-Ата, 1973. 27 с.

38. Голев Н.Д. О принципе номинации и методе их исследования // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972. Вып. 5. Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. С. 96-102..

39. Голев Н.Д. О соотношении семантического и мотивировочного признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 7. Томск, 1977.

40. Горностаев Г.Н., Забинкова Н.Н., Каден Н.Н. Латинские названия животных и растений. М., 1974. 147 с.

41. Гудавичус А.Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс, 1985.

42. Гуз Ю.В. Экспериментальное исследование базовых концептов цвета (на материале русского, английского, немецкого и китайского языков). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 22 с.

43. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

44. Даниленко В.П. Актуальные направления исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 5-24.

45. Дапчева И. Фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные свойства человека в болгарском и русском языках// Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. С.172-181.

46. Демесинова Н.Х. Синтаксическая стилистика современного казахского языка: стилистическая дифференциация синтаксических конструкций. Алма-Ата: Наука, 1988. 96 с.

47. Добжинская Т. Мой интимный маленький мир и поэтические способы концептуализации: метафора // Слово в тексте и в словаре: сб. статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / отв. ред. Л. Л. Йомдин, А. П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2000. 586 с.

48. Дубина Л.В. Функции мотивационно связанных слов в поэтическом тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.

49. Дубровина С.Ю. Зоонимные названия растений. Воловики и «воловы» травы // Этноботаника: растения в языке и культуре. СПб., 2010. (Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VI. Ч. 1). С. 62-69.

50. Енгальчев Н.А. Средства и способы номинации в русской естественнонаучной номенклатуре (на материале миконимов): дис... канд. фил. наук. Ташкент, 1989. 192 с.

51. Ефремов А.С. Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора): автореф. дис...канд. филол. наук. Тарту, 1987. 17 с

52. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: сущность и направления (на материале славянских и тюркских языков): дис... докт. филол. наук. Алматы, 2009. 412 с.

53. Жакупова Г.А., Алферова Г. А., Колякина Н. Н., Прилипко Н. И. Деятельностный подход в преподавании зоологии // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 5-1.

54. Жаналина Л.К. Сопоставительное словообразование русского и казахского языков. Алматы: РИК, 1998. 154 с.

55. Жанпеисова Н.М. Репрезентация национальных концептосфер в картине мира казахско-русских биллингвов: теоретические основы. Алматы; Доива – Братство, 2003. 195 с.

56. Жарқынбекова Ш.К. Языковая концептуализация цвета в казахском и русском языках: дис. докт. филол. наук. Алматы, 2004. 265 с.

57. Жумабекова А.К. Основы системного описания лексики казахского и русского языков. Алматы: Ғылым, 2000. 176 с.

58. Забинкова Н.Н. Некоторые вопросы современной ботанической терминологии и принципы составления латинско-русского ботанического словаря: дис... канд. филол.наук. Л.,1958. 268 с.

59. Забинкова Н.Н. Термины и номенклатурные слова в ботанических словарях/ Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. С. 91-101.
60. Земская А.Е. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
61. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. СПб: Типография издательства СПбГУ, 2006. 200с.
62. Исенгалиева В.А. Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке. Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1959. 225 с.
63. Исенова Ф.К. Зоонимы русского и казахского языков: мотивационная параметризация: дис... канд. филол.наук. Караганда, 2005. 157 с.
64. Илина Г.И. Стереотипы и национальная языковая картина мира: Монография. Караганды: Изд-во КарГУ, 2007. 396 с.
65. Кабакова Г.И. Запах смерти (доклад на конференции «La Mort et ses Representations dans l'Europe du Nord, Colloque». Universite de Paris IV Sorbonne, UFR d'Etudes Slaves. Paris, France. 4–6 May, 1999.
66. Кайдаров Ә. Түр-түстердің тілдегі көрінісі. Алматы: Ана тілі, 1992. 160 б.
67. Қайырбаева К.Т. Қазақ тіліндегі этномәдени атаулардың символдық мәні. Филол. ғыл. канд. ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Алматы, 2004. 135 б.
68. Калиев Б. Лексико-семантическая и морфологическая структура названий растений в казахском языке. Алматы, 1986. 168 с.
69. Калиев Б. Қазақ тіліндегі өсімдік атаулары. - Алматы: Ғылым, 1988. 159 б.
70. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
71. Қасымова Б. Күрделі зат атауларының мағыналық құрылымы және сөзжасамдың үлгілері. Алматы, 2000. 57 б.
72. Кожин В.В. Слово как форма образа // Слово и образ. М.: Просвещение, 1964. С. 5-51.
73. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке:

дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999.

74. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009. 352 с.

75. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке. М: Наука, 1990. 108 с.

76. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 230 с.

77. Конкашпаев Г.К. Казахские народные географические термины // Изд. АН КазССР, Сер. географическая. № 99. Вып. 3. Алма-Ата, 1951. 295 с.

78. Коновалова Н.И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург, 2001.

79. Коновалова Н.И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте: дис. .канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993. 200 с.

80. Кононенко В.И. Грамматическая стилистика русского языка. - Киев: Радянська школа, 1981. - 240 с. - (в пер.).

81. Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск, 2007. 287 с.

82. Копыленко М.М. Избранные труды по языкознанию: в 2 т. - Алматы: Институт языкознания, 2010 . 444 с.

83. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж: Издательство воронежского университета, 1978. 141 с.

84. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

85 Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962. 95 с.

86. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М.: Наука, 1986. 159 с.

87. Кулиев Э.С. Фитонимы в азербайджанском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Баку, 1988. 16 с.

88. Курманбаев Ш. Терминтану: Оқу құралы. Алматы: Атлас баспасы, 2006. 244 б.

89. Курышжанов А. Исследование по лексике тюркско-арабского языка. Алматы: Наука, 1970. 232 б.
90. Куцегалинова А.К. Прагматические особенности глаголов речи в казахском, русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.К. Куцегалинова. Астана, 2009.
91. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М., 1989.
92. Мазуркевич Л.В. Лексика флоры и фауны в сербохорватском языке. 1988.
93. Макеенко И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках: универсальное и национальное: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 258 с .
94. Мамонтов А.С. Язык и культура: Основы сопоставительного лингвострановедения: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. М., 2000. 326 с.
95. Манакин В.Н. а). Сопоставительная лексикология. Монография. - Киев: Знания, 2004. - 388 с.; б) Языковые картины мира в перспективах контрастивной лингвистики// Язык и культура: Материалы II межд. конф.. Киев, 1994. С. 77-83
96. Маслова В.А. а) Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2006. 296 с.; б) Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.
97. Матезиус В. Попытка создания теории структурной грамматики // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 196.
98. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. 202 с.
99. Меркулова, В. А. О некоторых принципах этимологии названий растений // Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. М.: Наука, 1965. – С. 72 -87; Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 256 с.
100. Мирзаханова Д.Б. Фитонимическая лексика азербайджанского языка (в сравнении с другими тюркскими): автореф. дис. канд. филол. наук. –

Махачкала, 2007. 24 с.

101. Муравьев В.А. Проблемы возникновения этнографических лакун. Владимир, 1980. 104с

102. Мусабекова У.А. Теория и практика ортологии: грамматические основы отонимических наименований: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кокшетау, 2010. 38 с.

103. Назарова Г.Ш. Названия лекарственных растений в современном уйгурском языке: автореф. дис. канд... филол. наук. Алма-Ата, 1992. 23 с.

104. Налётова Н.И. Названия растений в псковских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Псков, 2001. 224 с.

105. Нестерова Н.Г. Аспекты изучения топонимической системы г. Томска // Вестник ТГУ. Сер. Филология. Томск, 2003. С.177-186.

106. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 117-123.

107. Никитин Л.В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983. 127с.

108. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш.школа, 1982. 272 с.

109. Омарбекова Г.А. Неміс және қазақ тілдеріндегі фитонимдерді құрылымдық ономазиологиялық зерттеу. 2004.

110. Онгарбай Н. Қазақ тіліндегі фитонимдер мен фитотопонимдердің лингвомәдени сипаты // Известия НАН РК. Сер. Филол. Алматы: Институт языкознания, 2008. № 2. С.40-41

111. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М. / СПб.: Глосса/ КАРО, 2004. 336 с.

112. Петров В.В. Растительный мир нашей Родины. 2-е изд. доп. М.: Просвещение, 1991. 207 с.

113. Подолян И.Э. Национальная специфика семантики фитонимов в украинском, английском и немецком языках: автореф... дис. канд. филол. наук. Киев, 2000. 18 с.

114. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов.

Л.: Ленингр. восточ. ин-т им. А.С. Енукидзе, 1928. [2], VI. 220 с.

115. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 147.

116. Рахимжанов К.Х. Этносоциальный и культурно-когнитивный аспект в межъязыковой коммуникации // Актуальные проблемы функционирования и преподавания языка и культуры: Матер. респ. научн.-практ. конф. Караганда: Изд-во КарГУ, 2003. С. 218-219.

117. Родионова И.В. Библейские мотивы в народных названиях растений // Живая старина. 2002. № 2 (34). С. 38–39.

118. Рубцова О.Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков). Авторефю. дисс. канд.... филол. наук. Чебоксары. 2015.

119. Русановский В.М. Культура и язык // Современные славянские культуры. Киев: Наук. думка, 1982.

120. Рябко О.П. Когнитивное основние теории номинации и мотивации // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6.

121. Сабитова З.К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. Алматы: Қазақ университеті, 2007. 320 с.

122. Сабитова М.Р. Ел аузынан = Vom Munde des Volkes / М. Р. Сабитова, Р. Б. Латынова, Ж. Р. Найманбаева. Алматы : әл-Фараби, 1999. 92 б.

123. Сайкиев Х.М. Грамматические категории глагола (на материале каз. и рус. яз.) : Автореф. канд... филол. н. (10.02.06) / Казах. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1975. 89 с.

124. Сайрамбаев Т. Сөз тіркесі мен жай сөйлем синтаксисі. Алматы: Рауан, 1991. 186 б.

125. Салқынбай. А.Б Қазіргі қазақ тілі. Алматы: Қазақ университеті, 2008. 340 б.

126. Санникова Н.Ю. Мотивированность и производность слов в современном русском языке: Методические рекомендации. Астрахань: Издательская дом «Астраханский университет», 2006. 17. с.

127. Сарыбаев Ш. Вопросы казахского языкознания. Алматы: Арыс,

2000. 624 с.

128. Сафарова Р.З. Источники, пути и принципы формирования ботанической терминологии башкирского языка (на материале названий растений). 1984.

129. Сеитова Ш. Өсімдікке байланысты тұрақты тіркестерінің этнолингвистикалық сипаты: филол.ғ. канд. дисс. Алматы, 1999. 147 б.

130. Серебренников Б.А. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. 4. С. 3-49.

131. Серебрянников Б.А., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

132. Сетаров Д.С. Номинация, мотивация и этимология слова (на материале названий животных). Вильнюс, 1984. 67 с.

133. Смирницкий А. И. История английского языка (средний и новый период): курс лекций / А. И. Смирницкий. Москва : МГУ, 1965. 138 с.

134. Солнцев В.М. Проблемы типологии изолирующих языков. М.: Наука, 1985. 256 с.

135. Сорокин Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: сб. науч. трудов / под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. С. 3-10.

136. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 376 с.

137. Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: Основы контрастивной лингвистики. Алматы, 1996. 208 с.

138. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

139. Супрун А.Е. Экзотическая лексика // Филологические науки. 1958. №2. С. 50-54

140. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, парадигматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.; Коннотативный аспект семантических номинативных единиц. М., 1986.

141. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины

мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1998. С.172-184.

142. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар: ПГПИ, 2009. 135с.

143. Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций// Филологические науки. М., 2003. С.56-60.

144. Токхожаева О. Лексика фауны в казахском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Алмата, 1991. 17 с.

145. Томахин Г.Д. Лингвострановедение: Что это такое? // ИЯШ. М., 1996. № 6. С. 22-27.

146. Торопцев И.С. Язык и речь / И. С. Торопцев. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 199 с.

147. Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 21.

148. Усачева В.В. Мифологические представления славян о происхождении растений // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 259–302.

149. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). – 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 88 с.

150. Уюкбаева Г.И. Народные наименования растений (на материале английского, русского и казахского языков): дис... канд. филол. наук. Алматы, 1983. 140 с.

151. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004<http://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnaya-motivologiya-itogi-i-perspektivy> - ixzz4bTwYC8MX.

152. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М., 2001. 320 с.

153. Хайрутдинова Т.Х. Народные названия в татарском языке. 2004.

154. Цой Т.В. Лексико-семантическая и словообразовательная структура фитонимов в современном русском языке. 1995.

155. Чижик Н.А. Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

156. Чудинов А. П. От языкового значения к актуальному смыслу слова // Деривация в речевой деятельности / Перм. ун-т. Пермь, 1988.
157. Шаймерденова Н.Ж. Репрезентация в языке древнетюркской ментальности. Астана: Наука, 2009. 252 с.
158. Шаймердинова Н.Г. Концептуализация и категоризация мира в древнетюркских текстах // Вестник КазНУ. Сер. филол. Алматы: Қазақ университеті, 2006. Вып. 2(92). С.74-77.
159. Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 1. С.73-88.
160. Шанский Н.М. Современный русский язык. В 3-х ч.. Шанский Н.М., Бабайцева В.В. и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: 1987.; Ч.1. 192 с., Ч.2 – 256 с., Ч.3. 256 с.
161. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. -№ 1. С. 3-16.
162. Шмелев Д.Н. Способы номинации в современном языке. М.: Наука, 1982. 296 с.; Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.; Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для студентов пед.ин-тов по специальности "Рус.яз. и литература". М.: Просвещение, 1977. 335 с.
163. Шумбасова, С. С. Английские флоронимы: способы номинации и классификации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филол. науки. 2011. № 3. С. 104-114.
164. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные труды по языкознанию и фонетике. М.: Наука, 1958. 158 с.
165. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. Л.: 1974.
166. Щербина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. СПб, 1905. С. 26-28.
167. Юдин К.А. О понятии «признак» и уровнях развития систематики

животные/Теоретические вопросы систематики и филогении животных. Л.: Наука, 1974. С. 5-29.

168. Юсупов У.Н. Проблемы сопоставительной лингвистики: автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1983. 37 с.

169. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1981. 112 с.

170. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkley: University of California Press, 1969. 178 p

171. Davies I.R., Corbett G.G. The Basic Color Terms of Russian // Linguistics. 1997. Vol. 32. P. 65–89. P. 65-69.

172. Machek V. Česká a slovenská iména rostlin. Praha, 1954.

173. Jackendoff Ray. Semantics and Cognition. Cambridge, MA. Etc.: MIT Press, 1993. 283 p.

Словари и справочники

174. Анненков, Н. А. Ботанический словарь / Н. А. Анненков. СПб: Типография императорской академии наук, 1878. 646 с.

175. Арьянова, В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / В. Г. Арьянова. Томск, 2008. Т. 3: У-Я. Словник. 192 с.

176. Барышникова, Т. Д. Этимологический четырехязычный словарь растений: учеб. пособие / Т. Д. Барышникова. М.: Альфа-М, 2009. 224 с

177. Қазақ тілінің сөздігі (жалпы ред. басқарған Т. Жанұзақов). Алматы: Дайк-Пресс, 1999. 776 б.

178 Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. Екатеринбург: УГПУ, 2000. 234 с.

179. Құралұлы А. Өсімдіктерге, жануарларға байланысты терминдер мен сөз тіркестерінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 2006. 765 б.

180. Мазнев, Н. И. Энциклопедия лекарственных растений / Н. И. Мазнев. 3-е изд., исп. и доп. М.: Мартин, 2004. 496 с.

181. Мұсақұлов Т. Орысша-қазақша түсіндірмелі биологиялық сөздік. Алматы, 1959. 51 б.

182. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1999. 944 с.

183. Ондасынов Н. Парсыша-қазақша түсіндірме сөздік. Алматы, 1974. 384 б, 70, 73, 77, 84, 161, 168, 224, 226.

184. Османов М.Н. Персидско-русский словарь. М.: Наука, 1983. 320 с.

185. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М: Просвещение, 1976. 543 с.
186. Рустемов Л.З. Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствований. Алматы, 1989. 320 с.
187. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 754 с.
188. Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1981-1984. Т. 3. 752 с.
189. Словарь тюркизмов в русском языке / Сост. Е.Н. Шипова. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
190. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. под ред. Д.Н.Ушакова
191. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3 (Муза – Сят). 832 с.
192. Шанский Н.М., Иванов В.В. Краткий этимологический словарь русского языка/ Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М., «Просвещение», 1975. 543 с.
193. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Справочники (общие, лекарственные и др.)

194. Алдашев А.А. Әлімханов Ж. Қазақтың халық медицинасының құпиясы. Алматы, 1992. 160 б.
195. Артамонов В. И. Подорожник – трава путешественников / В.И. Артамонов. // Наука и жизнь. 1995. № 6. С. 158-160.
196. Афанасьев А.Н.. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т., т. 2. М., 1994. (Репринт издания 1865-1869 гг.).
197. Әбдіраман Ө. Қазақтың халық медицинасы. Алматы, 2000. 120 б.
198. Гаммерман А.Ф. Лекарственные растения: Справочное пособие. М.: Высш. шк., 1983.– 400 с.
199. Государственный реестр лекарственных средств. Астана, 2000. С. 295-319, 389.
200. Даль В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. В

2 т. СПб., 1997:

201. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Ростов-на-Дону, 1996.

202. Зеленин Д.К. Избранные труды. Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.

203. Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Вып. 3. Пг., 1916. С. 989–1279

204. Земцовский И.И. Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970.

205. Зимина Т.А. Аграфена Купальница. <http://www.ethnomuseum.ru/prazdniki/agrafena-kupalnica-kupalshchica>.

206. Искендеров А. Қазақстанның дәрілік өсімдіктері. Алматы: Қазақстан, 1982. 188 б.

207. Қашқари М. Девону лұғот ит түрк. Т.1, 2, 3. Ташкент, 1960-1963., С.156, 145, 58, 35, 590, 40, 546, 430, 520, 320, 502, 56.

208. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 373 с.

209. Кузнецова М.А., Резникова А.С. Сказания о лекарственных растениях. М.: Высш.шк., 1992– 272 с.

210. Курамысова И.И. Лекарственные растения. Алматы, 1989. 304 с.

211. Манкеева Ж. Ұлттық тілдегі термин жүйе мәселесі баса назар аударуды талап етеді // Ана тілі, 2011. № 21. 21 мамыр-1 маусым.

212. Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. По кн.: Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009. 352 с.

213. Памятники литературы Древней Руси: XIII век / Под общ. ред. Л.А. Дмитриевой, Д.С. Лихачева.– М.: Художественная литература, 1987. 616 с.

214. Потанин Г. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. Вып. 1. С. 23–60; Вып. 2. С. 167–239.

215. Радлов В.В. Мифология и мирозерцание жителей Алтая //

Восточное Обозрение», 1882, № 7 и 8, 1883, № 8.

216. Русинова И.И., Богачева М.В. Фитонимическая лексика говоров Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб. 2003. С. 116–127.

217. Тілеуқабылұлы Ө. Шипагерлік баян. Араб қарпінен көшіргендер К. Елемес, Д. Мәсімхан. Алматы: Жалын, 1996. 464 б.

218. Тойшанұлы А. Өсімдіктердің жаратылысы туралы мифтердің типологиясы (қазақ пен моңғолдың фольклорлық аңыздары бойынша) // Қазақ тарихы. Алматы, 2001. № 4. С. 69-73.

219. Ушбаев К.У. Лечебные свойства растений Казахстана. Алматы, 1994. 214 с.

220 . Ушбаев К.У. Целебные травы. Алматы: Қайнар, 1975. 200 с.

221. Чајкановић В. Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985. по: Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009. 352 с.

222. Эльдемуrow Ф. Фитоиндикация: возрождение древнего знания? // Аномалия. Научно-информационный вестник ИТАР-ТАСС. М., 1997. № 3–4 (36). С. 66–71.

223. <http://novostislyxi.webtalk.ru/viewtopic.php?id=1884&p=17>.

224. <http://pharmacologylib.ru/books/item/f00/s00/z0000019/st006.shtml>.

225. <http://mainflower.narod.ru/index/0-98>.

226 . <https://myphs.jimdo.com/2014/07/06/%D1%85%D0%BC%D0%B5%>

227. <http://www.ethnomuseum.ru/prazdniki/agrafena-kupalnica-kupalshchica>

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

№	Русский язык		Казахский язык		Латинское наименование
	Научное название	Народное название	Научное название	Народное название	
1	Авран лекарственный	Лихорадочная трава, кровавник, благодать	Дәрілік авран	Бұзар-түзер	Cratiola officinalis L.
2	Адонис весенний	Белоголовник, волосатик, жёлтоцвет, жёлтый огонёк, запалка, запальная трава, заячий мак, златоцвет, купавник, мохнатик, незапальная трава, огонёк, стародубка, чёрная трава, черногорка, черnodубка, чёртов глаз	Көктем жанаргүлі	Угүлжапырақ, алтынгүл, жанаргүл, бәйгішек	Adonis vernalis
3	Азинеума острая		Үшкір азинеума	Құртшөп, құртқуғыш	Asyneuma argatum Born.
4	Аир болотный	Ароматный корень, водяная трость, вонючка, ир, ирный корень, камыш, касатик, татарское зелье	Батпақ иірі	Аңдыз тамыр, батпақшөп, иіртамыр	Acorus calamus L.
5	Аистник цикутовый	Игольник, грабелки, журавельник, сорочьи иглы	Құтаншөп	Дегелекшөп, инешөп	Erodium cicutarium

6	Алтей лекарственный	алтейная трава, алтейный корень, василистник, дикая роза, калачики, калачник, лихорадочная трава, просвирник, проскурняк, рожа дикая, рожа кошачья, рожа лесная, рожа собачья, слизняк, собачья рожа	Дәрілік жалбызтікен	Жүзжылдық, далатікен	<i>Althaea officinalis</i> L
7	Анис обыкновенный		Кәдімгі анис	Бәден	<i>Anisum vulgare</i>
8	Арахис подземный		Жержаңғақ	Жаңғақ	<i>Arachis hypogaea</i> L.
9	Арника горная	Баранник, баранья трава	Тау арникасы	Қойшөп, қойқалақай	<i>Arnica montana</i> .
10	Астрагал шерстисто- цветковый		Түктігүлді таспашөп		<i>Astragalus dasyanthus</i> Pall
11	Бадан толстолистный	Монгольский чай	Қалың жапырақты бадан	Манғол шайы, шағыргүл	<i>Bergenia crassifolia</i> (L.) Fritsch.
12	Безвременник осенний	Бедовник, несчастливец	Күзгі лапыз	Лапызшөп	<i>Colchicum autumnale</i> L.
13	Белена черная	Чертовы горлачи, дурь-трава,	Қара меңдуана	Қара меңдуана	<i>Hyoscyamus niger</i> L.
14	Белладонна обыкновенная	Волчья ягода, сонная одурь, бешенная ягода	Кәдімгі итжидек	Итжүзім, итжидек, құтырған	<i>Atropa belladonna</i> L.
15	Белокопытник лекарственный		Дәрілік ақбақай	Ақбақай, ақтабан, табанша	<i>Petasites officinalis</i> L.

16	Бодяк полевой	Осот розовый, чертополох	Егістік тікенқурай	Тікене, далатікен, жындышөп	Cirsium arvense
17	Болиголов пятнистый	Медвежья дудка, вонючая трава	Теңбіл убалдырған		Conium maculatum L.
18	Бессмертник песчаный	Сушеница песчаная, сухоцвет	Құм салаубас, сарбас қурай	Шөпшай, мысықтабан, күшіқтабан	Helichrysum arenarium (L.) Moench.
19	Бессмертник самаркандский	Сухой цвет	Самарқан салаубасы	салаубас, кепшөп	Helichrysum maracandicum
20	Борец белоустый		Ақезу бәрпі		Aconitum leucostomum
21	Буквица лекарственная	Божья чарка, сорокозуб, золотушник	Дәрілік жөтелшай,	Жөтелшөп, жөтелшай	Betonica officinalis L.
22	Валериана лекарственная	Аверьянка, кошачий корень, ладанница, ароматник	Дәрілік шүйіншөп	Иісшөп, шүйіншөпше	Valeriana officinalis
23	Василек синий	Петровы батоги, полевой цветок, приворот, пуговник, ржевой цвет, синеглазка, синеголов, синенький цветок, синец, синий житник, синий цвет во ржи	Көк гүлкекіре	Қозыошаған, гүлкекіре	Centaurea cyanus L.
24	Василистник простой	Сердцева трава	Кәдімгі маралоты	Маралшөп, маралот	Thalictrum simplex L..
25	Вахта трехлистная	Бабенник, бобовник, бобок, лихорадочник, бобровица, женский жабник, поносная трав	Үш жапырақты субеде	Субедешөп, субеде	Menyanthes trifoliata L.

26	Вербена лекарственная	Железняк, железница, колдовское растение, святая трав	Дәрілік нарқайсар	Қайсарот	Verbena officinalis L.
27	Вероника лекарственная	Змеиная головка, горлянка	Дәрілік бәденешөп	Бытпылдықшөп	Veronica officinalis L.
28	Вех ядовитый		Улы утамыр	Ушөп	Cicuta virosa L.
29	Володушка золотистая	Солнечница, недужница, волчий дуб, печеночница, собачья трава, золотница, желчница, боярская сныть	Сары шоксары		Bupleúrum auréum
30	Гармала обыкновенная		Кәдімгі адыраспан	Адыраспаншөп, адыраспан	Peganum harmala L.
31	Глауциум желтый		Сары мүйіз көкнәр	Мүйізнәр, мүйізшөп	Glaucium flavum Crantz
32	Горец перечный	Лягушечья трава, водяной перец	Бұрыш самалдық	Бақаоты, субұрыш, сукалампыр	Polygonum hydropiper L.
33	Горец змеиный	Змеевик, раковая шейка	Шаян мойын таран	Шаянтаран, шаянмойын, жерқонақ	Polygonum bistoria
34	Горец птичий	Гусятница, гусятная трава, спырыш, травушка-муравушка, птичья гречиха, куроед, топтун-трав, воробьиные язычки, галочья гречиха	Құс самалдық	Таспашөп, қызыл таспа, таспа жоңышқа, құс құмық, құсқарамық	Polygonum aviculare
35	Горечавка легочная	Морские колокольчики, лазорька, суболевка,	Өкпе шерменгүлі	Ербасы	Gentiana pneumonanthe L.

		норица, норичка, норичник, норичная трава			
36	Горичник русский		Орыс сасыршөбі	Қызыл таспа, сасыршөп	Peucedanum ruthenicum L.
37	Горчица сарептская		Сарепт қышасы	Ақ қыша, қыша	Sinapis L. (Brassica juncea. Czern)
38	Гравилат речной	Любоцвет	Өзен шыршайы	Шыршайшөп	Geum rivale Geum urbanum L.
39	Гречиха посевная		Екпе құмық	Құмықот	Fagopyrum sagittatum Gillib.
40	Грушанка круглолистная	Грушка, живая трава, барвинок	Дөнгелек жапырақты алмұртшөп	Алмұртот	Pyrola rotundifolia L.
41	Грыжник голый	Собачье мыло, полевое мыльце	Жалан жарықдәрі	Итсабын	Herniaria glabra L.
42	Гулявник лекарственный		Дәрілік сарбасқұрай	Құрайшөп	Sisimbrium officinale L scop
43	Девясил высокий	Девясильник, Еленина трава, жёлтый пуговальник, животная трава, колюка, кровяк	Биік андыз	Андызшөп, қара андыз	Inula helenium L.
44	Донник лекарственный	Ароматник, заячий холодок, итальянская трава, комонница, липка, луговой буркун, медовая трава, ворчун	Дәрілік түйежоңышқа	Түйежоңышқа, түйешөп	Melilotus officinalis L Desr
45	Дербенник иволистный	Плакун-трава, вербовник, горлевник, горчак, дубняк,	Тал жапырақты тергүл	Тергүл	Lytrum salicaria L.

		зализняк, скрипняк, подбережник, богородицкая трава, божья трава, боровой бобрик, дедова борода, дикий василек, кровавница, коноплянка озерная, девичья краса.			
46	Дрема белая	Сонуля	Ақ желімбасақ	Желімбас	Melanddrium album Mill.
47	Дурман обыкновенный	Бешеное зелье, трава дьявола, шалей, шальная трава, яблоки колючие, пьяные огурцы	Сасық меңдуана	Сасықшөп, сасыршөп	Datura stramonium L.
48	Дурнишник обыкновенный	Зобчик	Кәдімгі сарысою	Ошаған, қазошаған	Xanthium strumarium L.
49	Душица обыкновенная	Бабина душица, блошная трава, блошница, блошничек, даданка	Кәдімгі жұпаргүл	Киікшөп, киікоты	Origanum vulgare L.
50	Дымянка аптечная	Дикая рута, дым-трава	Дәрілік көгілдір	Жаманкөк, көкшөп, көгілдір	Fumaria officinalis L.
51	Дягиль лекарственный	Ангелик, борщевик, веснуха, волчья дудка, вонюка, желудочная трава, женский женьшень, козелец	Дәрілік аюбалдырған	Сасықбалдырған, сасырбалдырған	Archangelica officinalis hoffm.
52	Желтушник раскидистый	Желтушник рассеяный, болотник, венички	Шашыңқы ақбасқурай	Сарбасқұрай	Erysimum diffusum Ehrh.
5i	Живокость высокая	Царь-зелье, кавалерские шпоры, колокольчик,	Биік тегеурінгүл	Қоразгүл, сүмелекгүл,	Delphinium elatum L.

		мухомор, синичка		этешгүл	
54	Зверобой продырявленный	Богородица, богородичина трава, богородичица, божья милость, веробой, взоробой, диравик, дырявник, дюрavec, дюрavec обыкновенный, Ерофей, жёлтый зверобой, желтяк, жеребей, жёсткое сено, живая трава, зайчик, заячий кривец, заячья кровца, заячья кровь, заячья трава, слёзы Божьей Матери	Шілтер жапырақты шайқұрай	Шайшөп, джерабай, сарыбас, шәйқұрай	Hypericum perforatum L.
55	Земляника лесная		Орман бүлдіргені	Орманжидек, қойбүлдірген	Fragaria vesca L.
56	Зимолубка зонтичная		Шатырша қысшылшөп	Қысшылот, қысшылшөп	Chimaphila umbellata (L) Nutt
57	Змееголовник понижающий		Түсіңкі жыланбас	Жыланбасқұрай, жыланбас	Dracocephalum nutans L.
58	Золотарник обыкновенный	Золотая розга	Кәдімгі сарыраушан	Алтыншыбық, сарыраушан	Solidago virgaurea L.
59	Золототысячник зонтичный		Шатырша толғақшөп	Шатыршөп, шатырот толғақшөп	Centaurium umbellatum Gibib
60	Зопник колючий		Тікенді әрем, тікенді фломиc	Тікеншөп, тікенот, тікен	Phlomis pungens Willd.
61	Зубчатка обыкновенная		Кәдімгі қандауыр		Odontites vulgaris Moench

62	Иван-чай узколистный	Копорский чай	Жіңішке жапырақты иваншай	Иваншай шөбі	Chamaenerion angustifolium (L) Moench)
63	Икотник серо- зеленый	Кашник	Сұр шытырша	Демшатыршөп, шытырша	Berteroa incana L.
64	Иссоп лекарственный		Дәрілік сайсағыз	Сайсағызшөп, сайсағыз	Hyssopus officinalis L
65	Истод сибирский		Сібір мекеті	Мекет	Polygala sibirica L.
66	Каланхое перистое		Қауырсынды каланхое	Қаланхой	Kalanchoe pinnata (Lam) Pers.
67	Календула лекарственная	Ноготки	Дәрілік қырмызыгүл	Тырнақгүл, тырнақшагүл, тырнақот	Calendula officinalis L.
68	Калужница болотная		Батпақ қалтагүлі		Caltha palustris L.
69	Канатник Теофаста		Теофаст бұйдакендірі		Abutilon theophrasti Medic.
70	Касатик желтый		Сары құртқашаш	Айылқияқ	Iris flavissima Pall.
71	Качим метельчатый	Перекасти-поле	Шашақ бас қаңбақ	Қаңбақ, қаңбақшөп	Gypsophila paniculata L.
72	Кендырь ланцетолистный		Қандауыр жапырақты кендір, қызыл кендір	Қызылқұрай, қызылшөп	Apocynum lancifolium Russian (Trachomitum Lancifolium Russian) Pobed
73	Кермек Гмелина		Гмелин кермегі	Томарбояу, кермек	Limonium Gmelinii (willd) O. Kuntze
74	Кипрей мохнатый		Түкті күреңот	Күреңшөп	Epiobium hirsutum L.

75	Кишнец посевной	Клоповник, кинза	Егістік кинзе	Қынза	Coriandrum sativum
76	Клещевина обыкновенная		Кәдімгі майсана	Кенедән, кенедәрі, майкене	Ricinus communis L.
77	Клопогон вонючий		Сасық қандалашөп	Қандалашөп	Codonopsis climatidea L.
78	Колокольчик круглолистный		Теңге жапырақты қоныраугүл	Қоңырауша, қоңыраугүл	Campanula ratuncifolia L.
78	Колочелистник качимовидный	Мыльный корень	Қаңбақ тәрізді бозтікен	Тікен жапырақ, құсқонбас, құсбаспас, құсұшпас	Acanthophyllum gypsophilloides Rgl
80	Конопля посевная		Егістік кенепшөп	Кенепот, кенепшөп	Cannabis sativa L.
81	Конопля круголистная		Бұйда кендір	Бұйде	Cannabis
82	Копеечник альпийский		Альпі тиынтағы	Тиынтақ	Hedysarum alpinium L.
83	Копытень европейский		Еуропалық құсықшөп	Тайтұяқ, тайтабан	Asarum europaeum L.
84	Коровяк скипетровидный	Царская свеча, царский скипетр	Биік аюқұлақ	Аюқұлақшөп	Verbascum thapsiforme
85	Костянка каменистая		Тастақты қойбүлдірген	Тасжидек, тастағы бүлдірген, қойбүлдірген	Rubus saxatilis L.
86	Крапива двудомная	Большая крапива, борщёвая крапива, ведьмина трава, жалива, жалюга, жгучка	Қосүйлі қалақай	Шақпа, шақпашөп, шақпаот шақпа шөп	Urtica dioica L.

87	Крестовник болотный	Адам-трава	Кәдімгі зиягүл	Бақалақ, бақалақот	Senecio paluster L.
88	Кровохлебка лекарственная	Бордоголовка, выпадошная трава, геморройник, красноголовник	Дәрілік сиырсілекей	Қызылбассілекей, сиырсілекейшөп, сиыр сілекейі	Sanguisorba officinalis L.
89	Кувшинка белая	одолень-трава	Ақ түңғиық	Түңғиық	Nymphaea candida
90	Кунжут индийский		Үнді күнжіті	Күнжітшөп, күнжіт	Sesamum indicum L.
91	Купена лекарственная	Соломонова печать	Дәрілік қырлышөп	Қыр шөп	Polygonatum officinale All.
92	Лабазник шестилепестный		Алтыкүлтелі жұлдызгүл	Күлте шөп	Filipendula hexapetala Gillib.
93	Ландыш майский	Воронец, вороновы глазки, галадушник, гладушник, гладыш, глазная трава, горючие слёзы Богородицы, заячьи уши, заячьи ушки, заячья капуста, заячья соль, кокушкины уши, колокольчики Марии	Май меруертгүлі	Қояншөп, қоян құлағы, қоян тұзы, қоянот	Convallaria majalis
94	Лапчатка гусиная	Лютик, мартинова рука, могучник, могущник, золотник, серебрянник	Кәдімгі қазтабан	Қазтабаншөп, қазтабан	Potentilla anserina L.
95	Лен обыкновенный		Кәдімгі зығыр	Зығырот, жайзығыр	Linum usitatissimum L.
96	Лопух большой	Репей	Ірі шоңайна	Түйежапырақ, маңқажапырақ	Arctium maximum L.

97	Лук репчатый		Қатпарлы пияз	Самырсақ, жуа, көкшөп, басты пияз	Allium cepa L.
98	Льнянка обыкновенная	Жабрей, чистик, дикий лен	Кәдімгі сиякөк	Зығырот, сиякөк	Linaria vulgaris Mill .
99	Любисток лекарственный	Зоря лекарственная	Дәрілік сүйментамыр	Дәрілік зоря	Levisticum officinale L.
100	Любка двулистная	Ночная фиалка	Қос жапырақты жұпаршөп	Әтіршөп, әтіргүл	Platanthera bifolia L. Rich
101	Лядвенец рогатый		Мүйізді пышан		Lotus corniculatus L.
102	Мак снотворный		Ұйықтататын көкнәр	Апиын, көкнәр	Papaver somniferum L.
103	Манжетка обыкновенная	Приворот	Кәдімгі байғұт	Жетітөбе, байғұт	Alchemilla vulgaris L.
104	Марена красильная	Разрыв-трава	Бояу риян	Ләйлекшөп	Rubia tinctorum L. var. iberica (Fisch. Ex Dc.) C. Koch.
105	Марь противоглистная		Дәрілік алабота	Сора, кұртшөп	Chenopodium anthelminticum L.
106	Мать- и -мачеха обыкновенная		Кәдімгі өгейшөп	Өгейшешек, тозғанақ	Tussilago farfara L.
107	Медуница мягчайшая		Жұмсақ балшатыр	Балқұрай	Pulmonaria dacica Simonk.
108	Мелисса лекарственная	Пчельница, дамское счастье, женская трава, маточник	Дәрілік мелисса	Жатыршөп, емшөп	Melissa officinalis L.
109	Многоножка обыкновенная	Сладкий корень	Кәдімгі қырықаяқ	Тәтті тамыр, тамыршөп, қырықаяқ	Polypodium vulgare L.

110	Молочай джунгарский	Молочайник	Жоңғар сүттігені	Сүттіген	Euphorbia songarica boiss.
111	Морковь посевная		Екпелі сәбіз	Егін сәбіз	Daucus sativus (Hoffm.)
112	Мыльнянка лекарственная	Чистюха, татарское мыло, мыльная трава	Дәрілік сабыншөп	Сабын шөп	Saponaria officinalis L.
113	Мята перечная	Мята-холодянка, холодная мята, чайная мята	Бұрыш жалбыз	Бүлінгек, Бүлінгекшөп	Mentha piperita L.
114	Наперстянка пурпуровая	Наперстянка красная, желтый колокольчик, горный лютик, наперсток, наперстянная трава	Қызыл оймақгүл	Оймақсары, оймақша	Digitalis purpurea L.
115	Нивяник обыкновенный	Луговая ромашка роман-трава, нивянка, белоцвет	Кәдімгі егінек	Ақ егінек	Leucanthemum vulgare Lam.
116	Ноготки лекарственные		Дәрілік қырмызыгүл	Қырмызы, тырнақша тырнақгүл, тырнақшагүл	Calendula officinalis L.
117	Норичник узловатый		Буынды сабынкөк	Індетшөп, сабынкөк	Scrophularia nodosa L.
118	Овес посевной		Егістік сұлы	Ақ сұлы	Avena sativa L.
119	Одуванчик лекарственный	Пустодуй, кульбаба, пушки, пуховка, молочник, зубной корень, плешивец, грядунница, молочай	Дәрілік бақ-бақ	Түйіртпек, бақбақ	Taraxacum officinale wigg
120	Окопник лекарственный	Костолом	Дәрілік майтамыр	Есекқұлақ	Symphytum officinale L.
121	Орляк обыкновенный		Кәдімгі қыранот	Қыраншөп, қыранот	Pteridium aquilinum L. Kuhn
122	Очиток большой	Заячья губа	Үлкен бозкілем	Көкемарал,	Sedum maximum L.

				бозшагүл	
123	Очноцвет полевой		Егістік күндізгүл	Ақшыл гүл	Anagallis arvensis L.
124	Парнолистник обыкновенный		Кәдімгі түйетабан	Түйетабан	Zygophyllum fabago L.
125	Пастернак посевной	Козелец, олений корень, полевой борец, оленья трава	Егістік ботташық		Pastinaca sativa L.
126	Пастушья сумка обыкновенная	Пастушья трава, сумочник, мочальная трава, гречка полевая, воробьиная каша, лебедец, сушочник, сердечки, кошелишка	Кәдімгі жұмыршақ	Тұмаршөп	Capsella bursa- pastoris L.
127	Патриния средняя		Орта патриния, орта тасшүйгіні	Тасшүйгін	Patrinia intermedia (Rorm.et Schult)
128	Первоцвет лекарственный	Баранчики, примула, ключики Петра, коровьи слёзы	Дәрілік наурызгүл	Наурызшешек, үпілмәлік, қозыгүл	Primula officinalis Jacq
129	Переступень белый		Ақ итжүзім	Белтірік, сырттан, итжидек	Bryonia alba L.
130	Перец однолетний	Перец стручковый, паприка	Қызыл бұрыш, лазы	Бұрыш, көкбұрыш	Capscicum annum L.
131	Петрушка обыкновенная	Петрушка кудрявая, петро- селинява трава, невестица	Ақ желкен	Ақжелек	Petroselinum crispum (mill)A.W.Nill
132	Пижма обыкновенная	Дикая рябина, глистник, девятильник, приворотень, райцвет, рябинка полевая, чашечник, пуговочник	Кәдімгі түймешетен	Құртқашар, құртқаш	Tanacetum vulgare L.

133	Пион уклоняющийся	Марьин корень, сердечные ягоды	Кәдімгі таушымылдық	Кәдімгі шұғылық, шұғынық	<i>Paeonia anomala</i> L.
134	Подмаренник настоящий	Подмаренник весенний, грудник, желтая кашка, медовая трава, сывороточная трава, червишник	Нағыз қызылбояу	Қызылбояушөп, бояушөп, бояла, боялаш	<i>Galium verum</i> L.
135	Подорожник большой	Семижилник, придорожник, порезник, попутчик	Үлкен жолжелкен	Үлкен бақажапырақ, тәуіпдәрі	<i>Plantago major</i> L.
136	Подofilл щитовидный		Қалқан жапырақты подофилл	Қалқанша шөп, қалқаншөп	<i>Podophyllum peltatum</i> L.
137	Подсолнечник однолетний	Трава солнца, царёвы очи, цветок солнца	Біржылдық күнбағыс	Шемішке, күнбағар, күнасты	<i>Helianthus annuus</i> L.
138	Полынь горькая	Вдовья трава, ведьмина трава, вермут, глистник, горечь, горькая трава, емшан, кобыльник	Ащы жусан	Ермен, ащышөп, жаманшөп, кұртшөп, кұртқаш	<i>Artemisia absinthium</i> L.
139	Просвирник лесной		Орман құлқайыры		<i>Malva silvestris</i> L.
140	Прострел луговой	Сон-трава	Шалғын кұндызшөбі	Ұйқышөп, ұйқыкету	<i>Pulsatilla pratensis</i> Mill.
141	Псоралия костянковая		Сүйекті аққурай		<i>Psoralea drupacea</i> Bunge.
142	Пустырник пятилопастный	Собачья крапива, сердечная трава, сердечник	Бессалалы сасықшөп	Итшөп, гүл буын, сасықшөп	<i>Leonurus quinquelobatus</i> Gilib.
143	Пырей ползучий	Житняк, сабачий зуб	Жатаған бидайық	Қара бидайық	<i>Agropyron repens</i> .

144	Расторопша пятнистая	Остро-пестро	Шұбар алатікен	Тікен шөптесін, алашөп	Silybum marianum (L). Gaerth.
145	Ревень Виттрока		Виттрок рауғашы	Түйежапырақ,	Rheum wittrockii Lundstr.
146	Репа огородная		Бақша шалқаны	Шалқанша	Brassica Rapa L.
147	Репейничик азиатский	Посконник	Азия шоғайы		Agrimonia, asiatica Jus.
148	Родиола розовая	Золотой корень, розовой корень	Қызғылт семізот	Алтынтамыр	Rhodiola rosea L.
149	Ромашка лекарственная	Попова Скуфья, маточник, матрёнка, моргун, невесточка, пахучка, поповник	Дәрілік түймедағы	Ақшешек, түймедақ	Matricaria chamomilla
150	Росьянка круглолистная		Дөңгелек жапырақты шықшөп		Drosera rotundifolia L.
151	Рута пахучая		Хош иісті рута	Жұпаршөп	Ruta graveolens L.
152	Ряска малая		Кіші балықоты	Балдыршөп	Lemna minor L.
153	Сабельник болотный.	Болотник, земляника болотная, растопырка, болотная роза.	Батпақ мажырасы	Мажыра, батпақ бүлдірген	Comarum palustre L.
154	Свекла обыкновенная		Кәдімгі қант қызылшасы	Қызылша	Beta vulgaris L.
155	Сельдерей пахучий		Иісті балдыркөк		Apium graveolens
156	Сердечник луговой		Шалғындық баймана	Баймана	Cardamine pratensis L.
157	Синеголовник		Тегіс жапырақты	Шайтанкелмес,	Eryngium planum L.

	плосколистный		көкбас	шайтанбармас, шайтанқонбас	
158	Синюха голубая	Синюха лазурная, валериана греческая, двусил, зверобой синий, синюшник	Жасыл көкшегүл	Көкгүл, көкшеқұрай	<i>Polemonium coeruleum</i> L.
159	Синяк обыкновенный	Колкая трава, куриная слепота	Кәдімгі көкшешек	Көк басгүл	<i>Echium vulgare</i> L.
160	Скабиоза джунгарская		Жонғар қотыроты, таужапырақ	Таужапырақшөп	<i>Scabiosa soongarica</i> L.
161	Смолевка брагуйская		Брагуй сылдыршөбі	Сылдырқұрай, ешкімия	<i>Silene brahuica</i> Boiss
162	Сныть обыкновенная		Кәдімгі бежір	Бежіршөп	<i>Aedopodium podagraria</i> L.C.
163	Солодка голая	Лакричник, солодковый корень, лакричный корень	Жалаң мия	Жалаңшөп	<i>Glycyrrhiza glabra</i> L.
164	Солянка холмовая	Бабыа соль	Қанбақ сораң	Түйешағыр	<i>Salsola collina</i> Pall.
165	Софора лисохвостная	Брунец	Түлкі құйрық ақмия	Ақмия	<i>Sophora alopecuroides</i>
166	Спаржа лекарственная	Бирюльник	Дәрілік қасқыржем	Итшуы, итжемшөп	<i>Asparagus officinalis</i> L.
167	Стальник полевой	Бычачья трава, волчуг, глинный, стальник колючий	Егістік қуандәрі	Қуаншөп, қуандәрілік	<i>Ononis arvensis</i> L.
168	Сферофиза солонцовая		Сортаң әйбәтмия	Берік, баяң, сортаңша	<i>Sphaerophysa salsula</i> (Pall) D.C.
169	Татарник колючий	Басурманская трава, бодяк, бодяк красноголовый, будяк,	Тікенді шағыртікен	Түйетікен, тікенді ошаған,	<i>Onoporden acanthium</i> L.

		волчец, дед колючий, чертополох, шишебарник, шишобар		татар тікенше	
170	Термопсис ланцетовидный	Мышатник, пьяная трава	Улы термопсис, қандауыр тентекмия	Улы тентекмия,	Thermopsis lanceolata R. Br.
171	Тмин обыкновенный	Анис дикий, козловка, королек, тимон, тимьян, чернушка	Кәдімгі зире	Зере	Carum carvi L.
172	Томат	Помидор съедобный	Ас қызанағы	Алжұмыр	Lycopersion esculentum mill.
 s.php. 173	Тростник обыкновенный		Кәдімгі қамыс	Құрақ	Phragmites communis. Trin
174	Тысячелистник обыкновенный	Ахиллесова трава, бедренец, белая кашка, белоголовник, белоцвет, белоцветка, белошапочник, волосяная трава, выпадок, грыжник, еврейская трава	Кәдімгі мыңжапырақ	Қазтандай, тараққұйрық, жапырақты шөп	Achillea millefolium L.
175	Укроп пахучий	Укроп огородный, копер, крип, тимон, цап	Иісті аскөк		Anethum graveolens L.
176	Фасоль обыкновенная		Кәдімгі түйебұршақ	Үрмебұршақ, бұршақшөп	Phaseolus vulgaris L.
177	Фенхель обыкновенный	Укроп аптечный, укроп волошский	Әптиек аскөгі	Арамсарбас, сарбасшөп	Foeniculum vulgare mill.
178	Ферула вонючая		Сасық сасыр	Сасық,	Ferulla assafoetida L.

				сасықшөп, сасырқалақай	
179	Фиалка трехцветная	Анютины глазки, Иван-да- марья, братики, троецветка, брат-и-астра, мотыльки, полуцвет, топорчики	Үш түсті шегіргүл	Анютагүл, көбелекгүл, нәзігүл	<i>Viola tricolor</i> L.
180	Хвощ полевой	Ельник болотный, хвост конский, елка, хвойка, земляные орехи	Дала қырықбуыны	Атқұйрық, қырықбуын	<i>Equisetum arvense</i> L.
181	Хмель обыкновенный	Хмельница , горкач	Кәдімгі құлмақ	Ащышөп, құлмақшөп	<i>Humulus lupulus</i>
182	Хрен обыкновенный		Ақжелкен	Желкек, түбіртамыр, дала желкені	<i>Armoracia rusticana</i> L.
183	Цикорий обыкновенный	артишок, баранья трава, горчанка осенняя, желтяница, крысиный корень, кульбаба, луговник, папавка, Петров батиг, Петров батог, Петров батожек, Петров кнут, Петровы батогы, Петровы розги, подорожник, попутник чёрный, придорожная трава, придорожник, пуговник, серпник, синецветка, синие батогы, синий цветок, солнцева сестра, солнцева трава, татарский цвет, цвет татарский, цикорий, цикорий	Кәдімгі шашыратқы	Жолжелкен, көкжелкен жолшөп, тышқантамыр, кұртшөп, кұрттамыр, көкшегүл, татаршөбі	<i>Cichorium intybus</i> L.

		дикий, цикорий полевой, цикорная трава, цихорий, цыхорная трава, шкедра, щербак			
184	Чемерица Лобеля	Кукольник, чемерка, чермик, чемерица	Лобель тамырдерісі	Маралқұлақ, маралқұрай, маралшөп	Veratrum lobelianum Bernh
185	Черёда трехраздельная	Чернобривец болотный, причепа. козы рожки, собачник, собачьи репяхи, золотушная трава, стрелка. двузубец	Үш тармақ итошаған	Иттікен	Bidens tripartite L.
186	Черноголовка обыкновенная	Горлянка	Кәдімгі топырақбас	Қара топырақбас, топырақбасшөп	Prunella vulgaris L.
187	Чернокорень лекарственный	Глистная трава, кошацье мыло, лиходейка, собачий корень	Дәрілік қара тамыр	Қаратамыр, күреңтамыр	Cynoglossum officinalis
188	Чина луговая		Шалғын ноғатығы	Тоққұдыс, тоққұдысшөп	Lathyrus pratensis L.
189	Чистец болотный		Саздық қайызғақшөп		Srachys palustris L.
190	Чистотел большой	адамова голова, бородавочник, ведьмина трава, жёлтомолочник, жёлтый чистяк, чистик, коровья трава, кровавик, крововишник, ласточкино зелье, лютик болотный, маслёнка, маслянка, молочай жёлтый, молочник,	Үлкен сүйелшөп	Усарғалдық, тазартқыш, сарышөп, көкекшөп, сиыршөп, ақнар	Chelidonium majus L.

		печёночник, подтынник			
191	Шалфей лекарственный	Шалфий	Дәрілік сәлбен	Сәлбеншөп, сәлбенқұрай	Salvia officinalis L.
192	Шафран алатауский		Алатау запыраны	Ботатабан, таузапыран, запыраншөп	Crocus alatavicus Rgl. Et Set
193	Шлемник байкальский		Байкалдық томағашөбі		Scutellaria baica lensis G
194	Щавель конский	Грыжная трава, кислица конская, коновник, веребьятник, квасок	Атқұлақ, жылқы қымыздық	Қымыздық, қышқылдық қышқылқұрай	Rumex confertus W
195	Щирица запрокинутая	Подсвекольник	Шалқақ гүлтәж		Amaranthus retroflexus L.
196	Щитовник мужской	Папортъ, перекус, Перунов огнецвет, Перунов цвет, Перунов цвет-молния, плакун- трава, прострел-трава, прыгун, разрыв-трава, светлицет, скакун, скакун-трава	Еркек усасыр	Қалқаншөп, қырыққұлақ, ушөп, утолы шөп	Dryopteris filix – mas (L) Schott
197	Эминиум Регеля		Регель күшаласы	Қарынжарық, күшаларшөп, күшжинашөп	Eminium Regelii Vved.
198	Эрва шерстистая		Түкті эрва, Түкті пол-пала	Жүндішөп, түкшөп	Aerva latana L.
199	Ясенец узколистный	Неопалимая купина	Жатаған теміртікен	Жіңішке жапырақшөп	Tribulus terrestris L.
200	Ясменник душистый		Иісті бояушөп		Asperula odorata L.

201	Яснотка белая	Глухая крапива	Ақ тауқалақай,	Қышытпа, аққалақай, уқалақай	Orchis latifolia L.
202	Ятрышник широколистный	Кукушкины слезы, салепа	Айыл жапырақты сүйсін	Аттабан, жапырақты табан	Orchis latifolia L.